

12+

СПАСТИ МИР И ОБМАНУТЬ СКУНСА

ЛОГВИНОВ АЛЕКСАНДР

Александр Логвинов

Спасти мир и обмануть скунса

«Издательские решения»

Логвинов А.

Спасти мир и обмануть скунса / А. Логвинов — «Издательские решения»,

Когда похищение Первого Запаха грозит перепутать границы, воспоминания и судьбы целых миров, Эраст Кунилин, Тарас Тюлькин и эксцентричный сыщик Мегрэ Артурович Пуаронов оказываются втянуты в расследование, где каждая улика говорит правду — но совсем не ту, которую от неё ждут. Чтобы спасти реальность, им придётся разоблачить невозможного преступника, перехитрить чрезвычайно подозрительного скунса и доказать, что самый опасный обман порой прячется не внутри истории, а на её обложке.

© Логвинов А.

© Издательские решения

Содержание

ЛОГВИНОВ АЛЕКСАНДР	14
юмористическое детективное фэнтези	14
Книга шестая	15
Пролог	16
Преступление с неприятным послевкусием	16
«ПЕРВАЯ ЛОЖЬ УЖЕ СКАЗАНА»	17
Часть первая	19
Глава первая	20
Утро после конца цикла	20
Глава вторая	22
Сыщик с семнадцатью карманами	22
«У МЕНЯ ЕСТЬ ВКУС»	23
Глава третья	24
Дракон, который всё обнюхал	24
Глава четвёртая	26
Семеро, которые не солгали	26
Глава пятая	28
Восьмой щелчок	28
Глава шестая	30
Человек без запаха	30
Глава седьмая	32
Алиби, которое пришло заранее	32
— ЛЕКТОР НЕ ПОКИДАЛ ПОМЕЩЕНИЯ	32
Глава восьмая	34
Три двери и одна неправда	34
Глава девятая	35
Глава десятая	36
Погоня за голосом	36
Глава одиннадцатая	37
Свидетель напрокат	37
Глава двенадцатая	39
Королева под кроватью	39
Часть вторая	40
Театр достоверных заблуждений	40
Глава тринадцатая	41
Город вспоминает чужое	41
Глава четырнадцатая	42
Билет на собственное убийство	42
Глава пятнадцатая	43
Нос без показаний	43
Глава шестнадцатая	44
Признание, которое нельзя отменить	44
Глава семнадцатая	45
Четыре пальца	45
«КНИГА ЛЕЖАЛА САМА»	45
«ПОЭТОМУ Я НЕ СЧИТАЛ ЕЁ КНИГОЙ»	45

«ВЕРА И ЭРАСТ»	45
Глава восемнадцатая	47
Двойники с хорошими манерами	47
Глава девятнадцатая	48
Чай, которого испугались	48
Глава двадцатая	49
Покойник по предварительной записи	49
«ПЛАН ИЗМЕНЁН. УБИТЬ СЫЩИКА»	49
Глава двадцать первая	50
Глава двадцать вторая	51
Подозреваемые нюхают друг друга	51
Глава двадцать третья	52
Настоящий Фимиам	52
Глава двадцать четвёртая	53
Сыщик становится уликой	53
Глава двадцать пятая	54
Инициалы, которые опоздали	54
«ПРИХОДИТЕ, КОГДА ЛОПНЕТ ТОЧКА»	54
Глава двадцать шестая	56
Мастерская Афиш	56
Глава двадцать седьмая	57
Груша с двадцатисемилетним алиби	57
«НЕ ПЛАГИАТЬТЕ»	57
Глава двадцать восьмая	59
Дело номер один	59
«СЛИШКОМ УДОБНЫЙ ОТВЕТ»	59
«СПАСИБО ЗА ГРУШУ»	59
Глава двадцать девятая	61
Глава тридцатая	62
Арест, который пришлось отложить	62
«СКУНС НЕ АРЕСТОВАЛ МАЛЬЧИКА»	62
Часть третья	63
Следствие без чрезвычайного носа	63
Глава тридцать первая	64
Похищение главного свидетеля	64
Глава тридцать вторая	65
Коридор ненаписанных поступков	65
«ТАРАС СПРОСИЛ О НЕПРОГОВОРЁННОМ»	65
«КТО ПОХИТИЛ ПЕРВЫЙ ЗАПАХ?»	65
«ТАРАС СЛУЧАЙНО ПОПАЛ В СМЫСЛ»	65
Глава тридцать третья	66
Глава тридцать четвёртая	67
Два сыщика и одна груша	67
Глава тридцать пятая	68
Проверка без правильного ответа	68
Глава тридцать шестая	69
Актёры без лиц	69
«ЭРАСТ»	69
«ВЕРА»	69

Глава тридцать седьмая	70
Глава тридцать восьмая	71
Карта из неправильных решений	71
Глава тридцать девятая	72
«ВИНОВНЫЙ НАЗВАН. ИСТОРИЯ ЗАВЕРШЕНА»	72
Глава сороковая	73
Место финала	73
Глава сорок первая	74
Подозреваемые без недостатков	74
Глава сорок вторая	76
Преступление, совершённое вовремя	76
Глава сорок третья	78
Квитанция из завтрашнего дня	78
«У КАССИРА БЫЛО ПЯТЬ ПАЛЬЦЕВ»	78
«У КАССИРА БЫЛО ПЯТЬ ПАЛЬТО»	79
Глава сорок четвёртая	80
Чашка неправильной рукой	80
Глава сорок пятая	82
«ГЕРОЙ ПЕРЕДУМАЛ»	82
«НУЛЬ — ИСПРАВЛЕНИЕ»	83
«ТАРАС ОПЛАТИЛ БИЛЕТ»	83
Глава сорок шестая	84
Шесть Пуароновых и половина вывода	84
«ПРОВЕРКА НЕ ПРЕДУСМОТРЕНА»	85
Глава сорок седьмая	86
Глава сорок восьмая	88
Первая полезная ошибка	88
Глава сорок девятая	90
Убийство слова потому что	90
«РЕДАКЦИЯ ВТОРАЯ»	90
Глава пятидесятая	92
Вскрытие пророчества	92
Глава пятьдесят первая	94
Алфавит подозреваемых	94
«ИДЕАЛ ПЕТРОВИЧ БЕЗОШИБКИН»	94
Глава пятьдесят вторая	96
Показания шестой книги	96
«ЧТОБЫ НЕ ДОПУСТИТЬ ЗАВЕРШЕНИЯ»	96
Глава пятьдесят третья	98
Пропавший читатель	98
Глава пятьдесят четвёртая	100
Чай, который остывал трижды	100
Глава пятьдесят пятая	102
Окно в полях	102
«В ЕГО ИМЕНИ ПЯТЬ ОШИБОК»	102
«СОБСТВЕННОСТЬ ОТДЕЛА ОКОНЧАТЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ»	102
Глава пятьдесят шестая	104
Идеал Петрович Безошибкин	104

«ГЛАВНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ»	104
«СПАСТИ МИР И АРЕСТОВАТЬ АВТОРА»	105
Часть четвёртая	106
Глава пятьдесят седьмая	107
«АВТОР ПОПЫТАЛСЯ СКРЫТЬСЯ»	107
Глава пятьдесят восьмая	109
Алиби предполагаемого автора	109
«ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ НЕ ПРОШЁЛ ПРОВЕРКУ»	110
Глава пятьдесят девятая	111
Глава шестидесятая	113
Счёт за конец света	113
«ОТДЕЛ ОКОНЧАТЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ»	113
«РАСЧЁТ ПРОИЗВОДИТСЯ ВНИМАНИЕМ»	113
Глава шестьдесят первая	115
Лицо из ожиданий	115
«АВТОР СКРЫЛСЯ ОТ СЛЕДСТВИЯ»	116
«АРХИВ ВОЗМОЖНОСТЕЙ»	116
Глава шестьдесят вторая	117
Ордер на арест каждого	117
«АРЕСТОВАТЬ АВТОРА»	117
«СОЗДАНИЕ НЕПРАВИЛЬНОГО КОНЦА»	117
«А ТАКЖЕ ПРИГОТОВЛЕНИЕ»	118
Глава шестьдесят третья	119
Самоарест Мегрэ Артуровича	119
«АВТОР АРЕСТОВАН»	119
«ОДИН ИЗ АВТОРОВ АРЕСТОВАН»	119
«СПАСТИ МИР И ОСТАВИТЬ ВЫБОР»	120
Глава шестьдесят четвёртая	121
Свидетели, которых не написали	121
«ВЫБОР БОЛЬШЕ НЕ ТРЕБОВАЛСЯ»	121
Глава шестьдесят пятая	123
Дело о пропавшем мотиве	123
Глава шестьдесят шестая	125
Глава шестьдесят седьмая	127
Жертва, которая подготовила преступление	127
Глава шестьдесят восьмая	129
Книга без первого предложения	129
«И ПОСЛЕДНЯЯ ДОРОГА ЗАКРЫЛАСЬ»	129
«С КАКОЙ СТОРОНЫ?»	130
Глава шестьдесят девятая	131
Глава семидесятая	132
Операция Зеркальный свидетель	132
«ВОССТАНОВЛЕНИЕ НЕ ПРЕДУСМОТРЕНО»	132
Глава семьдесят первая	134
Скунс обманывает самого себя	134
Глава семьдесят вторая	136
Неправильный конец правильного дела	136
«СПАСТИ МИР И ОСТАВИТЬ ВЫБОР»	136
Часть пятая	138

Дело об убийстве будущего	138
Глава семьдесят третья	139
Повестка, выданная послезавтра	139
Глава семьдесят четвёртая	140
Город одного понедельника	140
Глава семьдесят пятая	141
Труп, который ещё жив	141
Глава семьдесят шестая	142
Алиби вчерашнего дня	142
Глава семьдесят седьмая	143
Три прогноза и одна подделка	143
Глава семьдесят восьмая	144
Сегодня даёт показания завтра	144
Глава семьдесят девятая	146
Комната ненаступивших событий	146
Глава восемьдесятая	147
Подозреваемый по имени Никак	147
Глава восемьдесят первая	148
Дедукция по холодному чаю	148
Глава восемьдесят вторая	149
Режиссёр неизбежности	149
Глава восемьдесят третья	150
Скунс и запах намерения	150
Глава восемьдесят четвёртая	151
Главный Редактор Реальности	151
Глава восемьдесят пятая	152
Преступление в девять тринадцать	152
«ПУАРОНОВ РАЗБИЛ ЧАСЫ»	152
«ПУАРОНОВ РАЗБИЛ»	152
Глава восемьдесят шестая	153
Будущее выходит под залог	153
Глава восемьдесят седьмая	154
Кто убил единственный финал	154
Глава восемьдесят восьмая	155
Подозреваемый Мегрэ Артурович Пуаронов	155
«ЭТАЖ 89. БЮРО ПРОПАВШИХ КОНЦОВОК»	156
Часть шестая	157
Бюро пропавших концовок	157
Глава восемьдесят девятая	158
Этаж после последней страницы	158
Глава девяностая	159
Карман с чужой развязкой	159
«ПОСЛЕ ТОГО КАК СКУНС...»	159
Глава девяносто первая	160
«КОМНАТА ОКОНЧАТЕЛЬНЫХ ЧЕРНОВИКОВ»	160
Глава девяносто вторая	161
Глава девяносто третья	162
«ПОСЛЕ ТОГО...»	162
Глава девяносто четвёртая	163

Евграф Многоточиевич Недосказанцев	163
Глава девяносто пятая	164
Погоня за концом	164
Глава девяносто шестая	165
Человек без мягкого знака	165
Глава девяносто седьмая	167
Форма девяносто девять	167
«СОГЛАСОВАНО НА ЭТАЖЕ 120»	167
Глава девяносто восьмая	168
«ОСТАЛЬНЫЕ ПРОХОДЯТ БЕСПЛАТНО»	168
Глава девяносто девятая	169
Комната спойлеров	169
«ПРОЧТЕНИЕ СОЗДАЁТ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ИСПОЛНИТЬ»	169
Глава сотая	170
Финал за чёрной тканью	170
Глава сто первая	171
Алиби верхнего этажа	171
Глава сто вторая	172
Причина после следствия	172
Глава сто третья	173
Лестница из отрицаний	173
«ВХОДИТЬ АВТОРУ»	173
«СКУНС УКРАЛ СЛОВО „НЕ“»	173
Глава сто четвёртая	175
Перед последней причиной	175
Глава сто пятая	177
Убийство автора	177
«ВТОРОЙ БАШМАК УНЕСЁН УБИЙЦЕЙ»	177
«СЫЩИК ОПОЗДАЛ»	178
Глава сто шестая	179
Труп без человека	179
«АВТОР ЛЕЖАЛ ЗДЕСЬ»	179
«Я, АВТОР, НЕ ЛЕЖАЛ ЗДЕСЬ»	179
Глава сто седьмая	181
Свидетель от первого лица	181
«СВИДЕТЕЛЬ БЫЛ ДОПРОШЕН»	182
Глава сто восьмая	183
Комната, запёртая наречием	183
Глава сто девятая	184
Читатель под столом	184
Глава сто десятая	186
Глава сто одиннадцатая	188
Письмо после смерти	188
«ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ НАРУШЕНА»	189
Глава сто двенадцатая	190
«РАССКАЗЧИК БЫЛ УСТРАНЁН СЛЕДСТВИЕМ»	191
«КОМНАТА АВТОРСКИХ АЛИБИ»	191
Глава сто тринадцатая	192

Комната авторских алиби	192
«ИСПОЛНИТЕЛЬ НЕ УСТАНОВЛЕН»	192
«БЫЛО СОВЕРШЕНО УБИЙСТВО АВТОРА»	193
Глава сто четырнадцатая	194
Пуаронов обвиняет стул	194
«СЛЕДСТВИЕМ ДОПУЩЕНА ОШИБКА»	194
«НИКТО НЕ ВХОДИЛ»	195
Глава сто пятнадцатая	196
След из чужого стиля	196
«СТРАНИЦЫ БЫЛИ ВЫРВАНЫ»	196
«ДОКАЗАТЕЛЬСТВА БЫЛИ ПОЛУЧЕНЫ»	196
«Я ВЫРВАЛ ГЛАВЫ»	196
«ГЛАВЫ БЫЛИ ВЫРВАНЫ»	196
«КТО ПОЛУЧИЛ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА?»	197
Глава сто шестнадцатая	198
Человек за сноской	198
«ПОЛУЧЕНО ШЕСТНАДЦАТЬ ГЛАВ»	199
Глава сто семнадцатая	200
Права на чужой конец	200
«ЛОГВИНОВ АЛЕКСАНДР»	201
Глава сто восемнадцатая	202
Автор, которого запретили замечать	202
Глава сто девятнадцатая	204
Убийство, которого не было	204
Глава сто двадцатая	206
Развязка без последней точки	206
«СПАСТИ МИР И ОБМАНУТЬ СКУНСА»	207
Часть седьмая	208
«КУДА МЫ ЕДЕМ.»	209
«ВЫ ХОТИТЕ ОСТАНОВИТЬСЯ.»	210
«ВЫ ПРОВЕРИЛИ.»	211
Глава сто двадцать вторая	212
Город готовых ответов	212
Глава сто двадцать третья	214
Реестр незаконного незнания	214
«ПИРОЖОК ПОЛУЧЕН»	215
Глава сто двадцать четвёртая	216
Свидетель, который отвечал заранее	216
Глава сто двадцать пятая	218
След от отсутствующего крючка	218
Глава сто двадцать шестая	220
Урок без вопросов	220
«КТО НАЗНАЧИЛ ДИРЕКТОРА?»	221
Глава сто двадцать седьмая	222
Мальчик по имени Сомнение	222
Глава сто двадцать восьмая	224
Хранилище будущих ответов	224
Глава сто двадцать девятая	226
Подозреваемый, подошедший по описанию	226

Глава сто тридцатая	228
Ответ, написанный раньше вопроса	228
Глава сто тридцать первая	229
Книга даёт показания	229
«КТО ПРИКАЗАЛ УБРАТЬ ВОПРОСЫ.»	229
«ЭТО БЫЛО ОБЩЕЕ РЕШЕНИЕ»	229
Глава сто тридцать вторая	231
«ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ МОДЕЛЬ ОДИН»	231
Глава сто тридцать третья	233
Мэр в форме пустого кресла	233
Глава сто тридцать четвёртая	235
«ЗДЕСЬ НИКОГО НЕТ»	235
Глава сто тридцать пятая	237
Глава сто тридцать шестая	239
«Я ДОСТАВИЛ ВАС ПО НАЗНАЧЕНИЮ»	239
«ОПИСАНИЕ ДОСТАТОЧНО»	239
«ВОЗРАЖЕНИЙ НЕ ПОСТУПИЛО»	240
Часть восьмая	241
Коридор молчаливых договоров	241
Глава сто тридцать восьмая	243
Подпись поставленная до чтения	243
Глава сто тридцать девятая	245
Свидетель с закрытым ртом	245
«ОФИЦИАЛЬНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ ОТСУТСТВИЯ ВОЗРАЖЕНИЙ»	245
Глава сто сороковая	247
Чернила которые слышали тишину	247
Глава сто сорок первая	248
Печать отсутствующего согласия	248
«ВОЗРАЖЕНИЙ НЕ ПОСТУПИЛО»	248
«ПОЛУЧЕНО ОТДЕЛОМ НЕПОЛУЧЕННЫХ СООБЩЕНИЙ»	248
Глава сто сорок вторая	250
Глава сто сорок третья	252
Глава сто сорок четвёртая	253
Пуаронов допрашивает подпись	253
«УВАЖАЕМЫЙ ОТВЕТ ОТВЕТОВИЧ»	253
Глава сто сорок пятая	255
Скунс и запах добровольности	255
Глава сто сорок шестая	257
Срок начавшийся раньше договора	257
«ДЕТЕКТИВ ПРИДЁТ К БАШНЕ В 16:00»	258
Глава сто сорок седьмая	259
Архив отказов	259
Глава сто сорок восьмая	260
Человек который сказал нет	260
Глава сто сорок девятая	262
Выгодоприобретатель без фамилии	262
Глава сто пятидесятая	264

Механизм молчаливого согласия	264
«ВСЕ СОГЛАСНЫ»	264
Глава сто пятьдесят первая	266
Развязка с кнопкой Нет	266
Глава сто пятьдесят вторая	268
Договор расторгнут вопросом	268
Часть девятая	270
Пустая шкатулка даёт показания	270
Глава сто пятьдесят четвёртая	272
Глава сто пятьдесят пятая	274
Опись до вскрытия	274
Глава сто пятьдесят шестая	276
Сыр как алиби	276
Глава сто пятьдесят седьмая	278
Цепочка хранения с разорванным звеном	278
Глава сто пятьдесят восьмая	280
Свидетель под присягой мебели	280
Глава сто пятьдесят девятая	281
Доказательство существования доказательства	281
Глава сто шестидесятая	282
Кража из запертой витрины	282
Глава сто шестьдесят первая	283
Эксперт по отсутствующим предметам	283
Глава сто шестьдесят вторая	285
Заседание без обвиняемого	285
Глава сто шестьдесят третья	286
Протокол написанный до вопроса	286
Глава сто шестьдесят четвёртая	288
Пуаронов вызывает пустоту	288
Глава сто шестьдесят пятая	290
Тарас и презумпция сыра	290
Глава сто шестьдесят шестая	292
Кому выгодно сомнение	292
Глава сто шестьдесят седьмая	294
Глава сто шестьдесят восьмая	296
Приговор пустой шкатулке	296
Часть десятая	298
Глава сто шестьдесят девятая	299
Тюрьма с двумя списками	299
«КРОМЕ ОТВЕТСТВЕННОГО»	299
Глава сто семидесятая	302
Камера, запертая изнутри	302
Конец ознакомительного фрагмента.	304

Спасти мир и обмануть скунса

Александр Логвинов

© Александр Логвинов, 2026

ISBN 978-5-0071-3057-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**ЛОГВИНОВ АЛЕКСАНДР
СПАСТИ МИР И ОБМАНУТЬ СКУНСА**

юмористическое детективное фэнтези

Книга шестая

Пролог

Преступление с неприятным послевкусием

Шестой книги не должно было быть.

Это было зафиксировано письменно, подтверждено свидетелями и даже снабжено точкой, которая в прошлый раз лично устроилась в конце последней строки. Точка была добросовестной, круглой и считала сверхурочную работу нарушением законов пунктуации.

Поэтому, когда в половине седьмого утра она выкатилась из шкафа, пересекла кабинет Эраста Акакиевича Кунилина и остановилась у его ботинка, он сразу понял: случилось нечто хуже конца света.

Кто-то исправил документ задним числом.

Эраст наклонился. Точка была помята, пахла горелой смородиной и дрожала.

— Где последняя строка? — спросил он.

Точка подпрыгнула и лопнула.

На полу осталась надпись:

«ПЕРВАЯ ЛОЖЬ УЖЕ СКАЗАНА»

В следующую секунду шкаф распахнулся. Из него вылетел запертый сундук, следом — три стражника в серебряных противогазах, потом длинный стол с протоколом, а последним вышел скунс.

Он был невысок, безупречно расчёсан и одет в малиновый жилет. На груди висела золотая цепь с печатью Междумирного договора. Выражение его морды говорило, что человечеству дали разум слишком рано и без испытательного срока.

— Кто из вас Кунилин? — спросил скунс.

— Я.

— Вы арестованы.

— За что?

— За похищение Первого Запаха, нарушение семнадцати границ и попытку обмануть меня.

Тарас Ананиевич Тюлькин вошёл в кабинет с двумя стаканами кофе.

— Доброе утро, — сказал он. — А это кто?

Скунс повернул голову.

— Я — чрезвычайный нос Договора, господин Скунс.

— А имя?

— Скунс.

— Родители сэкономили?

Господин Скунс медленно поднял хвост.

Три стражника одновременно надели противогазы. Эраст задержал дыхание. Тарас, не понимая намёка, отпил кофе.

Через минуту в кабинете не осталось ни одной мухи, две мысли Эраста попросились наружу, а краска на стене призналась, что десять лет выдавала себя за бежевую, хотя в душе была охрой.

— Виновен, — произнёс господин Скунс.

— Кто? — прохрипел Тарас.

— Пока запах.

Сундук на полу щёлкнул семью замками и открылся.

Внутри лежала пустая бархатная выемка, стеклянная пробка и визитная карточка:

«ЭРАСТ АКАКИЕВИЧ КУНИЛИН. СПАСЕНИЕ МИРОВ. УМЕРЕННЫЕ ЦЕНЫ. СКИДКИ ПОСТОЯННЫМ КАТАСТРОФАМ».

Эраст прочитал карточку дважды.

— У меня нет визитных карточек.

— Теперь есть, — сказал Тарас. — И дизайн приличный.

Из шкафа донёсся спокойный голос:

— Ничего не трогать.

В кабинет вошёл человек в сером пальто. Пальто имело столько карманов, будто его шили для гражданина, который не доверял мебели. Незнакомец поставил на пол складной табурет, сел, достал маленький красный чайник и только после этого представился:

— Мегрэ Артурович Пуаронов. Частный следователь по делам, которые государству неловко признавать государственными.

Он посмотрел на пустой сундук, на пробку, на карточку и на пятно, оставленное точкой.

— Хорошая новость: Кунилин не крал Первый Запах.

— А плохая? — спросил Эраст.

— Его украл человек, который знал, что я это докажу.

Мегрэ Артурович налил себе чай.

— Следовательно, настоящее преступление ещё не совершено.

Часть первая

Запах, который пришёл без приглашения

Глава первая

Утро после конца цикла

Дом проснулся раньше жильцов и долго не знал, что с этим делать.

Обычно к рассвету у него уже имелась работа: закрыть дверь в прошлое, переставить лестницу подальше от будущего, спрятать от Тараса кладовую, которую тот пытался сдавать в аренду как компактную вселенную с отдельным входом. Сегодня всё было спокойно. Поэтому Дом из любопытства передвинул кухню на полметра влево.

Вера промахнулась мимо двери.

— Верни, — сказала она.

Дом вернул.

После пятой книги Эраст жил осторожно. Он не произносил слов «наконец-то», «всё закончилось» и особенно «хуже уже не будет». Эти выражения мироздание воспринимало как заявку.

В то утро он успел позавтракать, найти второй носок и даже подумать, что день складывается удачно. Последняя мысль и оказалась роковой.

Когда из шкафа вылетел сундук, Вера как раз вошла в кабинет следом за Маргаритой Всеволодовной. Обе остановились на пороге.

— Опять? — спросила Вера.

— Не опять, а по новому основанию, — ответил Эраст.

Господин Скунс обнюхал воздух.

— Говорит правду.

— Очень полезный зверь, — заметила Маргарита Всеволодовна. — Оставим?

— Я не зверь. Я чрезвычайный нос.

— Все мужчины сначала так говорят.

Скунс поднял хвост, но встретился с её взглядом и передумал. Даже природное оружие понимало субординацию.

Мегрэ Артурович тем временем осматривал комнату. Он не ползал с лупой и не измерял пыль линейкой. Сначала он просто стоял и смотрел, отчего предметы начинали чувствовать себя виноватыми.

— Кто открыл шкаф? — спросил он.

— Никто, — сказал Эраст. — Он сам.

— Кто первым коснулся сундука?

— Никто.

— Кто последним видел ампулу?

Господин Скунс нахмурился.

— Хранитель Фимиам Фимиамыч Благоухов. Вчера в девять вечера он запер её в сундуке. Семь свидетелей наблюдали. Я лично проверил их запахи. Никто не лгал.

— Значит, — сказал Тарас, — украл восьмой.

Пуаронов посмотрел на него с уважением, которое обычно выдают авансом и сразу записывают в расходы.

— Возможно. А возможно, семеро сказали правду о том, чего не поняли.

Он поднял стеклянную пробку щипцами.

— Первый вопрос расследования всегда прост: что именно исчезло?

— Первый Запах, — раздражённо ответил Скунс.

— Это название. Я спрашиваю, что это такое.

Скунс помолчал.

— Запах первого утра мироздания. Пока он хранится в ампуле, каждый мир помнит, чем отличается от остальных. Если ампулу открыть, границы начнут путаться. Через три дня воспоминания миров смешаются. Через семь один мир станет считать себя другим. Через девять все двери откроются сразу.

Тарас оживился.

— Недвижимость подорожает.

— Людей разорвёт между несовместимыми биографиями.

— Ненадолго подорожает.

Эраст взял визитную карточку за край.

— Почему обвиняют меня?

Мегрэ Артурович указал на карточку.

— Потому что преступник хочет, чтобы вы задали именно этот вопрос. А нужно спросить другое: почему сундук доставили сюда?

Шкаф тихо захлопнулся.

Из-за двери донёсся чих.

Глава вторая

Сыщик с семнадцатью карманами

Мегрэ Артурович не любил, когда его называли великим сыщиком.

— Великий — это единица длины после смерти, — объяснил он Тарасу. — При жизни достаточно быть внимательным и не мешать фактам.

Они сидели на кухне. Господин Скунс потребовал отдельный стул, отдельную чашку и официальное подтверждение, что слово «ароматный» не употребляется в насмешку. Маргарита Всеволодовна выдала ему блюдце молока. Он возмутился, но выпил.

Пуаронов разложил на столе содержимое карманов: мел, верёвку, компас без севера, четыре пуговицы, сушёную грушу, печать «НЕ УБЕДИЛО», складную ложку и маленькую дверную ручку.

— А пистолет? — спросил Тарас.

— Пистолет быстро заканчивает разговор. Мне платят за то, чтобы разговор продолжался до признания.

— Вам платят?

— Иногда обещают. Это более устойчивый вид валюты.

Эраст положил рядом карточку.

— Бумага местная. Чернила тоже. Но буква «к» в отчестве латинская.

Пуаронов одобрительно кивнул.

— Вы наблюдательны.

— Я много лет проверял документы.

— Тогда вы знаете: подделка выдаёт не незнание, а лишнее старание. Ваше имя напечатано без ошибок, должность придумана убедительно, бумагу состарили. Но преступник вставил чужую букву. Не случайно. Он хотел, чтобы внимательный человек заметил подлог.

— Зачем оставлять улику, опровергающую обвинение?

— Чтобы мы поверили всем остальным уликам.

Вера поставила чайник.

— Объясните проще.

— С удовольствием. Если вам показывают очень плохую фальшивку, вы решаете, что обвинение подстроено. После этого начинаете доверять тому, что выглядит настоящим. Следовательно, настоящая ловушка лежит не на карточке.

Он указал на стеклянную пробку.

— Она пахнет Кунилиным, — сказал Скунс.

— Разумеется. Иначе карточка была бы лишней.

— Мой нос не ошибается.

— Ошибаются выводы, которые к нему приделаны.

Скунс медленно прищурился.

— Вы мне не нравитесь.

— Это взаимно и потому пока не является уликой.

Пуаронов попросил Эраста снять часы. Потом приложил пробку к ремешку. Стекло точно вошло в круглую вмятину на коже.

Эраст нахмурился.

— Вчера вечером часы исчезали на десять минут.

— Где?

— На кухне. Я решил, что Дом их переставил.

Стена обиженно написала мелом:

«У МЕНЯ ЕСТЬ ВКУС»

— Значит, кто-то снял с ремешка ваш запах и перенёс на пробку, — сказал Пуаронов.
— Преступник был в этом доме.

Тарас оглядел кухню.

— Нас здесь вчера было пятнадцать.

— Прекрасно. Когда подозреваемых много, невиновные быстрее начинают обвинять друг друга.

Из коридора донёсся второй чих.

Господин Скунс вскочил.

— Это запах Первого Утра.

Дверь кладовой распахнулась. Оттуда выбежал маленький дракон, весь покрытый серебряной пылью.

В зубах он держал ещё одну визитную карточку Эраста.

Глава третья

Дракон, который всё обнюхал

Маленького дракона звали Крош. Имя было временным, но он рос медленно и уже начал подозревать, что взрослые просто не успели придумать лучше.

Крош положил карточку на пол и чихнул золотой искрой. Искра попала в вешалку. Вешалка вспомнила, что когда-то была деревом, пустила корни и немедленно потребовала пересадить её ближе к окну.

— Началось, — сказал господин Скунс. — Запах выпущен.

— Не обязательно, — возразил Пуаронов. — Где был дракон?

Крош указал хвостом на мешок с мукой.

Тарас развязал мешок. Внутри лежала серебряная салфетка, пропитанная странным запахом: дождём по горячему камню, мятой, дымом и чем-то таким ранним, что у Эраста на миг возникло воспоминание о детстве, которого у него никогда не было.

Господин Скунс втянул воздух.

— След ампулы.

— След или содержимое? — спросил Пуаронов.

— След. Слабый.

Сыщик развернул салфетку. На ней отпечатались четыре пальца.

— У человека пять, — сказал Тарас.

— Обычно, — ответил Эраст.

— Отпечаток левой руки, — сказал Пуаронов. — Большой палец не касался ткани. Тот, кто держал салфетку, был в перчатке с прорезью на четырёх пальцах или хотел, чтобы мы так подумали.

Крош снова чихнул. Теперь пол вспомнил, что когда-то был болотом. Ноги Тараса ушли по щиколотку.

— Не чихай, — попросил он.

Дракон обиделся и чихнул из принципа.

Мегрэ Артурович присел у мешка.

— Мука просыпана наружу, но следов на полу нет. Значит, мешок поставили сюда недавно, после уборки. Кто убирал?

Дом написал:

«Я».

— Кто входил после уборки?

На стене появились имена:

ЭРАСТ.

ВЕРА.

ТАРАС.

МИРА.

МАРГАРИТА ВСЕВОЛОДОВНА.

КРОШ.

ПОЧТАЛЬОН.

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ СКАЗАЛ, ЧТО ОН НЕ ЧЕЛОВЕК.

Все посмотрели на последнюю строку.

— Вот, — сказал Тарас. — Подозреваемый.
— Слишком удобный, — ответил Пуаронов. — Во сколько он приходил?
«В 21:13».
— После того как сундук заперли, — сказал Скунс.
— Что он сделал?
«ПОПРОСИЛ ПЕРЕДАТЬ КУНИЛИНУ, ЧТО НИКАКОЙ ШЕСТОЙ КНИГИ НЕТ».

Эраст закрыл глаза.
— И что ты ответил?
Дом немного подумал.

«Я ПОВЕРИЛ».

Впервые за всё время Пуаронов улыбнулся.
— Наконец-то у нас есть свидетель, который честно признался, что ошибся.

Глава четвёртая

Семеро, которые не солгали

Свидетелей доставили к полудню. Шкаф выпускал их по одному, словно очень странный отдел кадров.

Первым появился Фимиам Фимиамыч Благоухов — хранитель Первого Запаха, высокий человек с белоснежными перчатками и лицом, на котором даже испуг лежал симметрично. От него пахло лавандой, воском и служебной безупречностью.

За ним вошли королева Аромаграда Роза Девятая, капитан стражи Носиф Носифович Чутких, слепая парфюмерша Лея, казначей Безух Безухович, придворный историк Пахом Летописный и мальчик-подмастерье Федька, который сразу признался, что съел две казённые груши, хотя его ещё ни о чём не спросили.

— Семь свидетелей, — объявил господин Скунс. — Каждый видел, как ампулу положили в сундук. Каждый слышал семь щелчков. Каждый подтвердил, что сундук не открывали до отправки.

— А отправили его зачем? — спросила Вера.

Королева Роза посмотрела на Эраста.

— Ночью на крышке проступило его имя. По закону сундук обязан следовать к названному лицу.

— Очень удобный закон, — сказал Тарас. — Для сундука.

Пуаронов попросил свидетелей рассказать событие, не повторяя чужих слов.

Фимиам Фимиамыч сказал:

— Я поместил ампулу в выемку.

Королева сказала:

— Я видела стекло в его руке.

Капитан сказал:

— Я услышал, как предмет коснулся бархата.

Лея сказала:

— Я почувствовала Первый Запах внутри сундука.

Казначей сказал:

— Вес сундука увеличился на восемнадцать граммов.

Историк сказал:

— Я записал, что ампула помещена на хранение.

Федька сказал:

— А я стоял сзади и ничего не видел из-за шляпы капитана.

— Но раньше вы утверждали, что видели, — заметил Скунс.

— Так все утверждали. Я решил, что это часть церемонии.

Пуаронов повернулся к остальным.

— Никто из вас не видел одновременно ампулу и выемку. Хранитель держал стеклянный предмет. Королева видела этот предмет. Капитан слышал звук. Лея чувствовала запах. Казначей измерил вес. Историк записал вывод. Каждый сообщил правду, но общую картину вы собрали сами.

— Вы хотите сказать, ампулы в сундуке не было? — спросил Эраст.

— Я хочу сказать, это пока не доказано.

Фимиам Фимиамыч побледнел.

Господин Скунс резко втянул воздух.

— Он боится.

— Все боятся, когда рядом с ними профессионально нюхают, — заметил Пуаронов. —
Страх не равен вине.

Сыщик достал из кармана четыре пуговицы и положил их перед свидетелями.

— Сейчас мы восстановим церемонию. А потом узнаем, почему звук седьмого замка
услышали восемь раз.

Глава пятая

Восьмой щелчок

Сундук поставили посреди актового зала. Дом попытался придвинуть к нему кресло, но Пуаронов попросил ничего не облегчать: удобство, по его словам, портит половину экспериментов и почти все совещания.

Фимиам Фимиамыч повторил свои действия. Он поднял пустую стеклянную трубку, показал её королеве, наклонился к сундуку и опустил руку внутрь.

Щёлкнул первый замок.

Потом второй, третий, четвёртый, пятый, шестой и седьмой.

После короткой паузы раздался ещё один щелчок.

Все замерли.

— Вот, — сказал Пуаронов.

— Что вот? — спросил Тарас.

— Восьмой щелчок существует.

— Это мы уже слышали.

— Но вчера свидетели приняли его за эхо. Сегодня эха не было.

Сыщик обошёл сундук и приложил к задней стенке дверную ручку из своего кармана. Ручка прилипла. В бархате открылась узкая щель.

— Тайное отделение, — сказал Эраст.

— Не тайное. Забытое. Тайные отделения делают, чтобы ими пользовались. Это сделали, чтобы однажды забыть.

Из щели выпал маленький латунный ключ и засохший лист чёрной смородины.

Господин Скунс фыркнул.

— Так пахла ваша точка.

Пуаронов поднял лист щипцами.

— Смородина заглушает запах серебряной пыли. Преступник знал устройство сундука и свойства Первого Запаха. Круг подозреваемых сужается.

— До кого? — спросила королева.

— До всех, кто утверждает, что ничего этого не знает.

Тарас вздохнул.

— А можно сужать как-нибудь заметнее?

— Можно. Ключ лежал в отделении много лет. На нём старая патина, но в бороздке свежий воск. Им пользовались вчера. Воск белый, с лавандой.

Все посмотрели на Фимиама Фимиамыча.

От его перчаток пахло лавандой и воском.

Хранитель отступил.

— Это слишком очевидно.

— Совершенно верно, — сказал Пуаронов. — Поэтому вы, вероятнее всего, невиновны. Фимиам Фимиамыч остановился.

— Простите?

— Виновный, знающий запахи, не оставил бы на ключе собственный воск. Его оставил тот, кто хотел привести нас к вам.

— Тогда зачем вы на меня так посмотрели? — возмутился Тарас.

— Я проверял, кто обрадуется.

Мегрэ Артурович повернулся к свидетелям.

Казначей Безух Безухович больше не улыбался.

Глава шестая

Человек без запаха

Казначей имел имя, которое в детстве наверняка обеспечило ему сильный характер или полное отсутствие слуха. Он был широк, гладко выбрит и пах исключительно деньгами — не монетами, а тем прохладным воздухом, который возникает между человеком и суммой, если сумма достаточно велика.

— Почему вы улыбались? — спросил Пуаронов.

— Я не улыбался.

Господин Скунс понюхал.

— Ложь.

— У меня нервное лицо.

— Правда, — сообщил Скунс и явно расстроился.

Пуаронов попросил казначея показать ладони. Пальцы были чистыми, ногти аккуратными. На левом запястье темнела узкая полоса серебряной пылицы.

— Я проверял вес сундука, — сказал Безух. — Пыль могла попасть тогда.

— Могла. Почему только на левую руку?

— Я левша.

— Прекрасно. Отпечаток на салфетке тоже оставила левая рука.

Казначей побледнел.

Тарас шепнул Эрасту:

— Этот точно виноват.

— Поэтому, вероятно, нет.

— Ненавижу умные расследования.

Пуаронов достал сушёную грушу и протянул Безуху.

— Возьмите.

Тот машинально взял правой рукой.

— Вы не левша, — сказал сыщик.

— Я... пользуюсь обеими.

— Ложь, — подтвердил Скунс.

— Но вы лгали не ради ампулы. Вы скрываете другое.

Казначей сел.

— Вчера я подменил веса. Из казны пропали восемнадцать граммов платины. Если бы церемониальные веса показали настоящий результат, недостача обнаружилась бы.

— Поэтому вес сундука ничего не доказывает, — подвёл итог Эраст.

— Именно. Одну улику уничтожила мелкая кража, не связанная с большой. Преступления часто помогают друг другу, даже не будучи знакомыми.

Скунс подошёл к казначею.

— Платину вернёте.

— Верну.

— С процентами.

— Вы государственный нос или банк?

— Сегодня совмещаю.

Пуаронов тем временем рассматривал серебряную полосу на рукаве казначея. Он провёл по ней влажным мелом. Пыль стала синей.

— Это не след Первого Запаха. Это театральная пудра.

Королева вздрогнула.

— Такой пудрой пользуются актёры Зеркального театра.

— Значит, вчера среди семерых был человек, который играл одного из вас, — сказал

Пуаронов.

Федька поднял руку.

— А если он играл меня?

— Тогда настоящие груши съел кто-то другой.

Мальчик впервые испугался по-настоящему.

Глава седьмая

Алиби, которое пришло заранее

Вечером Пуаронов собрал всех в столовой. Он утверждал, что подозреваемые лучше вспоминают рядом с едой, потому что совесть и желудок связаны общей системой оповещения.

Мира принесла пирог. Тарас заявил, что будет помогать следствию изнутри, и съел два куска.

— Нам нужны точные перемещения, — сказал Эраст. — С восьми до десяти вечера. Свидетели по очереди предъявили алиби.

Королева принимала посла в стеклянном саду. Капитан проверял караулы. Лея смешивала духи в мастерской. Историк читал публичную лекцию о событиях, которых ещё не произошло. Федька чистил сосуды. Фимиам Фимиамыч готовил церемонию. Казначей крал платину, что неожиданно оказалось самым надёжным алиби: трое ростовщиков подтвердили время и выразили сожаление, что он ушёл так рано.

— У каждого есть свидетели, — сказал Скунс.

— У каждого есть рассказ, — поправил Пуаронов. — Свидетель появляется после события. А одно алиби появилось раньше.

Он положил на стол письмо.

Оно было отправлено историком Пахомом за три дня до кражи и гласило:

«В девять часов вечера я буду читать лекцию в Южной палате и потому не смогу похитить Первый Запах».

— Я историк будущего, — объяснил Пахом. — Иногда заранее знаю, в чём меня обвинят.

— Тогда почему не предупредили о краже?

— История обязана быть беспристрастной.

— А вы?

— Я получаю жалованье от истории.

Господин Скунс обнюхал письмо.

— Написано три дня назад. Он говорит правду.

— Правда может быть приготовлена заранее, — сказал Пуаронов. — Это не делает её ложью. Делает её инструментом.

Он попросил Пахома повторить название лекции.

— «Почему Первый Запах никогда не будет похищен».

— Сколько пришло слушателей?

— Сто двадцать.

— Сколько осталось к девяти часам?

Историк замялся.

— Одиннадцать.

— А после девяти?

— Никого. Я продолжал из принципа.

— Кто подтвердит, что вы продолжали?

Пахом указал на свой говорящий кафедральный камень. Камень торжественно произнёс:

— ЛЕКТОР НЕ ПОКИДАЛ ПОМЕЩЕНИЯ

Пуаронов перевернул его. Снизу была наклеена записка: «Произнести в случае вопросов».

— Алиби не лжёт, — сказал сыщик. — Оно просто репетировало.

Глава восьмая

Три двери и одна неправда

Чтобы попасть в Аромаград, требовалось пройти через три двери.

Первая проверяла документы. Вторая — намерения. Третья спрашивала, зачем человек прошёл первые две, и обычно задерживала тех, кто отвечал слишком уверенно.

Эраст предъявил удостоверение. Дверь долго изучала его, потом спросила:

— Род занятий?

— Не допустить катастрофу.

— Постоянный или временный?

— Хотелось бы временный.

Дверь поставила штамп «НЕ ОПРЕДЕЛИЛСЯ».

Тарас прошёл как сопровождающий имущества, указав имуществом самого себя. Мира прошла как лицо, сопровождающее сопровождающего. Вера отказалась отвечать двери, пока та не представится, и была пропущена из уважения.

Пуаронову первая дверь открылась сама.

— Почему? — спросил Тарас.

— Мы знакомы.

— Вы расследовали дверь?

— Её обвиняли в незаконном проёме. Оправдал.

Господин Скунс шёл последним. Перед третьей дверью он поднял золотую печать.

— Чрезвычайный нос Договора.

— Цель визита? — спросила дверь.

— Найти ампулу и виновного.

Дверь не открылась.

Все замолчали.

— Повторите, — сказал Пуаронов.

— Найти ампулу и виновного.

Дверь осталась закрытой.

Скунс оскорблённо распушился.

— Она утверждает, что я лгу?

— Она проверяет намерение, а не слова, — сказал Эраст. — Возможно, вы хотите чего-то ещё.

— Я хочу защитить Договор.

Дверь не шелохнулась.

— И доказать, что вас невозможно обмануть, — тихо добавил Пуаронов.

Замок щёлкнул.

Господин Скунс посмотрел на сыщика так, будто выбирал между признательностью и биологией.

— Не путайте гордость с мотивом.

— Я ничего не путаю. Я раскладываю рядом.

За дверями лежал Аромаград — город башен, мостов и разноцветного тумана. Каждый квартал пах своим временем года. На севере стояла зима с морозной мятой, на юге цвело лето, а в центре висел нейтральный воздух для официальных мероприятий.

Над городом уже смешивались облака.

С неба падал снег, пахнувший июлем.

Глава девятая

Место, где не пахло ничем

Хранилище Первого Запаха находилось под дворцом. Туда вела лестница из белого камня. На каждой ступени был высечен запрет, и к концу спуска Тарас нарушил пять, хотя просто шёл.

Комната оказалась круглой. В центре стоял постамент, на котором прежде лежал сундук. Стены были покрыты медными трубками. По ним текли запахи всех миров: морской ветер, мокрый асфальт, хвоя, хлеб, машинное масло, драконье пламя и тревога перед звонком из неизвестного номера.

Пуаронов обошёл постамент.

— Где вентиляция?

Капитан Носиф указал наверх.

— Её нет. Комната герметична.

— Тогда откуда воздух?

— Воздух разрешён внутренним уставом.

— Устав не производит кислород. Он только объясняет, почему его не хватило.

Эраст заметил тонкую щель между двумя плитами. Поднёс к ней нитку из кармана Пуаронова. Нитка отклонилась.

— Тянет внутрь.

— Невозможно, — сказал капитан.

— Невозможность — это факт, который ещё не познакомили с должностной инструкцией, — ответил сыщик.

Они сняли плиту. За ней обнаружилась узкая труба, уходившая вниз.

Отверстие было слишком мало для руки и достаточно широко для ампулы.

— Вот как её вынесли, — сказал Тарас.

— Нет, — возразил Пуаронов. — Труба втягивает воздух. Если бросить ампулу сюда, её понесёт вниз. Но на краях нет царапин. Стекло не касалось металла.

Он посветил внутрь. На дне блеснула серебряная пыльца.

— Через трубу прошёл запах, а не ампула.

— Значит, ампулу открыли здесь? — спросила Вера.

— Или сюда направили запах из другого места.

Мегрэ Артурович провёл пальцем по камню и показал тонкое фиолетовое пятно.

Лея-парфюмерша коснулась его языком.

— Чернильный корень. Его добавляют в театральную пудру, чтобы она светилась на сцене.

— Второй след театра, — сказал Эраст.

— И первый след, который настоящий преступник не планировал оставлять, — ответил Пуаронов. — Потому что пятно находится под постаментом. Его нельзя было увидеть, не сняв плиту.

Из трубы донёсся чей-то смех.

Потом голос произнёс:

— Опоздали. Первый Запах уже выбрал нового хозяина.

Глава десятая

Погоня за голосом

Тарас первым полез в трубу.

Труба была рассчитана на ампулу, запах и, при особенно благоприятных обстоятельствах, худую кошку. Тарас не относился ни к одной категории, но обладал редким талантом попадать туда, куда ему заранее не подходило.

— Я застрял, — сообщил он.

— Это не новость, — сказала Мира. — Это положение дел.

Дом находился в другом мире, однако услышал и открыл маленькую дверь прямо в стене хранилища. Из двери высунулась лестница, осмотрелась и спустилась вниз.

— Незаконный переход, — возмутился капитан.

Эраст показал свой штамп «НЕ ОПРЕДЕЛИЛСЯ».

— Мы здесь временно.

Они оказались в подземном канале. По каменному жёлобу струился прозрачный воздух. В нём плыли отдельные запахи, запечатанные в мыльные пузыри. Один пузырь пах первой школьной тетрадью, другой — вокзалом, где кого-то не дождались, третий — деньгами, которые уже потратили мысленно.

Впереди мелькнула тёмная фигура.

— Стоять! — крикнул капитан.

Фигура побежала.

Пуаронов не побежал. Он присел, достал красный чайник и налил воду прямо в канал.

— Вы решили устроить чаепитие? — спросил Скунс.

— Решил поймать человека.

Вода смешалась с воздушным потоком. Через несколько секунд впереди раздался кашель. Тёмная фигура поскользнулась и упала.

Стражники вытащили из тумана придворного историка Пахома. В руке он сжимал стеклянную трубку.

— Ампула! — воскликнул Скунс.

Он обнюхал её и отшатнулся.

— Пустая.

Пахом дрожал.

— Я хотел найти настоящую. Мне приказали следить за трубой.

— Кто? — спросил Эраст.

Историк открыл рот.

Из пустой ампулы вылетел тонкий серебряный дым и вошёл ему в нос.

Пахом выпрямился.

— Я, — сказал он чужим голосом, — человек, которого здесь нет.

Пуаронов закрыл чайник.

— Неплохо. Теперь у нашего преступника есть свидетель, который не может солгать, потому что больше не говорит от своего имени.

Глава одиннадцатая

Свидетель напрокат

Пахома связали мягкой верёвкой. Жёсткую он, по словам капитана, мог впоследствии обжаловать.

Чужой голос говорил через него спокойно, с лёгкой насмешкой.

— Вы ищете ампулу. Я ищу выход. Мы могли бы помочь друг другу.

— Представьтесь, — сказал Эраст.

— Называйте меня Нулём.

— Это имя?

— Это количество сведений, которые вы получите бесплатно.

Тарас уважительно кивнул.

— Деловой человек.

Пуаронов придвинул табурет и сел напротив Пахома.

— Вы находились в ампуле?

— Нет.

Господин Скунс понюхал.

— Правда.

— Вы касались ампулы?

— Нет.

— Правда.

— Вы знаете, где она?

— Да.

— Правда.

— Она в Аромаграде?

— Нет.

— Правда.

— Она покинула Аромаград после церемонии?

Нулём замолчал.

— Вот и граница, — сказал Пуаронов.

— Какая?

— До этого вопросы были безопасны. Последний требует выбрать между ложью и полезным молчанием. Следовательно, ампула либо покинула город до церемонии, либо вообще никогда сюда не прибывала.

Скунс недовольно повёл носом.

— Это предположение.

— Да. Поэтому мы его проверим, а не полюбим.

Пуаронов достал компас без севера и положил на ладонь. Стрелка повернулась к Пахому.

— Что он показывает? — спросила Мира.

— Направление, в котором собеседник старается не думать.

Стрелка дрогнула и указала вверх, к дворцу.

— Бесплезная игрушка, — сказал Нулём.

— Правда, — сообщил Скунс.

Пуаронов улыбнулся.

— Конечно. Стрелку поворачивает скрытый магнит в кольце историка. А вы посмотрели на неё слишком быстро. Теперь я знаю: вы видите его глазами и не знаете содержимого моих карманов.

Нуль впервые потерял спокойствие.

— Дешёвый трюк.

— Лучшие трюки дешевы. Дорогими делают только объяснения.

Пуаронов снял с руки Пахома медное кольцо. Внутри была выгравирована крошечная карта дворца.

На карте крестиком отметили королевскую спальню.

Глава двенадцатая

Королева под кроватью

Королевская спальня была пуста.

Это выяснилось после того, как капитан торжественно распахнул дверь и двадцать стражников ворвались внутрь. Двадцать первый застрял в косяке, потому что нёс инструкцию по внезапным вторжениям в трёх томах.

На кровати лежала корона. Под кроватью обнаружилась королева Роза Девятая.

— Я провожу осмотр пола, — сказала она.

Господин Скунс понюхал.

— Ложь.

— Я прячусь.

— Правда.

— От кого? — спросил Эраст.

Королева вылезла и отряхнула платье.

— От собственной охраны. Ночью мне прислали записку: если я расскажу о второй ампуле, город потеряет все запахи.

Тишина стала очень внимательной.

— Какой второй ампуле? — спросил Пуаронов.

Королева открыла ящик стола. Там лежал футляр с двумя одинаковыми выемками.

— Первый Запах всегда хранился в двух сосудах. Один содержал само вещество. Второй — память о нём. По отдельности они безопасны. Вместе удерживают границы миров.

— Какой был в сундуке? — спросила Вера.

— Память.

— Значит, настоящая ампула оставалась здесь.

Королева кивнула на пустую выемку.

— До этой ночи.

Пуаронов осмотрел ящик. Замок не взломан. На дереве не было царапин. Внутри пахло розой, воском и едва заметно — чёрной смородиной.

— Кто знал о второй ампуле?

— Я, хранитель и чрезвычайный нос.

Все посмотрели на господина Скунса.

Он поднял хвост.

— Осторожнее с выводами.

— Я пока только раскладываю рядом, — напомнил Пуаронов.

Эраст заметил на дне ящика маленький клочок ткани. Фиолетовый, с серебряной пылью.

— Театр, — сказал он.

— Слишком много театра, — возразил сыщик. — Когда одна и та же улика появляется трижды, она перестаёт быть следом и становится указателем. А указатель ставит тот, кто хочет управлять дорогой.

В этот момент корона на кровати заговорила голосом Нуля:

— До смешения миров осталось пятьдесят семь часов.

Потом чихнула.

И вся спальня стала пахнуть Москвой после летнего дождя.

Часть вторая

Театр достоверных заблуждений

Глава тринадцатая

Город вспоминает чужое

Запах дождя распространился по дворцу за несколько минут. Слуги внезапно начали искать зонты, хотя за окнами сияло солнце. Один министр вспомнил, что опаздывает в московское метро, которого никогда не видел, и потребовал выдать ему проездной. Дворцовый кот сел у несуществующего подъезда и стал ждать хозяйку из девяносто восьмой квартиры.

— Границы памяти размываются, — сказал господин Скунс. — Быстрее, чем ожидалось.

Эраст подошёл к окну. Над Аромаградом проплывали запахи чужих миров. Северный квартал пах морем, южный — больничным коридором, а центральная площадь — свежей типографской краской и слегка просроченным обещанием.

— Почему Москва? — спросила Вера.

— Потому что запах прошёл через ваш Дом, — ответила королева. — Он цепляется за сильные воспоминания.

— Значит, преступник направил смещение через нас намеренно, — сказал Эраст. — Не только чтобы подставить меня.

Пуаронов постучал пальцем по короне.

— Нуль выбрал предмет, который слышит всё во дворце. Ему нужна информация. Но он не может переселяться куда угодно. Сначала была пустая ампула, потом историк, потом корона. Что между ними общего?

Тарас подумал.

— Все дороги?

— Историк бюджетный, — возразила Мира.

— Все хранят память, — сказала Вера. — Ампула — о запахе. Историк — о событиях. Корона — о правителях.

Пуаронов кивнул.

— Нуль передвигается только через вещи, которые помнят чужое.

Корона усмехнулась.

— Очень хорошо. Теперь догадайтесь, куда я уйду дальше.

Все одновременно посмотрели на летописный архив за стеной.

Оттуда донёсся грохот.

Они ворвались в зал. Тысячи книг хлопали страницами, передавая голос от одной к другой:

— Ближе... ближе... почти угадали...

Пуаронов не стал ловить голос. Он закрыл ближайшую книгу.

— Он отвлекает нас от спальни.

В ящике королевского стола, где только что лежал клочок ткани, теперь находился свежий лист бумаги.

На нём было написано:

«ПРИХОДИТЕ В ЗЕРКАЛЬНЫЙ ТЕАТР. ПРИВЕДИТЕ СКУНСА. ОСТАЛЬНЫЕ МОГУТ НЕ ВЫЖИТЬ».

Глава четырнадцатая

Билет на собственное убийство

Зеркальный театр продавал билеты на события, которые со зрителями ещё не произошли. Чем неприятнее было событие, тем дороже стояло место: публика ценила подготовленность.

У входа Эрасту вручили билет с надписью «Ряд первый, место последнее». Вере досталось «Место рядом с человеком, который всё испортит». Тарасу — два билета и счёт за третий.

— Я один, — возмутился он.

— Пока, — ответил кассир.

Пуаронов билет покупать отказался.

— Я служебное обстоятельство.

Кассир долго искал подходящий тариф и пропустил его бесплатно, чтобы не задерживать очередь.

Внутри не было сцены. Вместо неё стоял огромный сундук — точная копия похищенного. Семь актёров повторяли церемонию. Фальшивый Фимиам держал фальшивую ампулу. Фальшивая королева смотрела. Фальшивый капитан слушал. Всё совпадало, кроме одной детали.

Актёр, игравший Федьку, стоял впереди.

— На настоящей церемонии мальчик был сзади, — сказал Эраст.

— Значит, постановку делал тот, кто знал официальную схему, но не видел расположения людей, — ответил Пуаронов.

Занавес упал сверху, хотя сцены не было. На ткани проступило лицо Нуля.

— Господин Скунс, подойдите.

— Зачем?

— Чтобы узнать запах вора.

В центре зала поднялся стеклянный сосуд. В нём клубился серебряный дым.

Скунс сделал шаг.

Пуаронов поставил перед ним складной табурет.

— Не приближайтесь.

— Мой нос защищён.

— От ядов — возможно. От выводов — нет.

— Там улика.

— Там приманка. Настоящий преступник уже трижды подсовывал нам театральную пудру. Он хочет, чтобы вы вдохнули концентрированный запах и назвали виновного.

— Я не ошибаюсь.

— Именно на это он и рассчитывает.

Сосуд лопнул.

Серебряный дым рванулся к Скунсу. Эраст опрокинул на него сундук-копию. Дым ударился о стенки и завертелся внутри.

Из зала исчезли все запахи.

Господин Скунс втянул воздух и впервые ничего не почувствовал.

На его морде появилось выражение человека, у которого отняли не способность, а должность.

Глава пятнадцатая

Нос без показаний

— Я ослеп, — сказал господин Скунс.

— Вы видите, — заметил Тарас.

— Для меня это почти одно и то же.

Он сидел в гримёрной, завернувшись в театральный плащ. Хвост поник. Маргарита Всеволодовна, прибывшая через Дом с термосом и аптечкой, велела ему дышать над картошкой. Скунс заявил, что метод не прошёл междумирную сертификацию. Через минуту дышал.

Пуаронов осмотрел осколки сосуда.

— Дым не повредил нос. Он обнулил сравнение. Чтобы различать запахи, нужна память о них. Нуль временно занял эту память.

— Сколько продлится? — спросил Эраст.

— Пока мы не вернём её или пока господин Скунс не научится узнавать мир заново.

— Мне двести восемь лет!

— Начните с картошки.

Скунс понюхал пар.

— Тёплое ничто.

— Уже прилагательное, — сказала Маргарита Всеволодовна. — Лечение идёт.

Мегрэ Артурович собрал осколки по размеру. На одном обнаружился след красного воска.

— В хранилище был белый воск, в спальне — розовый, здесь красный. Нам показывают разных подозреваемых разными цветами.

— Или один преступник меняет свечи, — сказал Тарас.

Пуаронов посмотрел на него.

— Вот почему вы полезны. Вы произносите очевидное до того, как умные люди успевают его усложнить.

Они нашли в реквизиторской три коробки свечей. Белые принадлежали Фимииаму, розовые — королеве, красные — капитану. На всех фитилях лежала одинаковая фиолетовая пыль.

— Свечи подменили, — сказал Эраст.

— Вернее, их намеренно дали разным людям, — уточнил Пуаронов. — Один источник создаёт три запаховых следа. Это фабрика улик.

Снаружи раздались крики. Зрители окружили театр. Они требовали выдать господина Скунса.

— Зачем? — спросила Вера.

Директор театра показал афишу, появившуюся на стенах города:

«ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЙ НОС ПОХИТИЛ ПЕРВЫЙ ЗАПАХ. ПРИЗНАНИЕ СОСТОИТСЯ В ПОЛНОЧЬ».

До полуночи оставалось три часа.

Глава шестнадцатая

Признание, которое нельзя отменить

В Аромаграде существовал старый закон: если афиша обещала публичное признание, оно обязано было состояться. Закон приняли после того, как один актёр сорок лет рекламировал последнюю роль и пережил шестерых критиков.

— Я ничего не признаю, — сказал Скунс.

— Тогда город признает за вас, — объяснила королева. — В полночь афиши заговорят вашим голосом. После этого Договор лишит вас печати.

— Бумага не может лишить меня должности.

Эраст взглянул на стены. Афиши уже тренировались шептать.

— В этом цикле бумага делала вещи и похуже.

Пуаронов попросил принести текст закона. Федька прибежал с тяжёлым томом и тремя грушами, одну из которых объявил вещественным доказательством.

Сыщик прочитал статью дважды.

— Здесь сказано: «Обещанное признание должно быть произнесено лицом, указанным на афише».

— Именно, — сказала королева.

— Не сказано, в чём оно должно признаться.

Тарас просиял.

— Обманем закон честно.

— Закон будет возражать, — сказал Эраст.

— Для этого вы здесь.

В полночь господин Скунс вышел на балкон театра. Площадь была заполнена жителями. У многих уже смешались воспоминания: булочник клялся, что служил маяком; фонарщик вспоминал детский сад драконов; старушка продавала билеты на поезд, который ходил между её двумя снами.

Афиши зашевелились.

Скунс поднял лапу.

— Я признаюсь, — громко сказал он, — что не умею отличать картошку от тёплого ничто.

По площади прокатился ропот.

Закон задумался. Буквы на афишах перестроились, проверили формулировку и неохотно погасли.

Толпа засмеялась.

Скунс не засмеялся. Он сошёл с балкона и сказал Пуаронову:

— Вы заставили меня выставить себя глупцом.

— Нет. Я предложил вам сообщить правду, которая спасла достоинство от более крупной лжи.

— Моё достоинство теперь пахнет картошкой.

— Значит, память возвращается.

Скунс замер. Осторожно понюхал рукав Маргариты Всеволодовны.

— Крахмал, шерсть... и валерьянка.

— Для вас принесла, — сказала она.

— Я не кот.

— Пока лечитесь, не спорьте с диагнозом.

Глава семнадцатая

Четыре пальца

Пуаронов вернулся к салфетке из мешка с мукой. Остальные считали её старой уликой, а он утверждал, что старых улик не бывает — бывают вопросы, которым слишком рано дали пенсию.

— Мы решили, что отпечаток оставила левая рука без большого пальца, — сказал он. — Это ошибка.

— Там четыре пальца, — напомнил Тарас.

— Именно. Но почему мы решили, что пальцы принадлежат одной руке?

Он положил на ткань две руки: указательный и средний палец правой, указательный и средний левой. Четыре следа совпали.

— Салфетку держали двое, — сказал Эраст.

— Или один человек обеими руками. Но расстояние между следами разное, давление тоже. Два человека переносили предмет вместе.

— Ампулу?

— Слишком лёгкая. Что-то тяжёлое, обёрнутое салфеткой.

Они вернулись в кладовую Дома. Мука по-прежнему лежала на полу, хотя Дом трижды писал, что собирался убрать. В мешке Пуаронов обнаружил прямоугольную вмятину.

Эраст измерил её визитной карточкой.

— Размер книги.

Дом открыл стену. За ней стояла полка с семейными альбомами, архивами и одной пустотой между томами.

— Здесь лежала книга? — спросила Вера.

На стене появилось:

«КНИГА ЛЕЖАЛА САМА»

— Какая?

«ШЕСТАЯ».

Все замолчали.

— Но шестой книги не было, — сказал Эраст.

«ПОЭТОМУ Я НЕ СЧИТАЛ ЕЁ КНИГОЙ»

Пуаронов провёл пальцем по пустому месту. На пыли остались две полосы, будто книгу вытягивали с двух сторон.

— Первый Запах спрятали не в ампуле, — сказал он. — Им пропитали ненаписанную книгу. Она хранит память о событиях, которых ещё нет, и потому идеально подходит Нулю.

— Кто её унёс? — спросил Скунс.

Дом написал два слова:

«ВЕРА И ЭРАСТ»

Эраст посмотрел на жену.
Вера посмотрела на него.
— Мы не брали книгу, — сказали они одновременно.
Скунс втянул воздух.
— Оба говорят правду.

Глава восемнадцатая

Двойники с хорошими манерами

Дом показал воспоминание на стене.

В 21:13 дверь кладовой открылась. Вошли Эраст и Вера. Они двигались спокойно, говорили тихо и выглядели совершенно настоящими. Эраст снял книгу с полки. Вера завернула её в серебряную салфетку. Вместе они положили свёрток в мешок с мукой.

— Это не мы, — сказала Вера.

— Дом запоминает не лица, — объяснил Пуаронов. — Он запоминает отношения. Эти двое вошли как муж и жена. Поэтому он показал знакомые образы.

— Можно притвориться отношением? — спросила Мира.

— Люди занимаются этим веками. Здесь притворились технически.

Мегрэ Артурович увеличил изображение. Двойник Эраста держал книгу левой рукой. Двойник Веры — правой. На мгновение их рукава соприкоснулись, и между ними пробежала фиолетовая искра.

— Театральная пудра создаёт совместный образ, — сказал Эраст. — Два актёра не изображали нас по отдельности. Они играли нашу связь.

Пуаронов кивнул.

— Поэтому запах на пробке ваш. Двойник носил ваши часы. Поэтому Дом впустил их. Он узнал не лица, а привычный порядок движений.

— Кто способен так точно нас изучить? — спросила Вера.

Тарас поднял руку.

— Я. Но я не способен так точно двигаться.

Мира подняла вторую.

— Я могу подтвердить обе части.

Сыщик снова прокрутил воспоминание. Перед тем как уйти, двойник Веры поправил чашку на столе и поставил ручкой вправо.

Настоящая Вера всегда ставила её ручкой влево — чтобы Эраст не задел локтем.

— Актёр знал, как вы выглядите, но не знал, почему вы двигаете вещи именно так, — сказал Пуаронов. — Подражание копирует жест. Близость помнит причину.

Скунс понюхал изображение, хотя оно было на стене.

— Я чувствую знакомый запах. Тот, кто играл Эраста, сегодня был рядом с нами.

— Кто? — спросил капитан.

Скунс закрыл глаза.

— Пока не знаю. Память возвращается кусками. Но он боится красного чая.

Все посмотрели на маленький чайник Пуаронова.

Сыщик спокойно убрал его в карман.

Глава девятнадцатая

Чай, которого испугались

— Почему преступник боится вашего чайника? — спросил Эраст.

— Возможно, потому что он красный, — ответил Пуаронов.

— Это объяснение для Тараса.

— Мне подходит, — сказал Тарас.

Мегрэ Артурович открыл крышку. Внутри на дне лежал не чай, а тёмный камешек.

— Это осколок Зеркала Подлинности. Оно не показывает лицо. Оно показывает, какой жест человек не смог подделать.

— И вы всё время носили его с собой?

— Я ношу много вещей. Большинство бесполезны до тех пор, пока кто-нибудь не начинает их бояться.

Они собрали свидетелей и по очереди предложили каждому налить чай. Королева держала чайник властно. Капитан — за ручку и за носик одновременно, не доверяя ни одному. Лея определила температуру по пару. Федька попытался заглянуть внутрь и увидел себя, честно не желающего мыть чашки.

Фимиам Фимиамыч отказался.

— Я не пью красный чай.

— Чай бесцветный, — сказал Пуаронов.

— Я имею в виду из красной посуды.

Господин Скунс понюхал.

— Он боится.

Хранитель взял чайник. Его пальцы легли на ручку аккуратно, но мизинец остался отставлен. В зеркальном камне отразилось другое движение: рука грубо стиснула ручку, а большой палец привычно потёр край крышки.

Пуаронов схватил Фимиама за запястье и снял белую перчатку.

Под ней была рука актёра, покрытая фиолетовой пудрой.

— Где настоящий хранитель? — спросил Эраст.

Лицо Фимиама дрогнуло и стало другим — молодым, усталым, испуганным.

— В подвале театра, — прошептал актёр. — Меня зовут Лицедей Лев. Мне заплатили, чтобы я играл его до полуночи.

— Кто заплатил?

— Не знаю. Приказы приходили из книги.

— Шестой?

Лев кивнул.

— Она писала сама. Обещала мне роль, которую никто не забудет.

— И что вы должны были сделать после полуночи?

Актёр посмотрел на господина Скунса.

— Умереть с его запахом на одежде.

Глава двадцатая

Покойник по предварительной записи

Лицедея Льва спрятали в комнате без зеркал, книг и предметов с хорошей памятью. Тарас предложил собственный кабинет, утверждая, что там ничего не помнит даже мебель.

— Если я не умру до часу, договор считается нарушенным, — сказал актёр. — Книга всегда выполняет написанное.

— Книга не убивает, — ответил Эраст. — Убивает механизм, который кто-то запускает.

Пуаронов осмотрел одежду Льва. На воротнике была пришита чёрная нитка. Она уходила под подкладку и заканчивалась маленькой стеклянной бусиной.

— Яд? — спросила Мира.

— Запаховая команда. В полночь афиши должны были произнести признание Скунса. Звук активировал бы бусину. Актёр вдохнул бы чужую память и забыл, как дышать.

— Можно снять?

— Уже снял.

Пуаронов показал бусину. В его пальцах она была расколота.

— Когда? — удивился Эраст.

— Пока Тарас спрашивал про пистолет.

— Это было утром.

— Я не люблю откладывать очевидное.

— Но вы позволили ему ходить среди нас весь день.

— Потому что двойник должен был получать указания. Я хотел увидеть способ связи.

На манжете Льва проявились буквы:

«ПЛАН ИЗМЕНЁН. УБИТЬ СЫЩИКА»

Тарас посмотрел на Пуаронова.

— Вам часто так пишут?

— Только когда начинаю нравиться заказчику.

Буквы поползли по ткани, сложились в стрелку и указали на красный чайник.

Изнутри донёсся стук.

Пуаронов поставил чайник на стол. Крышка медленно поднялась. Осколок Зеркала Подлинности исчез. Вместо него внутри лежала крошечная стеклянная ампула.

Господин Скунс вдохнул.

— Первый Запах.

Все отступили.

— Улика сама переместилась в ваш карман, — сказал Эраст.

— Не сама. Пока я снимал перчатку с актёра, кто-то столкнулся со мной.

— Я, — сказал капитан Носиф. — Случайно.

Пуаронов посмотрел на него.

— Разумеется. Хорошо подготовленное убийство всегда состоит из случайностей, работающих по графику.

Глава двадцать первая

Капитан, который стоял слишком близко

Капитан Носиф не сопротивлялся обыску. Это могло означать невиновность, уверенность или очень хорошего портного.

В его карманах нашли ключи, служебную печать, список нарушителей, два леденца от запаха и записку: «Столкнуться с сыщиком в 00:17».

— Вот доказательство, — сказал господин Скунс.

— Доказательство чего? — спросил Пуаронов.

— Что он подбросил ампулу.

— Или что ему велели столкнуться со мной. Капитан, откуда записка?

— Нашёл у себя после театра. Решил, что это приказ королевы.

— Почему?

— Бумага пахла розой.

Королева Роза возмутилась.

Скунс понюхал записку.

— Роза настоящая.

— Но чья? — спросил Эраст.

В городе росли миллионы роз. Имя королевы превращало любой цветок в потенциальную государственную улику.

Пуаронов поднёс бумагу к лампе. Между волокнами блеснули песчинки.

— Песок со стеклянной сцены театра. Записку изготовили там. Время написано теми же чернилами, что афиши. Капитан получил указание, но не знал цели.

— Я не исполняю неизвестные приказы, — заявил Носиф.

Скунс понюхал.

— Ложь.

Капитан кашлянул.

— Я не исполняю их с удовольствием.

— Правда.

Пуаронов вынул ампулу щипцами.

— Она слишком мала.

— Что? — спросила королева.

— Вы сказали, настоящая ампула весит восемнадцать граммов. Эта весит двенадцать.

— Откуда вы знаете?

Сыщик положил её на складную ложку, уравновесил тремя пуговицами и сушёной грушей.

— Я заранее взвесил свои вещи. Профессиональная привычка человека, которому редко дают нормальные весы.

Скунс обнюхал стекло.

— Запах настоящий.

— Содержимое настоящее. Сосуд другой. Значит, Первый Запах разделили.

— Зачем?

— Чтобы спрятать большую часть там, где мы не станем искать вещество, уже найденное в моём кармане.

Пуаронов посмотрел на толпу у дверей.

— И преступник сейчас среди тех, кто пришёл посмотреть на развязку.

Глава двадцать вторая

Подозреваемые нюхают друг друга

В зал вошли сто сорок три человека. Пуаронов рассадил их кругом и объявил, что расследование почти окончено. Это была неправда, но господин Скунс ещё не восстановил нос полностью, а иногда следствию требуется небольшая фора перед моралью.

— Сейчас каждый понюхает соседа, — сказал Тарас.

— Нет, — ответили сразу сто сорок два человека.

Федька поднял руку:

— А можно выбрать соседа?

Пуаронов поставил в центре красный чайник с фальшивой ампулой внутри.

— Преступник знает, что сосуд весит двенадцать граммов. Остальные считают его настоящим. Я предложу уничтожить ампулу. Виновный испугается не потери вещества, а того, что исчезнет последний известный ему образец.

— Как вы увидите страх среди такой толпы? — спросила Вера.

— Не буду. Я увижу действие.

Он поднял чайник.

— Поскольку вернуть Первый Запах невозможно, я намерен сжечь его.

Люди ахнули. Королева вскочила. Капитан схватился за меч. Господин Скунс поднял хвост. Реакций было слишком много.

Но только один человек посмотрел не на чайник, а на вентиляционную решётку.

Это была слепая парфюмерша Лея.

— Вы не видите, — тихо сказал Эраст. — Почему повернули голову туда?

— Почувствовала движение воздуха.

— Решётка закрыта, — сказал Пуаронов.

Лея сорвалась с места. Капитан успел перехватить её у стены. Из рукава женщины выпала тонкая медная трубка.

— Через неё вы направляли запах в хранилище, — сказал Эраст.

— Нет, — ответила Лея.

Скунс втянул воздух.

— Правда.

Пуаронов поднял трубку.

— Потому что направлял другой человек. Вы изготовили устройство.

Лея перестала вырываться.

— Мне сказали, что труба нужна для нового органа в театре.

— Кто заказал?

— Фимиам Фимиамыч.

Из коридора донёсся голос настоящего хранителя:

— Я был связан в подвале!

Лея побледнела.

— Тогда я не знаю, кто приходил ко мне.

Пуаронов покачал головой.

— Знаете. Просто до сих пор считали его другим человеком.

Глава двадцать третья

Настоящий Фимиам

Настоящий Фимиам Фимиамыч выглядел хуже своего двойника и был этим оскорблён.

Его нашли в подвале среди старых декораций. Он провёл сутки, привязанный к трону свергнутого короля, и теперь требовал компенсацию за моральный ущерб и неудобную монархию.

— Кто вас похитил? — спросил Эраст.

— Я не видел лица. Он вошёл сзади, набросил мешок и сказал: «Простите, это необходимо для точности сюжета».

Пуаронов поднял голову.

— Точности сюжета?

— Именно.

— Не «для дела», не «для плана», а «для сюжета»?

— Я хорошо запоминаю формулировки. Это профессиональное: запахи меняются, инструкции остаются.

Сыщик попросил его описать голос.

— Мужской. Спокойный. Образованный. Будто человек заранее знает, какую фразу вы произнесёте следующей.

— Нуль, — сказала Мира.

— Нет, — возразил Пуаронов. — Нуль говорит через носителя. Тот человек говорил сам. Он повернулся к Лее.

— Заказчик трубки употреблял необычные слова?

— Сказал, что она нужна для «правдоподобной вентиляции третьего действия».

— Актёр? — предположил Тарас.

— Не обязательно. Кто-то мыслит происходящее как написанную историю.

Все вспомнили шестую книгу.

— Значит, преступник — Автор? — спросил Федька.

Пуаронов поморщился.

— Автора обвиняют, когда у следствия кончаются живые подозреваемые. Это удобная, но ленивая метафизика.

— А если он действительно здесь? — спросил Эраст.

— Тогда он оставляет следы, ошибается и пьёт чай. Иначе это не подозреваемый, а плохое объяснение.

Фимиам Фимиамыч попросил вернуть ему перчатки двойника. Надел левую и тут же снял.

— Внутри что-то колется.

В шве нашли тонкую костяную иглу. На ней были выгравированы две буквы: «М. А.».

Все посмотрели на Мегрэ Артуровича.

Тарас вздохнул.

— Наконец-то улика понятная.

Глава двадцать четвёртая

Сыщик становится уликой

Мегрэ Артурович взял иглу щипцами.

— Мои инициалы.

— И вы говорите это так спокойно? — спросил Скунс.

— Если нервничать из-за каждой улики против себя, не останется времени на чужие.

На игле пахло красным чаем, мелом и сушёной грушей — содержимым карманов Пуаронова. Даже частично восстановившийся нос Скунса подтвердил совпадение.

— Вас подставили тем же способом, что Эраста, — сказала Вера.

— Нет. Эраста подставили грубо: часы украли на десять минут. Ко мне никто не приближался до театра, кроме капитана. Игла была в перчатке раньше.

— Значит, она ваша?

— Нет. Значит, преступник знал, что будет лежать в моих карманах.

Тарас проверил собственные.

— А что завтра будет в моих?

— Чужая груша, — сказал Федька.

— Уже сегодня.

Пуаронов попросил показать иглу господину Скунсу.

— Запах точный? Все слои одной давности?

Скунс нюхал долго.

— Нет. Чай старый. Мел свежий. Груша...

Он взглянул на сушёную грушу Пуаронова.

— Ей не меньше тридцати лет.

— Двадцать семь. Мне подарили её в первом расследовании. Подозреваемый оказался невиновен, груша — нет.

— Запах на игле моложе суток.

— Тогда это синтетическая копия. Кто-то собрал мой образ по рассказам.

Эраст вспомнил визитную карточку с латинской буквой.

— Та же ошибка: преступник знает сведения, но не причины. Он способен воспроизводить нас по тексту, но не из жизни.

Пуаронов впервые перестал улыбаться.

— Шестая книга не просто хранит Первый Запах. Она читает предыдущие пять и строит из них людей. Нуль — не призрак и не сообщник. Это пустое место между написанным и прожитым. Оно хочет заполниться нами.

Стены задрожали. На них проступили строки:

«МЕГРЭ АРТУРОВИЧ ПУАРОНОВ ПОНЯЛ, ЧТО СЛЕДУЮЩЕЙ ЖЕРТВОЙ БУДЕТ ОН».

Сыщик прочитал.

Потом достал печать «НЕ УБЕДИЛО» и поставил её прямо на стену.

— Слишком рано, — сказал он. — Вы ещё не объяснили четвёртый палец.

Глава двадцать пятая

Инициалы, которые опоздали

Иголку положили на белое блюдце. Господин Скунс обошёл её три раза, каждый раз с новым выражением недоверия.

— Ваш запах, ваши инициалы, ваши привычки, — перечислил он. — Если это подстава, она чрезвычайно подробная.

— Подробность не заменяет времени, — сказал Пуаронов. — Когда иглу зашили в перчатку?

Настоящий Фимиам Фимиамыч пожал плечами.

— Перчатки изготовили месяц назад. Я получил их перед церемонией запечатанными.

— Кто шил?

— Придворная мастерская костюмов.

Мегрэ Артурович посмотрел на Скунса.

— Когда вы вызвали меня в Аромаград?

— Я вас не вызывал.

— Королева?

— Нет, — ответила Роза Девятая.

— Капитан?

Носиф показал служебный журнал. Имя сыщика появилось там только утром, после исчезновения ампулы.

— Значит, — сказал Эраст, — иглу с вашими инициалами изготовили раньше, чем кто-либо официально узнал о вашем участии.

— Именно. Преступник не предсказал мой приезд. Он его организовал.

Тарас посмотрел на шкаф.

— Вы вышли оттуда так уверенно, будто вас приглашали.

— Меня и приглашали. Три недели назад я получил письмо с просьбой расследовать преступление, которое произойдёт сегодня утром в доме Кунилиных.

— И никому не сказали?

— Если заранее рассказать о будущем преступлении, половина подозреваемых постарается его предотвратить, а вторая — улучшить. Оба результата вредят наблюдению.

Пуаронов достал из самого внутреннего кармана конверт. Бумага пахла смородиной. На ней была напечатана единственная строка:

«ПРИХОДИТЕ, КОГДА ЛОПНЕТ ТОЧКА»

Эраст перевернул конверт.

На обороте стояла печать: две буквы «М. А.».

— Не инициалы, — сказал он. — Сокращение.

Фимиам Фимиамыч побледнел.

— «Мастерская Афиш».

Пуаронов кивнул.

— Иголку поместили не моим именем. Её поместили местом изготовления. Преступник рассчитывал, что совпадение заставит нас забыть о происхождении предмета.

Тарас разочарованно вздохнул.

— Всего две буквы, а уже столько работы.

— Инициалы вообще опасная вещь, — сказал Пуаронов. — Человек сокращается до двух букв, а подозрения растут полностью.

Глава двадцать шестая

Мастерская Афиш

Мастерская располагалась за Зеркальным театром и выглядела так, будто кто-то построил типографию внутри чернильницы. Стены были чёрными. Окна печатали пейзаж в трёх экземплярах. Над дверью висела афиша:

«СЕГОДНЯ МАСТЕРСКАЯ ЗАКРЫТА ПО ПРИЧИНЕ СЛЕДСТВИЯ».

— Кто успел написать? — спросил Эраст.

Афиша пожала краями.

Внутри работал один человек — наборщик Азбукий Кириллович Шрифтов. Он был худ, близорук и разговаривал так, словно каждую фразу сначала выравнивал по ширине.

— Иглу изготовили здесь, — сказал Пуаронов.

— Мы печатаем слова, не иглы.

Скунс понюхал.

— Правда.

— А кто шьёт афиши к стенам?

Азбукий Кириллович указал на маленький станок. В его лотке лежали десятки костяных игл с клеймом «М. А.».

— Любой мог взять?

— Только служащие, актёры, хранители, стража, поставщики, ученики, королевские советники и лица, умеющие открыть незапертую дверь.

— Круг заметно сузился, — сказал Тарас. — До города.

Эраст показал визитную карточку с чужой буквой «к».

— Вы печатали?

Наборщик взял лупу.

— Нет. У нас кириллица хранится слева, латиница справа. Чтобы смешать литеры, нужно набирать текст в темноте или не знать, почему алфавиты разделены.

— Снова тот же признак, — сказал Пуаронов. — Преступник умеет читать результат, но не понимает порядка работы.

В глубине мастерской что-то зашуршало. Федька вылез из-под печатного пресса с грушей в руке.

— Я искал улики.

Скунс понюхал.

— Ложь.

— Я искал, где можно спокойно доесть.

— Правда.

Пуаронов посмотрел на его пальцы. Они были испачканы фиолетовой краской.

— Откуда?

— Помогал печатать афиши к лекции Пахома.

— Когда?

— Три дня назад.

Азбукий Кириллович нахмурился.

— Детей к станкам не допускают.

Федька перестал жевать.

— Тогда, наверное, это был другой я.

— В этом городе, — сказал Эраст, — такая шутка требует проверки.

Глава двадцать седьмая

Груша с двадцатисемилетним алиби

Пуаронов протянул руку.

— Покажите грушу.

— Она моя, — сказал Федька.

— Правда, — подтвердил Скунс.

— Откуда она у вас?

— Взял со стола.

— Ложь.

— Нашёл возле стола.

— Ложь.

— Она сама лежала.

Дом, находившийся в другом мире, немедленно написал на ближайшей стене:

«НЕ ПЛАГИАТЬТЕ»

Мегрэ Артурович разломил грушу. Внутри оказалась маленькая медная пластинка.

На ней были выгравированы дата и номер: «Дело 1. Комната без окна».

Сыщик медленно снял пальто.

— Это моя груша.

— У вас была сушёная, — сказал Тарас.

— Это копия. Настоящую мне подарили двадцать семь лет назад. Я никому не рассказывал о пластинке.

— Но запах иглы был скопирован именно с неё, — заметил Эраст.

— Значит, преступник получил доступ не к моим рассказам, а к предмету.

Федька попятился.

Скунс поднял хвост.

— Где вы взяли грушу?

Мальчик посмотрел на дверь, на окно и на Пуаронова. Потом честно признался:

— В книге.

Тишина стала тесной.

— Объясните, — сказал Эраст.

— Ночью в мастерской появилась книга без текста. Я открыл, а там лежала груша. Она написала, что это плата за маленькую услугу.

— Какую?

— Нужно было отнести иглу в костюмерную.

— И вы отнесли?

— Да.

— Почему сразу не рассказали?

— Потому что потом на странице появилось: «Если мальчик признается, сыщик умрёт».

Пуаронов забрал грушу и внимательно осмотрел Федьку.

— Книга не предсказывает будущее. Она заставляет вас выбирать так, чтобы написанное стало правдой.

— Вы умрёте?

— Не сегодня. У меня табурет не оплачен.

Скунс понюхал.

— Он не уверен.

— Уверенность, — сказал Пуаронов, — вредная приправа к расследованию. Она забивает запах сомнения.

Глава двадцать восьмая

Дело номер один

Чтобы понять, откуда книга узнала о груше, Пуаронов рассказал о своём первом расследовании.

Двадцать семь лет назад его вызвали в комнату без окна. Внутри нашли мёртвого часовщика, мокрый зонт и тарелку с грушей. Дверь была заперта изнутри, потолок цел, дымоход слишком узок.

— Часовщик оказался жив, — сказал Пуаронов. — Он спрятался в большом футляре от часов, чтобы проверить наследников. Мокрый зонт принёс сам, полив водой. Грушу съел полицейский. Я доказал последнее быстрее всего.

— И за это вам подарили сушёную грушу? — спросила Мира.

— Полицейский. В знак того, что больше не станет есть улики. Обещание он нарушил, груша сохранилась.

— Где хранилась настоящая?

— В моём архиве, в ящике с делами, которые завершились не тем преступлением.

— Кто имел доступ?

— Никто.

Дом написал:

«СЛИШКОМ УДОБНЫЙ ОТВЕТ»

Пуаронов кивнул.

— Согласен. Архив находится в комнате без дверей. Я вхожу через дверную ручку, которую ношу в кармане.

Тарас посмотрел на ручку, открывшую тайное отделение сундука.

— Вы использовали ключ от архива как улику?

— Иногда полезные вещи устают лежать без дела.

— Когда вы открывали архив в последний раз?

— Месяц назад.

Пуаронов приложил ручку к стене мастерской. Появилась дверь. За ней стояли тысячи коробок, шкафы и один пустой ящик.

На ящике значилось: «Дело 1».

Внутри лежала белая страница.

Эраст поднял её щипцами. На бумаге медленно выступили слова:

«СПАСИБО ЗА ГРУШУ»

— Шестая книга была в вашем архиве, — сказала Вера.

— Нет, — ответил Пуаронов. — Здесь была только её страница.

— Разница существенная?

— Для книги — как между рукой и отпечатком. Страница может взять предмет, но не уйти с ним далеко. Кто-то принёс её сюда и потом забрал грушу.

Федька опустил глаза.

— Я.

Скунс понюхал.

— Правда.

Глава двадцать девятая

Мальчик, который слишком рано признался

— Начните с первой груши, — сказал Пуаронов.

— С какой?

— С той, в краже которой вы признались до первого вопроса.

Федька сел на ящик. Ноги не доставали до пола.

— Книга велела мне сказать, что я съел две казённые груши.

— Вы их съели?

— Одну. Вторую положил в карман казначею.

Безух Безухович возмутился:

— Так вот почему ростовщики повысили мне ставку!

— Зачем нужно было признание? — спросил Эраст.

— Чтобы все решили, что я говорю правду, потому что признаюсь даже без причины.

Пуаронов кивнул.

— Безобидная вина как заранее оплаченная репутация. Хороший приём.

Федька рассказал всё по порядку. Три недели назад в мастерской появилась пустая книга. Она знала его имя, возраст и то, что он мечтал стать не подмастерьем, а путешественником. В Аромаграде дети наследовали профессию по запаху семьи. Отец Федьки был мойщиком сосудов, дед — мойщиком сосудов, прадед — человеком, который изобрёл особенно неудобный сосуд и потом всю жизнь его мыл.

Книга пообещала уничтожить Первый Запах. Тогда никто больше не смог бы определить, кем мальчик обязан стать.

— Я не хотел разрушать миры, — сказал Федька. — Я хотел, чтобы мне дали выбрать один.

Скунс втянул воздух.

— Правда.

— Поэтому вы помогли вынести ненаписанную книгу из Дома? — спросила Вера.

— Я только передавал страницы и предметы. Книгу вынесли двойники.

— Кто их играл?

Федька покачал головой.

— Не знаю. Они всегда были в масках.

— Где книга сейчас?

— В месте, которого ещё нет.

— Это загадка?

— Адрес. Так написано на последней странице.

Пуаронов подошёл к мальчику.

— Вы совершили кражу, помогли подделать улики и скрыли угрозу.

Федька сжался.

— Но вы не главный преступник. Главный преступник предложил вам свободу, в которой не оставил выбора.

Господин Скунс поднял печать.

— Мальчик должен быть арестован.

Стена архива покрылась словами:

«КОГДА СКУНС АРЕСТВУЕТ МАЛЬЧИКА, ПЕРВАЯ ЧАСТЬ ПЛАНА БУДЕТ ЗАВЕРШЕНА».

Скунс медленно опустил печать.

— Не люблю, когда мне заранее сообщают о служебных действиях.

Глава тридцатая

Арест, который пришлось отложить

— Закон требует задержать соучастника, — сказал Скунс.
— А книга требует, чтобы вы исполнили закон немедленно, — ответил Эраст. — Значит, ей нужен сам факт ареста.
— Или она хочет, чтобы мы так решили и отпустили виновного, — возразил капитан.
— Или хочет, чтобы мы решили, что она хочет, чтобы мы так решили, — добавил Тарас. Все посмотрели на него.
— Что? Я тоже учусь усложнять очевидное.
Пуаронов поставил табурет между Федькой и Скунсом.
— Книга не читает мысли. Она читает написанные роли и вероятные поступки. Она знает, что чрезвычайный нос обязан арестовать виновного. Значит, нужно совершить действие, которого роль не допускает.
— Нарушить закон?
— Нет. Изменить последовательность.
Он повернулся к Федьке.
— Вы задержаны как свидетель, нуждающийся в защите. Обвинение будет предъявлено после спасения миров.
— Такой статьи нет, — сказал Скунс.
Эраст достал удостоверение со штампом «НЕ ОПРЕДЕЛИЛСЯ».
— Тогда оформим его как временно неопределившегося участника.
Закон Аромаграда проявился на стене в виде крупного текста. Он прочитал формулировку, нашёл три противоречия и, не сумев выбрать главное, временно отступил.
Слова о завершении первой части плана погасли.
— Получилось, — сказал Тарас.
— Нет, — ответил Пуаронов. — Мы только заставили книгу переписывать следующую страницу.
Белый лист в ящике задрожал. На нём появилось:

«СКУНС НЕ АРЕСТОВАЛ МАЛЬЧИКА»

Ниже проступила новая строка:

«ПОЭТОМУ МАЛЬЧИК АРЕСТУЕТ СКУНСА».
Федька поднял руки.
— Я не собираюсь.
Его тень отделилась от пола, вытянулась и набросила на господина Скунса чёрную петлю. Скунс успел поднять хвост.
В архиве мгновенно осыпалась штукатурка, открылись три старых дела и призналась сушёная груша.
Когда воздух снова стал пригоден для гражданской жизни, Скунса не было.
На полу лежала его золотая печать.

Часть третья

Следствие без чрезвычайного носа

Глава тридцать первая

Похищение главного свидетеля

— Формально, — сказал Тарас, зажимая нос, — скунс арестован?

— Формально он похищен тенью несовершеннолетнего, — ответил Эраст.

— Значит, мальчик всё-таки совершил действие из книги.

Пуаронов поднял золотую печать. Она была тёплой и пахла чёрной смородиной.

— Нет. Действие совершила тень. Книга учится обходить наши формулировки.

Федька смотрел на место, где только что находилась его тень. Теперь под ногами было пусто, хотя лампа горела.

— Она вернётся?

— Если найдёт себя полезной, — сказала Мира. — Тени быстро привыкают к самостоятельности.

Пуаронов осмотрел петлю. Она исчезала в стене архива, превращаясь в строку чёрных букв. Эраст приложил к буквам ладонь и увидел мгновение чужими глазами: господин Скунс летел по коридору из незаполненных страниц. Впереди стояла дверь с табличкой «МЕСТО, КОТОРОГО ЕЩЁ НЕТ».

— Адрес Федьки, — сказал он.

— Как попасть? — спросила Вера.

— Через событие, которое не состоялось, — ответил Пуаронов. — Архив хранит не только раскрытые дела. Здесь есть несделанные выборы.

Он провёл их к дальнему шкафу. На полках лежали коробки:

«ПРЕСТУПНИК, КОТОРОГО НЕ ДОГНАЛИ».

«ПРИЗНАНИЕ, КОТОРОЕ НЕ ПРОЗВУЧАЛО».

«ДВЕРЬ, КОТОРУЮ НЕ ОТКРЫЛИ».

Тарас взял последнюю.

— Подходит.

— Не открывайте, — сказал Пуаронов.

Тарас уже открыл.

За крышкой стояла дверь. На ней висела новая надпись:

«ВХОД РАЗРЕШЁН ТОЛЬКО ТОМУ, КОГО НЕТ В СЛЕДУЮЩЕЙ ГЛАВЕ».

Все посмотрели друг на друга.

Федька поднял руку.

— Меня обычно не замечают.

Дверь открылась.

Глава тридцать вторая

Коридор ненаписанных поступков

За дверью не было пола. Он появлялся под ногой только после шага, словно пространство не желало работать авансом.

Стены состояли из белых страниц. На одних проступали предложения, на других — только запятые, ожидавшие подходящих мыслей.

— Идём молча, — сказал Пуаронов. — Всё произнесённое здесь может стать текстом.

— А непроговорённое? — спросил Тарас.

На стене немедленно появилось:

«ТАРАС СПРОСИЛ О НЕПРОГОВОРЁННОМ»

— Тоже, — вздохнул сыщик.

Они двинулись дальше. Коридор предлагал варианты будущего. В одном Эраст находил ампулу, но забывал Веру. В другом Тарас становился владельцем семи миров и тут же получал счета за отопление. В третьем Пуаронов раскрывал преступление, однако никто не понимал объяснения и виновного отпускали из жалости.

— Последнее неправдоподобно, — сказал сыщик.

Страница обиделась и закрылась.

В конце коридора они нашли господина Скунса. Он сидел в стеклянной клетке, вокруг которой плавали слова «ВИНОВЕН», «НЕВИНОВЕН» и «НЕДОСТАТОЧНО ПАХНЕТ».

— Освободите меня, — потребовал он.

— Почему клетка не выпускает? — спросил Эраст.

— Она требует назвать виновного. Я не могу: здесь нет запахов.

Пуаронов осмотрел замок. Вместо скважины на нём был вопрос:

«КТО ПОХИТИЛ ПЕРВЫЙ ЗАПАХ?»

— Ответ «Федька» будет правдой, — сказал Эраст. — Но неполной.

— Ответ «Ноль» объяснит замысел, но не физическую кражу, — добавила Вера.

— Ответ «книга» перепутает орудие и волю, — сказал Пуаронов.

Тарас подошёл к замку.

— А если ответить: «не тот, кого вы имеете в виду»?

Замок щёлкнул.

Клетка открылась.

— Почему сработало? — спросил Скунс.

— Потому что вопрос хотел одно имя, а преступление совершили несколько участников, — сказал Пуаронов. — Неполный вопрос не имеет права требовать полного ответа.

Тарас расправил плечи.

— Запишите: я раскрыл клетку.

Стена записала:

«ТАРАС СЛУЧАЙНО ПОПАЛ В СМЫСЛ»

Глава тридцать третья

Ложь, которой ещё не было

Вернувшись из коридора, господин Скунс обнаружил, что его нос снова работает. Первым он почувствовал архивную пыль, затем страх Федьки, красный чай Пуаронова и что-то совершенно новое.

— Здесь есть запах лжи, которую ещё не произнесли.

— Как может пахнуть несказанное? — спросила Мира.

— Как дождь до дождя. Событие готово, ему не хватает только времени.

Скунс пошёл по следу. Запах привёл к белой странице из первого дела Пуаронова. На ней медленно появлялось предложение:

«МЕГРЭ АРТУРОВИЧ СКАЖЕТ, ЧТО ЗНАЕТ ВИНОВНОГО».

— Вы знаете? — спросил Эраст.

— Нет.

Скунс понюхал.

— Правда.

Строка на странице замерла. Потом исправилась:

«МЕГРЭ АРТУРОВИЧ СКАЖЕТ, ЧТО НЕ ЗНАЕТ ВИНОВНОГО».

— Не говорите, — предупредила Вера.

— Уже поздно. Я сказал это минуту назад.

Страница засветилась. Из неё вышел второй Пуаронов.

Он был совершенно похож на первого: серое пальто, семнадцать карманов, складной табурет, красный чайник. Даже сушёная груша торчала из нужного кармана.

— Добрый вечер, — сказал двойник. — Я знаю виновного.

Господин Скунс обнюхал обоих.

— Одинаково.

— Невозможно, — сказал капитан.

— Вы слишком часто пользуетесь этим словом, — одновременно ответили оба Пуаронова.

Тарас посмотрел на Эраста.

— А можно оставить обоих? Расследование пойдёт вдвое быстрее.

— Или в разные стороны.

Двойники сели на одинаковые табуреты и поставили перед собой одинаковые чайники.

— Проверим факты, — сказали они хором.

Федька прошептал:

— Книга научилась делать сыщика.

Настоящий Пуаронов — если он был настоящим — улыбнулся.

— Нет. Она научилась делать ответы. Теперь посмотрим, умеет ли задавать вопросы.

Глава тридцать четвёртая

Два сыщика и одна груша

Первую проверку предложил Эраст.

— Что лежит в седьмом кармане?

— Мел, — ответили оба.

— Кто подарил вам грушу?

— Полицейский из первого дела.

— Почему она виновна?

— Потому что её съели как улику.

Ответы совпадали. Двойник знал всё, что было рассказано вслух или написано в делах.

— Спросите о том, чего нет в тексте, — предложила Вера.

Эраст подумал.

— Что вы почувствовали, когда впервые поняли, что часовщик жив?

Левый Пуаронов ответил:

— Удовлетворение.

Правый сказал:

— Голод. Полицейский уже съел грушу, а расследование затянулось.

Тарас указал на правого.

— Настоящий.

— Почему? — спросил Скунс.

— Потому что ответ глупее.

— Неплохой критерий, — признал Эраст. — Но книга могла специально дать двойнику более человеческий ответ.

Оба Пуаронова посмотрели на него с одобрением.

— Тогда проверим не память, а привычку, — сказала Мира.

Она незаметно переставила чайники. Левый Пуаронов сразу вернул свой красный чайник. Правый не заметил.

— Левый настоящий, — сказала она.

— Или двойник знает описанную привычку к красному чайнику, — возразила Вера. —

А настоящий занят наблюдением и не дорожит предметом.

Оба варианта были разумны, что делало их одинаково бесполезными.

Федька поднял настоящую медную пластинку из груши.

— Здесь на обороте что-то написано.

Один Пуаронов быстро повернул голову. Второй продолжал смотреть на Федькины руки.

— Правый настоящий, — сказал мальчик.

— Почему?

— На пластинке ничего нет. Двойник посмотрел на надпись, потому что книга знает предмет как описание. Настоящий следит за человеком, который пытается его проверить.

Господин Скунс обнюхал правого Пуаронова.

— Он доволен.

— Верно, — сказал сыщик. — Мальчик начал задавать правильные вопросы.

Левый Пуаронов улыбнулся.

— А если я хотел, чтобы вы выбрали его?

Глава тридцать пятая

Проверка без правильного ответа

Двойник встал. Страницы архива зашуршали, готовясь записать его победу.

— Вы проверяете меня фактами, жестами и воспоминаниями, — сказал он. — Но всё это уже принадлежит книге. Я могу быть любым из вас точнее, чем вы сами.

— Точнее — возможно, — ответил Пуаронов. — Вернее — нет.

— В чём разница?

— Вы воспроизводите выбор после того, как знаете результат. Человек выбирает, не зная, кем станет после.

Пуаронов достал четыре пуговицы. Три положил в левую ладонь, одну — в правую.

— В какой руке улика?

— В обеих нет улик, — сказал двойник. — Это пуговицы.

— Правильно.

Настоящий сыщик бросил все пуговицы на пол.

Одна закатилась под шкаф. Федька полез за ней. В этот момент Пуаронов опрокинул красный чайник на собственное пальто.

Все вскочили.

Двойник остался стоять.

— Зачем? — спросил он.

— Не знаю, — ответил Пуаронов.

Страницы вокруг задрожали. Они не могли записать действие, у которого не было заранее выбранной причины.

— Вы всегда знаете, зачем действуете, — сказал двойник.

— Нет. Иногда я действую, чтобы узнать зачем.

Вода с пальто стекла на белую страницу. Чернила поплыли. Лицо двойника начало падаться на буквы.

— Это нелогично!

— Логика проверяет связь между причиной и следствием. Она не требует, чтобы причина заранее подала заявление.

Двойник бросился к двери. Тарас подставил табурет. Тот споткнулся, упал и рассыпался листами.

На одном листе было написано:

«В МЕСТЕ, КОТОРОГО ЕЩЁ НЕТ, ЖДУТ ДВА АКТЁРА».

На втором:

«ОДИН ИЗ НИХ УЖЕ СЫГРАЛ ЭРАСТА».

На третьем:

«ВТОРОЙ СЫГРАЛ ВЕРУ И НЕ ЗНАЕТ, ПОЧЕМУ ЧАШКА СТОИТ РУЧКОЙ ВЛЕВО».

Глава тридцать шестая

Актёры без лиц

Зеркальный театр заперли. Капитан выставил караул у всех дверей, включая нарисованные. Одна нарисованная дверь попыталась уйти со стены, но была задержана за отсутствие петель.

В подвале нашли комнату с двумя креслами. На каждом лежала маска без черт. Рядом стояли костюмы Эраста и Веры, точно повторявшие одежду того вечера.

— Актёры ушли, — сказал Носиф.

— Нет, — ответил Пуаронов. — Они никогда сюда не приходили телами.

Под креслами лежала фиолетовая пыль, но отпечатков ног не было. На подлокотниках сохранились четыре следа: по два пальца с каждой стороны.

— Тот самый отпечаток, — сказал Эраст.

— Два актёра держали не книгу, а маску связи, — объяснил Пуаронов. — Через неё шестая книга управляла их образами. Они могли находиться где угодно.

Лея ощупала маску.

— Внутри запах двух людей. Один пах воском и металлом. Второй — грушей и мылом. Все посмотрели на Федьку.

— Я мою сосуды, — сказал он. — И рядом со мной постоянно груши.

Скунс понюхал маску.

— Мальчик не носил её. Запах старше его.

Фимиам Фимиамыч снял перчатку.

— Воск и металл — моя работа.

— Но ваш запах тоже старше церемонии, — сказал Скунс.

Пуаронов перевернул маску. На внутренней стороне были выгравированы имена:

«ЭРАСТ»

«ВЕРА»

Под ними мелкими буквами:

«ИСПОЛНИТЕЛИ: ФИМИАМ БЛАГОУХОВ И ПАХОМ ЛЕТОПИСНЫЙ».

Настоящий хранитель отшатнулся.

— Я никогда не играл в театре.

Пахом, всё ещё связанный мягкой верёвкой, заговорил собственным голосом:

— А я играл. Но не помню когда.

Скунс обнюхал обоих.

— Оба говорят правду.

— Значит, маски использовали их забытые версии, — сказал Эраст.

— Или будущие, — добавил Пуаронов. — Книга берёт не человека. Она берёт возможность, которой он не воспользовался.

Глава тридцать седьмая

Хранитель, который мог стать актёром

В молодости Фимиам Фимиамыч мечтал о сцене. Об этом он сообщил после долгого молчания и требования закрыть двери.

— Я поступал в театр, — признался он. — Меня не приняли.

— Почему? — спросил Тарас.

— Сказали, что я слишком естественно изображаю хранителя.

— Жестоко.

— Я вернулся в хранилище и решил забыть.

Пахом тоже признался: когда-то хотел стать не историком, а человеком, который совершает события. Но ему объяснили, что участие портит беспристрастность. Он выбрал летопись и всю жизнь записывал чужие поступки.

— Шестая книга нашла ваши отвергнутые возможности, — сказал Пуаронов. — Из Фимиама, который мог стать актёром, сделала Эраста. Из Пахома, который мог действовать, — Веру.

Вера подняла бровь.

— Почему наоборот?

— Потому что книга знает внешние роли, но не понимает людей. Она решила, что решительность обязана принадлежать мужчине, а осторожность — женщине. Поэтому чашку поставили не той ручкой, а книгу взяли не той рукой.

— Значит, ошибка двойников была не случайной, — сказал Эраст.

— Это граница Нуля. Он собирает человека из чужих представлений. Чем точнее стереотип, тем хуже сходство с живым.

Федька посмотрел на маски.

— Можно вернуть эти возможности обратно?

— Можно прожить их сейчас, — ответила Мира.

Фимиам Фимиамыч надел маску и произнёс первую попавшуюся реплику:

— Кто украл ампулу?

Прозвучало так трагически, что три стражника заплакали, капитан признался в неправильной парковке караула, а Тарас попросил вернуть деньги за билет, которого не покупал.

Пахом взял вторую маску.

— Я пойду с вами в место, которого ещё нет.

Нуль внутри него попытался возразить, но историк впервые заговорил громче чужого голоса.

— На этот раз, — сказал Пахом, — я хочу не записывать историю, а испортить ей планы.

Глава тридцать восьмая

Карта из неправильных решений

Чтобы найти место, которого ещё нет, Пуаронов разложил на полу все решения, не состоявшие за последние сутки.

Эраст не был арестован.

Скунс не произнёс ложного признания.

Федька не стал заключённым.

Лицедей Лев не умер.

Капитан не поймал преступника.

Тарас не заплатил за третий билет.

— Последнее особенно важно, — сказал Тарас.

— Последнее особенно обычно, — ответила Мира.

Каждое несостоявшееся событие оставило тонкую серебряную линию. Пуаронов связал линии верёвкой. Получилась карта, похожая на птицу, чайник и плохо составленный отчёт одновременно.

— Все пути сходятся здесь, — сказал Эраст, указывая на пустой центр.

— Потому что место ещё не создано, — ответил сыщик. — Оно появится, когда одно из решений станет окончательным.

— Какое?

Пуаронов посмотрел на господина Скунса.

— Решение о виновности. Пока чрезвычайный нос не назвал главного преступника, финал остаётся пустым.

— Я не назову без доказательств.

— Именно поэтому Нуль похищал вас. Ему нужно либо заставить вас ошибиться, либо лишить миры самой возможности вынести решение.

— Значит, чтобы войти, я должен назвать виновного?

— Нет. Тогда вы закончите историю по его правилам.

— Что же делать?

Тарас поднял золотую печать.

— Назвать невиновного.

Скунс распушился.

— Я не лгу.

— А мы и не просим лгать, — сказал Пуаронов. — Мы просим вас сказать правду так, чтобы книга поняла её неправильно.

Скунс долго смотрел на него.

— То есть вы хотите обмануть меня с моей помощью?

— Теперь название наконец начинает работать.

Глава тридцать девятая

Как обмануть того, кто чувствует ложь

План объясняли господину Скунсу три раза.

После первого он назвал его недостойным.

После второго — незаконным.

После третьего спросил, где поставить печать.

— Вы должны публично произнести: «Федька невиновен», — сказал Эраст.

— Но он помогал краже.

— Вопрос не будет уточнять, в чём именно. Он невиновен в замысле уничтожить миры.

— Это правда, — признал Скунс.

— Затем скажете: «Пуаронов виновен».

Хвост поднялся.

— В чём?

— В том, что скрывал письмо о будущем преступлении.

— Тоже правда.

— Книга услышит два имени рядом с юридическими словами и решит, что приговор вынесен, — сказал Пуаронов. — Место финала возникнет. Мы войдём до того, как Нуль поймёт смысл.

— Это словесная уловка.

— Нет. Уловка прячет ложь. Здесь каждая фраза точна, а ошибка возникнет у того, кто соединит их без вопроса.

Скунс посмотрел на Эраста.

— Вы часто так работали с документами?

— Достаточно часто, чтобы бояться союзов и предлогов.

На центральной площади собрали жителей. Афиши, ещё недавно обвинявшие Скунса, теперь сообщали:

«ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ. ВХОД СВОБОДНЫЙ. ВЫХОД УТОЧНЯЕТСЯ».

Скунс поднялся на трибуну.

— Федька невиновен.

Площадь задрожала.

— Мегрэ Артурович Пуаронов виновен.

Над дворцом возникла чёрная дверь.

На ней появилось:

«ВИНОВНЫЙ НАЗВАН. ИСТОРИЯ ЗАВЕРШЕНА»

— Вы обманули меня, — прошептал Скунс.

— Нет, — ответил Пуаронов. — Мы вместе обманули плохого читателя.

Дверь открылась.

Глава сороковая

Место финала

За дверью находился город, собранный из последних страниц.

Улицы обрывались точками. Дома имели только фасады. Люди стояли в красивых позах, потому что автор не успел придумать, чем им заниматься после развязки.

В центре возвышалась башня из белых листов. На вершине лежала шестая книга. Из её страниц поднимался серебряный дым Первого Запаха.

Нуль ждал рядом.

На этот раз у него было собственное тело — высокое, безликое, составленное из строк. Каждая строка описывала другого человека:

«Он был храбр».

«Она знала ответ».

«Они не сомневались».

Ни одна не говорила, кто именно стоял перед героями.

— Вы пришли, — сказал Нуль. — Значит, книга написала верно.

— Мы пришли по причине, которой в ней не было, — ответил Пуаронов.

— Причины не важны. Важны поступки.

— Тогда вы плохо расследуете.

Нуль поднял руку. Город ожил. Из домов вышли двойники Эраста, Веры, Тараса, Миры, Скунса и самого Пуаронова.

— Каждый из них совершеннее оригинала, — сказал Нуль. — Они не ошибаются, не сомневаются и всегда исполняют роль.

Тарас посмотрел на собственного двойника. Тот был подтянут, серьёзен и держал квитанцию об оплате третьего билета.

— Этот точно поддельный.

Двойник Веры поставил чашку ручкой вправо.

Двойник Эраста уверенно объявил:

— Я знаю, что делать.

Настоящий Эраст вздохнул.

— И этот тоже.

Пуаронов посмотрел на книгу.

— Где большая часть Первого Запаха?

— В финальной главе, — ответил Нуль. — Чтобы добраться до неё, вы должны пройти через собственные идеальные версии.

Господин Скунс понюхал воздух.

— Он говорит правду.

— Разумеется, — сказал сыщик. — Самые опасные ловушки строят не из лжи. Их строят из правды, которой заранее выбрали вывод.

Глава сорок первая

Подозреваемые без недостатков

Идеальные двойники выстроились поперёк площади.

Их было шестеро, и каждый выглядел так, будто только что победил в конкурсе на лучшую версию самого себя. Двойник Эраста держался прямо. Двойник Веры не хмурился. Двойник Миры улыбался именно столько, сколько требовала вежливость, и ни одним зубом больше. Двойник Тараса имел при себе деньги.

Последнее зрелище оказалось самым тревожным.

— Предлагаю сдаться, — сказал идеальный Тарас. — Это сократит расходы на сопровождение.

Настоящий Тарас оскорбился.

— Я никогда не сокращаю расходы таким дорогим способом.

Нуль указал на башню.

— Пройдёт тот, кто докажет, что имеет право на собственное место в истории.

— А если не докажет? — спросил Эраст.

— Его заменят.

Мегрэ Артурович Пуаронов снял шляпу, вынул из неё складную табуретку, поставил на мостовую и сел.

— Начинаем расследование.

— Здесь нет преступления, — сказал Нуль.

— Есть шесть попыток присвоения личности, незаконное ношение чужих биографий и один неоплаченный билет, который выглядит особенно подозрительно.

Двойник Тараса прижал квитанцию к груди.

Пуаронов разложил на колене чистый лист.

— Первое правило понятной детективной логики: прежде чем спрашивать, кто виноват, следует установить, что именно произошло. Вы утверждаете, что эти лица совершеннее оригиналов. Совершенство — оценка. Замена — действие. Меня интересует действие.

— Они займут ваши места, — ответил Нуль.

— Где?

— В книге.

— Когда?

— После вашего поражения.

— Каким способом?

Нуль промолчал.

Пуаронов поднял палец.

— Итак, у предполагаемого преступления нет установленного способа. Следовательно, перед нами пока не казнь, а собеседование с чрезмерно строгим отделом кадров.

Двойник Пуаронова шагнул вперёд.

— Способ очевиден. Книга перепишет строки.

Настоящий сыщик посмотрел на него с интересом.

— Вы ответили вместо Нуля.

— Я быстрее пришёл к выводу.

— Нет. Вы знали ответ заранее.

Пуаронов повернулся к остальным.

— Не сражайтесь с двойниками. Наблюдайте, откуда они получают сведения. Настоящий человек делает вывод из увиденного. Поддельный получает готовый вывод из текста.

— А если текст описывает увиденное? — спросила Вера.

— Тогда поймаем его на времени. Готовый ответ всегда приходит чуть раньше правильного вопроса.

Нуль сделал знак. Идеальные двойники разошлись по шести улицам.

На фасадах появились надписи:

«ДОКАЖИТЕ СЕБЯ».

«ИСПРАВЬТЕ ОШИБКИ».

«НЕ ЗАДЕРЖИВАЙТЕ ФИНАЛ».

Тарас посмотрел на третью.

— Финал торопится. Значит, кому-то платят за объём, а не за качество.

— Или кто-то боится следующей главы, — сказал Пуаронов.

Глава сорок вторая

Преступление, совершённое вовремя

Первым делом сыщик потребовал у двойников алиби.

Идеальный Эраст сообщил, что в момент похищения Первого Запаха спасал восточную башню от обрушения.

Идеальная Вера лечила семерых детей от болезни, которой они ещё не успели заболеть.

Идеальная Мира предотвращала войну между двумя государствами, отсутствовавшими на карте.

Идеальный Скунс разоблачил одиннадцать лжецов и одного честного человека, подозрительно молчавшего.

Идеальный Тарас оплачивал третий билет.

— Долго? — спросил Пуаронов.

— С двенадцати ноль-ноль до двенадцати ноль-семи.

Остальные двойники назвали то же время.

— У всех алиби с двенадцати ноль-ноль до двенадцати ноль-семи? — переспросил Эраст.

— Именно, — ответили они хором.

— Превосходно, — обрадовался Пуаронов. — Настолько превосходно, что уже плохо.

Он начертил на листе шесть коротких линий.

— Если события происходили в разных местах, часы могли показывать одинаковое время. Но показания не должны иметь одинаковую форму. Один запомнил бы полдень, другой — бой часов, третий — время по квитанции. Шесть одинаковых интервалов означают не шесть воспоминаний, а один источник.

— Книга, — сказал Эраст.

— Точнее, строка в книге. Кто-то вписал общий промежуток и раздал его всем фигурантам как казённые сапоги.

Идеальный Пуаронов улыбнулся.

— Совпадение не доказывает вину.

— Верно. Оно доказывает связь. Вина появится, когда мы установим, что через эту связь передавалось.

Сыщик попросил капитана осмотреть часы на площади. Все двенадцать циферблатов стояли на отметке двенадцать ноль семь.

— Почему они остановились? — спросил капитан.

— Потому что после идеального момента время становится лишним, — ответил Нуль.

Пуаронов приблизился к ближайшим часам. На минутной стрелке блестела фиолетовая пыль.

— Та же краска, что была в Мастерской Афиш, — сказал Эраст.

— Но Шрифтов остался в городе, — возразила Вера.

— Краска не доказывает присутствие Шрифтова. Она доказывает присутствие его работы.

Под циферблатом обнаружили узкую бумажную ленту. На ней латинскими буквами было напечатано:

«SYNC».

— Что означает? — спросил Тарас.

— Одновременность, — ответил Эраст.

— А по-человечески?

— Все часы заставили показывать одно и то же.

— Почему сразу так не написать? Преступность начинается там, где вывеску делают на иностранном языке.

Пуаронов спрятал ленту в восьмой карман.

— Двойники не самостоятельны. Их ответы синхронизированы. Значит, достаточно дать одному из них сведения, противоречащие сведениям другого.

— И что произойдёт?

— Либо они поссорятся, либо книга исправит одного. В обоих случаях мы увидим, откуда приходит исправление.

Он повернулся к Тарасу.

— Нам понадобится ваша квитанция.

— Настоящая или оплаченная?

— Именно поэтому вы незаменимы.

Глава сорок третья

Квитанция из завтрашнего дня

Идеальный Тарас охранял улицу Финансовой Ответственности.

На этой улице у каждого дома имелся номер, у каждого номера — счёт, а у каждого счёта — пеня за то, что дом недостаточно своевременно существовал.

— Покажите третий билет, — потребовал Пуаронов.

Двойник протянул квитанцию.

Настоящий Тарас протянул свою — мятую, надорванную и совершенно неоплаченную.

Сыщик положил обе рядом.

— Чем они отличаются?

— На одной написано «оплачено», — сказал капитан.

— Это содержание. Смотрим на вещество.

Эраст потрогал бумагу.

— Квитанция двойника теплее.

Вера поднесла её к свету.

— И водяной знак другой. Башня с шестью окнами.

На настоящем билете была башня с пятью.

— Шестое окно появится только после открытия финальной главы, — сказал Пуаронов.

— Значит, квитанцию изготовили не в прошлом. Она пришла из будущего текста.

— Подделка, — торжественно сказал Тарас. — Я всегда чувствовал, что оплаченные документы ненадёжны.

Идеальный двойник впервые нахмурился.

— Билет действителен.

— На какую дату? — спросил Пуаронов.

Внизу стояло: «Завтра, 12:07».

— Сегодня не указано, — заметила Мира.

— Потому что у финала нет настоящего времени. Есть только время, назначенное автором.

Пуаронов повернулся к двойнику.

— Где вы получили билет?

— В кассе.

— Как выглядел кассир?

— Как кассир.

— Пол?

— Служебный.

— Голос?

— Убедительный.

— Сколько пальцев было на руке, которой он выдал билет?

Двойник открыл рот.

На фасаде соседнего дома побежала чёрная строка:

«У КАССИРА БЫЛО ПЯТЬ ПАЛЬЦЕВ»

Двойник прочитал и ответил:

— Пять.

Все увидели, как ответ пришёл.

— Вот и способ передачи, — сказал сыщик. — Город подсказывает двойникам через описания.

Федька метнул в строку комок фиолетовой глины. Слова заляпало. На фасаде осталось:

«У КАССИРА БЫЛО ПЯТЬ ПАЛЬТО»

— Сколько пальцев? — повторил Пуаронов.

— Пять пальто, — уверенно ответил двойник.

Тарас снял шляпу.

— Перед нами честный плательщик и законченный дурак. Не ожидал, что эти качества могут ужиться, но жизнь снова расширила отчётность.

По стенам города прошла дрожь. Где-то наверху перелистнулась страница.

Пуаронов поднял голову.

— Нас читают.

— Кто? — спросил Эраст.

— Пока не знаю. Но он только что исправил подсказку. Нуль не управляет всеми строками: он ждал исправления вместе с нами.

Нуль стоял у башни и смотрел вверх.

Впервые он выглядел не хозяином города, а его самым хорошо одетым заключённым.

Глава сорок четвёртая

Чашка неправильной рукой

Идеальная Вера встретила их в лечебнице.

Все больные там были здоровы, потому что болезни устранялись ещё до появления симптомов. Поэтому врачи целыми днями заполняли отчёты о блестящих результатах и тихо мечтали хотя бы о насморке.

Двойник Веры поставил на стол чашку ручкой вправо.

— Это уже было, — сказал Эраст.

— Было замечено, — поправил Пуаронов. — А теперь проверим, было ли понято.

Он попросил две ложки сахара.

Настоящая Вера молча отодвинула сахарницу.

Идеальная положила сахар в чай.

— Почему вы так сделали? — спросил сыщик.

— В чай кладут сахар.

— Иногда. Но Вера не кладёт.

Двойник взглянул на стену. Там появилась строка:

«ВЕРА НЕ ЛЮБИЛА СЛАДКИЙ ЧАЙ».

Идеальная Вера немедленно вылила чашку в цветок.

Цветок, до этого идеально пластмассовый, закашлялся.

— Книга знает привычку, — сказал Эраст. — Но не знала причины.

Пуаронов кивнул.

— Предметный факт легко переписать. Личный смысл приходится угадывать.

— Какая причина? — спросила Мира.

Вера посмотрела на Эраста.

— Когда мы впервые встретились, он перепутал сахар с солью. Я выпила чай до конца, чтобы он не заметил.

— Я заметил, — сказал Эраст.

— Почему не сказал?

— Я тоже пил.

Тарас утер внезапную слезу.

— Великая любовь начинается там, где двое добровольно портят напиток и называют это воспоминанием.

Стена попыталась записать объяснение, но буквы пошли пятнами. История знала поступок, однако не могла решить, кто кого пожалел первым.

Идеальная Вера замерцала.

— Назовите точную причину, — потребовала она.

— Их две, — ответил Пуаронов. — Любовь редко имеет одно алиби.

Двойник рассыпался на аккуратные карточки. На каждой было написано по одному качеству: «смелая», «разумная», «верная», «своевременная».

Вера подняла карточку «своевременная».

— Это точно не я. Я три главы собиралась сказать Эрасту, что он неправ.

— И сказали?

— Ещё собираюсь.

На обороте карточки обнаружился знак типографской руки: маленький чёрный круг, перечёркнутый красной чертой.

Пуаронов показал его Нулю.

— Ваш знак?

— Нет.

Скунс понюхал карточку.

— Правда.

— Значит, существует тот, кто исправляет даже Нуль, — произнёс сыщик. — И он ставит отметку на всём, что считает завершённым.

Глава сорок пятая

Человек, который всегда знал, что делать

Двойник Эраста ждал на площади Решительных Поступков.

Вокруг него уже собралась толпа. Он успел спасти котёнка, примирить двух соседей, обезвредить бомбу и объяснить чиновнику содержание его собственного приказа.

Последнее вызвало наибольшие овации.

— Я знаю, что делать, — объявил двойник.

— Очень сочувствую, — сказал настоящий Эраст.

Пуаронов попросил идеального героя перечислить дальнейшие действия.

— Сначала мы разоблачим двойников. Затем войдём в башню. После этого уничтожим Нуль и вернём Первый Запах.

— Откуда вы знаете порядок?

— Это логично.

— Нет, — возразил сыщик. — Это удобно. Логика объясняет связь. Удобство просто ставит мебель так, чтобы финал не ушибся.

Он показал Эрасту заголовки, вырезанные на дверях соседних домов:

«РАЗОБЛАЧЕНИЕ ДВОЙНИКОВ».

«ВХОД В БАШНЮ».

«УНИЧТОЖЕНИЕ НУЛЯ».

— Двойник повторил оглавление, — понял Эраст.

— Да. Он не предсказывает поступки. Он подчиняется названиям.

Пуаронов снял табличку с первой двери и поменял её местами со второй.

Идеальный Эраст немедленно повернулся к башне.

— Сначала войдём в башню.

Федька поменял таблички ещё раз.

— Сначала уничтожим Нуль, — сказал двойник и двинулся к безликому существу.

Нуль отступил.

— Остановите его.

— Вы же создали совершенного героя, — сказал Тарас. — Наслаждайтесь своевременной помощью.

Двойник поднял меч. Нуль щёлкнул пальцами, и над улицей появилось новое название:

«ГЕРОЙ ПЕРЕДУМАЛ»

Меч опустился.

Пуаронов внимательно следил не за двойником, а за небом.

— Вы умеете менять заголовки, — сказал он Нулю. — Но строка о пяти пальцах появилась раньше вашего движения. И знак на карточке не ваш. Следовательно, городом управляют два редактора.

— Я не редактор.

— Тогда кто вы?

Нуль долго молчал.

— Исправление.

— Чьё?

На небе возник чёрный круг с красной чертой.

Нуль поднял лицо к знаку.
— Моё показание сейчас сотрут.
По его телу побежали строки. Слово «исправление» исчезло первым.
— Запоминайте! — крикнул Пуаронов.
Федька схватил мел и написал на мостовой:

«НУЛЬ — ИСПРАВЛЕНИЕ»

Красная черта перечеркнула надпись.
Тарас написал рядом:

«ТАРАС ОПЛАТИЛ БИЛЕТ»

Красная черта замерла, будто не смогла поверить в такую наглость.
Этого мгновения хватило.
— Бежим! — скомандовал Эраст.
— Куда?
— Не знаю.
Его двойник остановился. Для такого решения заголовка не существовало.

Глава сорок шестая

Шесть Пуароновых и половина вывода

Они укрылись в доме, предназначенном для сцены, которую потом вырезали.

Внутри стояли шесть одинаковых Мегрэ Артуровичей Пуароновых.

Один пил чай. Второй измерял комнату верёвкой. Третий допрашивал табуретку. Четвёртый спорил с сушёной грушей. Пятый записывал спор. Шестой утверждал, что всё уже раскрыл, но отказывался объяснять из профессиональной скромности.

Настоящий сыщик вошёл последним.

— Наконец-то достойная компания, — сказал первый.

— Наконец-то избыточная компания, — ответил настоящий.

Скунс обнюхал всех.

— Никто не лжёт.

— Потому что каждый считает себя настоящим, — объяснила Мира.

— Самоубеждение — старший брат алиби, — сказал третий Пуаронов. — Оно приходит раньше полиции и съедает печенье.

Семь сыщиков сели кругом. Табуреток было четыре, поэтому троим пришлось проявить дедукцию и остаться стоять.

Эраст предложил задать вопрос, ответ на который знает только настоящий Пуаронов.

— Бесплезно, — одновременно сказали семеро. — Книга прочитала его прошлое.

Вера предложила проверить привычки.

— Бесплезно. Привычки описаны.

Тарас предложил поделить оплату за комнату.

Шесть Пуароновых немедленно указали на настоящего Тараса.

— Тоже бесплезно, — признал он. — Но приятно видеть профессиональное единодушие.

Федька посмотрел на сушёную грушу.

— Пусть каждый скажет, что расследует сейчас.

Первый ответил:

— Личность настоящего Пуаронова.

Второй:

— Механизм создания двойников.

Третий:

— Происхождение Нуля.

Четвёртый:

— Знак чёрного круга.

Пятый:

— Путь в башню.

Шестой:

— Всё перечисленное.

Настоящий сыщик сказал:

— Почему мальчик задал именно этот вопрос?

Федька улыбнулся.

— Вот он.

— Почему? — спросил Эраст.

— Поддельные расследуют то, что им назначила книга. Настоящий расследует даже того, кто задаёт вопрос.

Шесть двойников заплодировали. Затем один перестал.

— Но книга могла предусмотреть такой ответ, — сказал он.

— Могла, — согласился Пуаронов. — Поэтому проверка ещё не закончена.

Он достал красный чайник и передал его Федьке.

— Разбейте.

Мальчик побледнел.

— Это же ваш любимый.

— Именно.

Шесть двойников бросились спасать чайник, потому что книга знала ценность предмета. Настоящий Пуаронов наблюдал за Федькой.

Мальчик замахнулся, но вместо чайника ударил по стене. Штукатурка осыпалась, открыв узкую чёрную щель.

— Вы знали, что там проход? — спросил Эраст.

— Нет. Я знал, что Федька не разобьёт чайник без причины. Следовательно, если он согласился, то увидел другую цель.

Сыщик забрал чайник.

— Человек отличается от своей идеальной версии не ошибками. Он отличается доверием к чужой непредсказуемости.

Шесть двойников сложились в один лист. На нём было написано:

«ПРОВЕРКА НЕ ПРЕДУСМОТРЕНА»

— Лучшая оценка моей работы, — сказал Пуаронов.

Глава сорок седьмая

Скунс, который никого не подозревал

За чёрной щелью находился сад абсолютной правды.

Деревья честно сообщали количество листьев. Цветы признавались, что пахнут ради размножения. Скамейки предупреждали о занозах до того, как на них садились, отчего потеряли почти всех посетителей.

В центре сада стоял идеальный господин Скунс.

Он был белоснежен, величествен и совершенно бесполезен.

— Я не чувствую лжи, — объявил двойник. — Здесь её нет.

Настоящий Скунс обошёл его кругом.

— Тогда как вы расследуете?

— Никак. В идеальном мире расследования не нужны.

Пуаронов вздохнул.

— Вот почему совершенство так удобно преступникам.

Он сорвал две таблички. На одной было написано: «ВХОД В БАШНЮ НАХОДИТСЯ ВПЕРЕДИ». На другой: «ВПЕРЕДИ НАХОДИТСЯ ВЫХОД ИЗ САДА».

Обе фразы были правдой. Но дорожка впереди раздваивалась.

— Какая ведёт к башне? — спросил Эраст.

Идеальный Скунс понюхал воздух.

— Обе таблички правдивы.

— Это не ответ.

— Я определяю ложь, а не смысл.

Настоящий Скунс принял.

— Левая дорожка пахнет страхом Нуля. Правая — свежей краской.

— И что это доказывает? — спросил двойник.

— Ничего. Поэтому проверим.

Он пошёл налево.

Через три шага из кустов выскочили бумажные стражи. Скунс развернулся и поднял хвост. Через секунду стражи уже давали признательные показания кустам.

— Левая ведёт к башне, — сказал он. — Если бы она вела к выходу, её не охраняли бы.

Пуаронов кивнул.

— Запах дал направление. Реакция охраны дала подтверждение. Вот разница между способностью и расследованием.

Идеальный двойник возмутился:

— Вы спровоцировали событие.

— Разумеется. Улика редко заполняет заявление о своём существовании.

Скунс посмотрел на свою совершенную версию.

— Вы не я.

— Я никогда не ошибаюсь.

— Именно. Я однажды обвинил почтальона.

— В чём?

— В том, что он пах конвертом. Дело закрыли за отсутствием преступления и избытком почты.

Идеальный Скунс начал бледнеть, хотя был белым с самого начала.

— Ошибка не украшает вас.

— Зато учит перепроверять нос головой.

Двойник рассыпался белой пылью. Под ним остался ключ, на котором было выгравировано:

«ОТ ДВЕРИ, КОТОРУЮ НЕЛЬЗЯ ОТКРЫТЬ ПРАВИЛЬНО».

— Значит, откроем неправильно, — сказал Тарас.

— Наконец-то задача по вашей специальности, — заметил Эраст.

Глава сорок восьмая

Первая полезная ошибка

Дверь в башню имела семь замков и ни одной ручки.

Ключ подходил ко всем замкам, но каждый раз поворачивался обратно.

— Её нельзя открыть правильно, — напомнил Тарас. — Следовательно, надо сломать.

— Это не неправильный способ, — сказала Вера. — Это другой способ.

— Вера права, — сказал Пуаронов. — Дверь ожидает намеренной ошибки. Но намеренная ошибка перестаёт быть ошибкой, как только мы знаем её цель.

Все задумались.

Мира взяла ключ, вставила его в первый замок и повернула не в ту сторону.

Ничего не произошло.

Она попробовала второй замок, потом третий.

— Вы делаете это намеренно, — сказал Нуль, появившийся в конце дорожки. — Дверь не примет хитрость.

— Знаю.

Мира вынула ключ и передала капитану.

— Откройте.

Капитан важно шагнул к двери, поскользнулся на белой пыли, взмахнул руками и случайно уронил ключ в водосточную щель.

Все замки щёлкнули.

Дверь открылась.

Капитан поднялся.

— Так и было задумано.

— Дверь считает иначе, — заметил Пуаронов.

Внутри башни находилась лестница, поднимавшаяся вниз. На первой ступени лежал ключ.

— Почему сработало? — спросил Федька.

— Потому что ошибка была настоящей, — ответил сыщик. — Её результат оказался полезным, но полезность появилась после события, а не до него.

— Значит, Нуль не может управлять случайностью?

— Он может переписать случайность как закономерность. Но только после того, как она произошла.

Пуаронов обернулся к капитану.

— Поздравляю. Вы впервые открыли дверь падением.

— Я и раньше открывал.

— Тогда снимаю поздравление и возвращаю беспокойство.

Нуль остался снаружи. Он не мог переступить порог.

— Почему вы не входите? — спросил Эраст.

— Я создан исправлять ошибки. Здесь ошибка стала ключом. Для меня это противоречие.

— Или улика, — сказал Пуаронов. — Если вас создали исправлением, значит, когда-то существовала первая ошибка. Найдём её — узнаем, кто и зачем создал вас.

Дверь начала закрываться.

Нуль протянул руку.

— Не берите книгу.

Скунс принялся.

— Он боится не за себя.

— За кого? — спросил Эраст.

— За нас.

Дверь захлопнулась, оставив Нуля снаружи и сомнение внутри.

Глава сорок девятая

Убийство слова потому что

Лестница привела их в комнату причин.

По стенам тянулись тысячи предложений, соединённых золотыми словами «потому что».

«ЭРАСТ СПАС МИР, ПОТОМУ ЧТО БЫЛ ИЗБРАН».

«ТАРАС ПОШЁЛ С НИМ, ПОТОМУ ЧТО БЫЛ ВЕРЕН».

«ВЕРА ОСТАЛАСЬ, ПОТОМУ ЧТО ЛЮБИЛА».

«СКУНС ПОДОЗРЕВАЛ, ПОТОМУ ЧТО ЧУВСТВОВАЛ ЛОЖЬ».

Тарас прочитал свою строку.

— Неполно. Я ещё опасался, что без меня Эраст подпишет что-нибудь дорогое.

Пуаронов приблизился к первой надписи и перерезал золотое «потому что» верёвкой.

Комната содрогнулась.

Эраст остался стоять.

— Вы всё ещё спасали миры? — спросил сыщик.

— Да.

— Значит, поступок существует без назначенной причины.

Он перерезал вторую связь. Тарас не исчез.

— Верность сохранилась? — спросила Мира.

— Если она исчезает после удаления подписи, это была не верность, а договор.

Они разрезали связи одну за другой. Золотые слова падали на пол и превращались в маленькие мёртвые запятые.

— Вы убиваете логику, — раздался голос сверху.

Пуаронов поднял голову.

— Нет. Мы отделяем логику от навязанного объяснения. Причина должна подтверждаться фактами, а не положением между двумя половинами предложения.

Одна связь не поддалась:

«ПЕРВЫЙ ЗАПАХ УКРАЛИ, ПОТОМУ ЧТО ОН МОГ ЗАВЕРШИТЬ ЛЮБУЮ ИСТОРИЮ».

— Это правда? — спросил Эраст у Скунса.

— Фраза не пахнет ложью.

— Но это опять готовый вывод, — сказал Пуаронов. — Возможность использовать оружие ещё не является мотивом кражи.

Он осмотрел золотые буквы через лупу. На внутренней стороне слова «потому» обнаружилась крошечная надпись:

«РЕДАКЦИЯ ВТОРАЯ»

— Была первая редакция, — сказал Федька.

— И в ней причина звучала иначе.

Пуаронов осторожно отделил верхний слой золота. Под ним проступили старые слова:

«ПЕРВЫЙ ЗАПАХ СПРЯТАЛИ, ЧТОБЫ ОН НЕ ЗАВЕРШИЛ ПОСЛЕДНЮЮ ИСТОРИЮ».

Все замолчали.

— Не украли, а спрятали, — произнёс Эраст. — Не для нападения, а для защиты.

— И Нуль только что предупредил нас не брать книгу, — добавила Вера.

Пуаронов сложил лупу.

— Мы расследовали кражу. Но первоначальным событием было спасение. Кто-то изменил формулировку, превратил защитника в преступника и заставил нас вернуть опасное оружие.

Тарас посмотрел вверх.

— Нас не просто читают. Нас редактируют.

Глава пятидесятая

Вскрытие пророчества

На следующем этаже лежало пророчество.

Оно занимало длинный каменный стол и выглядело умершим сравнительно недавно. Вокруг стояли свечи, чернильницы и трое писцов, утверждавших, что ничего не видели, потому что заранее получили выходной.

Пуаронов надел белые перчатки.

— Причина смерти?

— Излишняя точность, — ответил первый писец.

— Время смерти?

— Между «когда» и «тогда».

— Орудие?

— Будущее время.

Пророчество гласило:

«КОГДА ШЕСТАЯ КНИГА ОТКРОЕТСЯ, ПЕРВЫЙ ЗАПАХ ВЕРНЁТСЯ В МИРЫ, И ВСЯКАЯ ИСТОРИЯ ПОЛУЧИТ ЕДИНСТВЕННО ВЕРНЫЙ КОНЕЦ».

— Звучит торжественно, — сказал капитан.

— Торжественность часто вызывают, когда смысл не пришёл, — ответил Пуаронов.

Он попросил Веру прочитать только фактические утверждения.

— Шестая книга может открыться. Первый Запах может вернуться. Истории получают один конец.

— А где сказано, что конец будет хорошим? — спросил Федька.

— Нигде.

— Где сказано, что он будет естественным? — добавила Мира.

— Нигде.

— Где сказано, что «верный» означает истинный, а не утверждённый? — спросил Эраст.

— Тоже нигде.

Пуаронов улыбнулся.

— Пророчество не лжёт. Оно позволяет читателю самому дописать приятные слова, а затем выдаёт его надежду за своё обещание.

Скунс обнюхал камень.

— Пахнет двумя чернилами.

Под словом «верный» обнаружилось стёртое слово «окончательный».

— Подмена оценочного смысла, — сказал сыщик. — Окончательный конец превратили в правильный. После этого любой, кто мешал открыть книгу, стал выглядеть врагом.

— Кто исправил слово? — спросил Эраст.

Пуаронов указал на чёрный круг с красной чертой внизу камня.

— Тот же редактор.

Третий писец внезапно побежал.

Капитан поймал его у лестницы.

— Почему убегаете?

— Потому что виновен.

— В чём?

— Не знаю. Но в детективах убегающий всегда получает роль.

Пуаронов осмотрел его пальцы. На них были чёрные чернила, но красной краски не было.

— Он переписывал пророчество под диктовку, — заключил сыщик. — Не автор подмены.

— Кто диктовал? — спросил Эраст.

Писец показал на потолок.

— Голос за страницей.

В этот момент сверху снова донёсся шелест. Огромный невидимый палец перевернул этаж.

Глава пятьдесят первая

Алфавит подозреваемых

Комната перевернулась вместе со страницей.

Все упали на потолок, кроме Пуаронова: он заранее раскрыл складной зонт и опустился с достоинством человека, который предусмотрел падение, но не готов объяснять, зачем носил зонт в помещении.

На новом полу лежали металлические литеры.

А, Б, В, Г и дальше — весь алфавит, кроме буквы Ё, которая отсутствовала по старой административной привычке.

Федька нашёл её под шкафом.

— Значит, здесь прячут не только причины.

Пуаронов разложил известные улики:

фиолетовую пыль;

ленту «SYNC»;

чёрный круг с красной чертой;

квитанцию из будущего;

исправленное пророчество.

— Что общего? — спросил он.

— Всё связано с текстом, — сказал Эраст.

— Точнее.

— Текст не написан заново. Его правили.

— Ещё точнее.

Вера подняла ленту.

— Правили так, чтобы разные события пришли к одному результату.

— Именно. Перед нами не автор. Автор создаёт варианты. Наш противник уничтожает варианты.

Сыщик стал выбирать литеры. Из них сложилось слово:

«КОРРЕКТОР».

— Слишком просто, — сказал Тарас.

— Простое слово не означает простого преступника.

Оставшиеся литеры сами сдвинулись и составили:

«ИДЕАЛ ПЕТРОВИЧ БЕЗОШИБКИН»

— Это имя? — спросила Мира.

— Скорее служебное предупреждение, — ответил Эраст.

Пуаронов проверил литеры. Буква И в слове «ИДЕАЛ» была латинской.

— Та же подмена алфавита, что на афишах, — сказал он. — Мастерская Шрифтова печатала не только объявления. Через неё Корректор вводил исправления в наш мир.

— Значит, Шрифтов виновен? — спросил капитан.

— Он изготовил канал. Но мы уже знаем: орудие не равно воле. Нож не планирует убийство, а типографский станок редко имеет политическую программу, хотя некоторые газеты заставляют сомневаться.

Скунс понюхал имя.

— Оно не пахнет человеком.

— Может быть должностью, — предположила Вера.

— Или ролью, которая пережила исполнителя, — сказал Пуаронов.

На стене открылось маленькое окошко. За ним показался глаз в круглых очках.

— Ошибка на странице пятьдесят первой, — произнёс сухой голос. — Буква Ё не была утрачена. Она была признана необязательной.

Окошко закрылось.

Тарас побледнел.

— Он слышит нас.

— Лучше, — сказал Пуаронов. — Он не выдерживает неточностей. Теперь у нас есть способ выманить его.

Глава пятьдесят вторая

Показания шестой книги

На вершине башни шестая книга лежала под стеклом.

Стекло было подписано: «НЕ РАЗБИВАТЬ». Рядом предусмотрительно лежал молоток с надписью: «ТОЛЬКО ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО РАЗБИВАНИЯ».

Тарас взял молоток.

— Наконец-то понятная инструкция.

— Подождите, — сказал Пуаронов.

Он осмотрел замок. Тот оказался открытым.

— Нас подталкивают разбить стекло, хотя достаточно поднять крышку. Зачем?

Эраст заглянул под витрину.

— Под стеклом проходит красная нить.

— Сигнализация, — сказала Вера. — Разобьём — Корректор узнает.

Они подняли крышку. Книга раскрылась сама.

Страницы зашептали голосами всех, кого успели описать.

— Кто спрятал Первый Запах? — спросил Пуаронов.

«НУЛЬ».

— Зачем?

«ЧТОБЫ НЕ ДОПУСТИТЬ ЗАВЕРШЕНИЯ»

— Почему он изображал похитителя?

Страница задрожала.

«ОН НЕ ИЗОБРАЖАЛ. ЕГО ПЕРЕПИСАЛИ».

— Кто?

Красная линия появилась у края листа и поползла к ответу. Пуаронов захлопнул книгу.

— Не давайте вопросу закончиться, — сказал он.

— Но мы не получили имя, — возразил капитан.

— Получили механизм. Иногда это ценнее имени. Корректор меняет не события, а их толкование. Ноль спрятал опасность, после чего его поступок назвали кражей. Мы сами сделали остальное.

Федька прижал ладонь к обложке.

— Книга боится.

— Книжки не боятся, — сказал капитан.

Обложка укусила его за палец.

— Возражение принято.

Скунс вдохнул серебряный дым.

— Первый Запах внутри, но разделён на главы. Если открыть последнюю, он соединится.

— Тогда не откроем, — сказал Эраст.

Сверху раздался голос Корректора:

— Последняя глава уже открыта.

Книга распахнулась на самом конце. Серебряный дым хлынул наружу.

Город за окнами начал завершаться. Незаконченные дома получили крыши, обрывающиеся улицы — тупики, люди — окончательные судьбы. Один прохожий мгновенно женился, состарился и пожалел, что не прочитал условия до развязки.

— Закройте! — крикнула Вера.

Эраст схватил обложку, но между страницами выросли металлические скобы.

Пуаронов смотрел не на книгу, а на красную нить под стеклом.

— Корректор ошибся.

— Где?

— Если он сам открыл финал, зачем оставил сигнализацию для нас?

Сыщик улыбнулся.

— Потому что он не может действовать внутри книги. Ему нужен читатель, который совершит физический поступок.

Глава пятьдесят третья

Пропавший читатель

— Но книгу никто не открывал, — сказал Эраст.

— Кто-то открыл, — возразил Пуаронов. — Мы просто не считаем его человеком. Все посмотрели на металлические скобы.

Федька нагнулся к столу. На пыли виднелся широкий след, похожий на отпечаток большого пальца, но составленный из типографских точек.

— Палец за страницей, — прошептал он.

Пуаронов измерил отпечаток верёвкой.

— Сорок два сантиметра. Для человека многовато. Для читателя, держащего целый мир как книгу, вполне скромно.

— Значит, Корректор находится снаружи? — спросила Мира.

— Да. Он не персонаж. Он тот, кто читает и правит поля.

— Как арестовать того, кто держит наш мир в руках?

— Для начала доказать, что он существует. Затем установить привычки. Потом испортить ему чай.

— Это обязательный этап? — спросила Вера.

— Нет, но он укрепляет следственную позицию.

Пуаронов изучил края страниц. На правом поле повторялись серые пятна. На левом их не было.

— Читатель перелистывает правой рукой, — сказал Эраст.

— Вероятно. Кроме того, носит перчатку с повреждённым большим пальцем: точки отпечатались только по краям.

Скунс понюхал пятно.

— Красные чернила, мятные лепёшки и страх опоздать.

— Откуда вы знаете запах страха опоздать?

— Он всегда одинаков: часы, пот и заранее приготовленное оправдание.

В дальнем углу башни обнаружили корзину. В ней лежали обрезки страниц с пометками:

«СЛИШКОМ ДОЛГО».

«ГЕРОЙ СОМНЕВАЕТСЯ».

«УБРАТЬ ЛИШНЕЕ РАССЛЕДОВАНИЕ».

«УСКОРИТЬ ФИНАЛ».

Пуаронов поднял последнюю.

— Мотив становится яснее. Корректор хочет единственного конца не ради власти над мирами. Он боится незавершённости.

— Разве это преступный мотив? — спросил капитан.

— Мотив сам по себе не преступен. Преступен способ: уничтожение всех возможных вариантов ради спокойствия одного читателя.

Книга продолжала выпускать серебряный дым. Скобы не поддавались.

Вера заметила, что дым идёт неравномерно: каждые несколько минут поток замирал.

— Будто тот снаружи отвлекается.

Пуаронов достал часы.

Первый перерыв наступил через тринадцать минут. Второй — ещё через тринадцать.

Сыщик налил чай и стал ждать третьего.

— Мир заканчивается, — напомнил Эраст.

— Именно поэтому нельзя торопиться с неправильным выводом. Конец света особенно любит следователей, которые экономят три минуты и теряют доказательство.

Через тринадцать минут дым снова остановился.

— Он переворачивает страницу по расписанию, — сказал Пуаронов. — А между перелистываниями читает ровно один и тот же объём.

— Что это даёт?

— Возможность положить улику на следующую страницу раньше него.

Глава пятьдесят четвёртая

Чай, который остывал трижды

Пуаронов налил три чашки красного чая.

Первую оставил на столе. Вторую поставил на край книги. Третью спрятал под шляпу, чем окончательно подтвердил, что устройство шляпы не подчиняется ни физике, ни санитарным нормам.

Через тринадцать минут невидимый палец перевернул страницу.

Чашка на краю исчезла.

Через минуту она вернулась пустой.

— Корректор пьёт чай, — сказал Тарас. — Теперь он почти человек.

— Или почти сыщик, — обиделся Пуаронов.

Скунс обнюхал чашку.

— Мятные лепёшки. Красные чернила. Страх опоздать. Тот же след.

На дне чашки лежала крошка бумаги. Вера развернула её пинцетом.

«ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ. ОКНО В ПОЛЯХ».

— Он уже подготовил следующую главу, — сказал Эраст.

— И ожидает, что мы найдём окно, — ответил Пуаронов.

— Значит, это ловушка.

— Безусловно. Но ловушка тоже является дверью, если заранее знаешь, кто хочет её закрыть.

Сыщик сравнил температуру чашек. Первая остыла. Вернувшаяся была тёплой. Третья под шляпой оставалась горячей.

— Снаружи прошло меньше времени, чем здесь, — заключил он. — Корректор читает наши тринадцать минут примерно за одну свою.

— Полезно? — спросил капитан.

— Очень. Он торопится не потому, что медлителен. Наоборот: для него наши жизни — быстро прочитанные страницы. Он сокращает сомнения, потому что не проживает время между ними.

Мира посмотрела на город. Люди за окном продолжали получать окончательные судьбы.

— Как остановить Запах?

— Нужна история, которую нельзя завершить единственным образом.

— Любая история может закончиться.

— Но не всякое расследование заканчивается установлением одного виновного. Иногда преступление совершается несколькими руками, а иногда один поступок одновременно спасает и нарушает закон.

Пуаронов указал на Нуля, стоявшего за закрытой дверью внизу.

— Он спрятал Запах и тем самым похитил его. Виновен в краже и невиновен в умысле. Если книга обязана выбрать только один окончательный вывод, она столкнётся с неразрешимым противоречием.

— Мы уже обманули книгу двумя правдами, — сказал Скунс.

— Теперь заставим её вынести два несовместимых, но обоснованных приговора.

Тарас поднял палец.

— А почему две чашки остыли по-разному?

— Потому что одна побывала снаружи.

— Нет. Почему третья под шляпой осталась горячей?

Пуаронов снял шляпу. Под ней сидел маленький огненный дракон и обиженно грел чай.

— Я искал его со второй книги, — признался Эраст.

Дракон чихнул, подпалив край финальной страницы.

Металлическая скоба лопнула.

— Запишите, — сказал Тарас. — Мир снова спасло несоблюдение правил хранения животных.

Глава пятьдесят пятая

Окно в полях

После драконьего чиха на правом поле книги появилось окно.

Оно было маленьким, прямоугольным и выходило в комнату огромного размера. За окном двигалась рука в серой перчатке. Большой палец действительно был порван.

На столе снаружи стояли красная чернильница, тарелка мятных лепёшек и часы, спешившие на семь минут.

— Все улики совпали, — сказал Эраст.

— Совпали признаки одного лица, — поправил Пуаронов. — Виновность ещё надо доказать.

Он просунул через окно верёвку. Рука заметила движение и потянулась к полю с красным карандашом.

Федька быстро написал на странице:

«КОРРЕКТОР НИКОГДА НЕ ИСПРАВЛЯЕТ НЕСУЩЕСТВЕННЫЕ ОШИБКИ».

Рука замерла.

Тарас добавил:

«В ЕГО ИМЕНИ ПЯТЬ ОШЫБОК»

Красный карандаш яростно зачеркнул букву Ы.

Верёвочная петля Пуаронова захлестнула карандаш.

— Есть контакт.

Рука дёрнула. Сыщик полетел к окну, но Эраст схватил его за пальто, Вера — Эраста, Мира — Веру, капитан — Миру, а Тарас предусмотрительно держался за капитана и стену одновременно.

— Отпустите карандаш! — крикнул Эраст.

— Это вещественное доказательство!

— Оно весит больше всех нас!

— Значит, особенно вещественное!

Скунс поднял хвост в сторону окна.

Через секунду снаружи раздался кашель. Рука выпустила карандаш.

Герои рухнули на пол. Пуаронов поднялся, сохранив карандаш и почти всё достоинство.

— Теперь Корректор знает, что мы его видели, — сказала Вера.

— Он знал, что мы увидим окно. Заголовок был подготовлен заранее.

— Тогда чего он не ожидал?

Пуаронов показал красный карандаш.

На его боку было выгравировано:

«СОБСТВЕННОСТЬ ОТДЕЛА ОКОНЧАТЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ»

Ниже мелко:

«Корректор И. П. Безошибкин».

— Он ожидал, что мы увидим лицо. Но не ожидал потерять предмет с должностью и инициалами.

— Почему?

— Потому что считает нас героями, а не следователями. Герой смотрит врагу в глаза. Следователь смотрит, что выпало у врага из кармана.

Из окна донёлся сухой голос:

— Верните карандаш. Он учтён.

Тарас прижал его к груди.

— Теперь точно не вернём. Учтённые вещи стоят дороже.

Окно начало закрываться.

Пуаронов вставил карандаш между рамами.

— За страницей есть Отдел окончательных решений. Значит, Корректор не один. У него есть начальство, правила и, что особенно полезно, документооборот.

Эраст улыбнулся.

— Вы хотите расследовать учреждение, которое находится снаружи нашего мира?

— Учреждение, — сказал Пуаронов, — всегда частично находится снаружи здравого смысла. Опыт имеется.

Глава пятьдесят шестая

Идеал Петрович Безошибкин

Они выбрались через окно по верёвке.

Мир за страницей оказался кабинетом.

На стенах стояли шкафы с историями. Одни были тонкими, другие занимали целые полки, третьи годами лежали незавершёнными и чувствовали себя прекрасно. Над дверью висели часы, спешившие на семь минут, чтобы сотрудники могли опаздывать заранее.

За столом сидел худой человек в сером костюме и круглых очках. На правой руке у него была порванная перчатка. Лицо казалось составленным из полей, сносок и неодобрения.

— Идеал Петрович Безошибкин? — спросил Пуаронов.

— Корректор первой категории.

— Мегрэ Артурович Пуаронов. Сыщик категории, которую пока не удалось отменить.

Безошибкин посмотрел на красный карандаш.

— Вы похитили служебное имущество.

— Вы переписали защиту миров как преступление, создали ложные алиби, управляли двойниками и пытались навязать всем историям один конец.

— Я устранял противоречия.

— Уничтожая тех, кто имел право противоречить?

— Читатель требует ясности.

— Какой читатель?

Корректор указал на дверь в конце кабинета. На ней было написано:

«ГЛАВНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ»

— Тот, кто оплачивает завершённые истории.

Тарас немедленно заинтересовался.

— Сколько?

— Не отвлекайтесь, — сказал Эраст.

— Я устанавливаю мотив.

Пуаронов положил на стол улики в правильном порядке: старую редакцию пророчества, квитанцию из будущего, карточку двойника, ленту синхронизации и красный карандаш.

— Вот понятная цепочка. Нуль спрятал Первый Запах, потому что тот мог навязать мирам окончательный конец. Вы изменили слово «спрятал» на «украл». Затем синхронизировали двойников и подделали их прошлое, чтобы привести нас к книге. Но самостоятельно открыть её не могли. Поэтому оставили молоток и рассчитывали, что мы разобьём стекло. Когда мы подняли крышку, вы использовали внешний палец и открыли финал сами.

— Если я открыл сам, зачем мне были нужны вы?

— Чтобы принять решение о виновности. Первый Запах завершает не пустую историю, а ту, в которой уже появился вывод. Мы должны были признать Нуля врагом. Тогда книга подчинила бы все факты этому приговору.

Безошибкин медленно снял очки.

— Хорошо. Вы доказали способ. Но не мотив.

— Мотив — приказ Главного Читателя.

— Предположение.

— Тогда откройте дверь.

— Не могу.
— Почему?
— Потому что за ней никого нет.
Скунс принялся.
— Он говорит правду.
Наступила тишина.
Эраст посмотрел на дверь.
— Тогда кому вы служите?
Безошибкин побледнел.
— Главному Читателю.
— Которого нет?
— Он должен быть.

Пуаронов подошёл к двери и осмотрел замочную скважину. На полу не было следов. Ручка покрылась пылью. Письма в лотке у входа все были написаны рукой самого Корректора.

— Никто не входил и не выходил, — сказал сыщик. — Приказы вы составляли сами, а затем исполняли, потому что боялись признать отсутствие начальника.

— Невозможно.

— Очень возможно. Пустой кабинет — один из древнейших источников чрезвычайных полномочий.

Безошибкин вскочил.

— Я не мог уничтожать миры без приказа!

— Поэтому и придумали того, кто приказал.

Корректор бросился к двери. Распахнул её.

За ней действительно никого не было.

Но комната не была пустой.

В центре стояло семь кресел. На каждом лежала одна из предыдущих книг о спасении мира. Шестое кресло оставалось свободным. В седьмом сидел человек, лица которого не мог разглядеть даже господин Скунс.

— Безошибкин, — сказал незнакомец, — вы снова объяснили моё отсутствие раньше времени.

Корректор опустился на колени.

Пуаронов медленно вынул сушёную грушу.

— Поправка к выводу, — произнёс он. — Главного Читателя нет в документах. Но кто-то очень старательно пользуется его креслом.

Незнакомец положил ладонь на первую книгу.

— Добро пожаловать в настоящее расследование, Мегрэ Артурович. Пять предыдущих спасений мира были только подготовкой.

— К чему?

— К тому, чтобы герои наконец научились выбирать неправильный конец.

За их спинами шестая книга захлопнулась.

Первый Запах исчез из кабинета.

А на корешке седьмой книги проступило название:

«СПАСТИ МИР И АРЕСТОВАТЬ АВТОРА»

Часть четвёртая

Читатель, который платил за конец

Глава пятьдесят седьмая

Семь кресел и один лишний человек

Незнакомец в седьмом кресле не двигался.

Рассмотреть его лицо не удавалось. Эраст видел высокий лоб и седые волосы. Вера — молодого человека с усталыми глазами. Тарас был уверен, что перед ними сидит бухгалтер, потому что только бухгалтер способен молчать так, будто за каждое слово предусмотрена отдельная пошлина.

Господин Скунс втянул воздух.

— Он пахнет всеми нами.

— Значит, оборотень? — спросил капитан.

— Нет. Оборотень пах бы собой, который притворяется другими. Этот пахнет тем, что каждый из нас ожидает почувствовать.

Мегрэ Артурович Пуаронов не сел.

— Назовите себя.

— Вы уже назвали меня Главным Читателем.

— Это должность из чужих документов. Имя.

— Имена ограничивают толкование.

— Зато помогают оформлять протокол.

Незнакомец положил руки на подлокотники. Его пальцы менялись при каждом взгляде: становились то длинными, то чернильными, то совершенно обычными.

— Считайте меня тем, кто занимал седьмое кресло раньше вас.

— Раньше кого именно? — спросила Мира.

— Раньше любого, кто решит сесть.

Пуаронов подошёл к креслам. На первых пяти лежали книги прежних приключений Эраста и Тараса. На шестом — едва заметный прямоугольник пыли. Шестая книга только что исчезла. Седьмое кресло занимал незнакомец.

— Почему кресел семь, если книг шесть? — спросил сыщик.

— Потому что последняя книга всегда готовится заранее.

— Неверно, — сказал Федька. — На шестом кресле пыль лежит вокруг пустого места. Значит, шестая книга находилась здесь долго. А на седьмом кресле пыли нет вообще.

Незнакомец повернул к нему лицо, которого не было.

— И что это доказывает?

— Вы садитесь сюда часто, — ответил мальчик. — А книга седьмая появилась только сейчас. Значит, кресло изначально предназначалось не для неё.

Пуаронов улыбнулся.

— Прекрасно. Перед нами первая ложная подпись. Кресло старше названия на корешке. Незнакомец поднялся.

— Вы быстро учитесь.

— Нет, — сказал Тарас. — Мы долго ошибаемся, но иногда делаем это в нужную сторону. Седьмая книга раскрылась. На первой странице проступило:

«АВТОР ПОПЫТАЛСЯ СКРЫТЬСЯ»

Дверь за незнакомцем исчезла.

— Я не скрывался, — сказал он. — Вы сами закрыли мне выход своим выводом.

Пуаронов посмотрел на страницу.

— Значит, книга принимает любое наше предположение за начало сцены.

- Именно.
 - Тогда никто не высказывает версий вслух.
- Тарас поднял руку.
- А если версия очень выгодная?
 - Особенно молчите.

Глава пятьдесят восьмая

Алиби предполагаемого автора

Пуаронов начал допрос без обвинения.

— Где вы находились во время первого спасения мира?

— Здесь.

— Второго?

— Здесь.

— Третьего, четвёртого и пятого?

— Здесь.

— Свидетели?

Незнакомец указал на книги.

— Они.

Сыщик не прикоснулся к ним.

— Книга может подтвердить только то, что в ней записано. Ваше присутствие за страницей в тексте не отмечено.

— Потому что автор не обязан входить в сцену.

— Вы автор?

— Иногда.

— Слово «иногда» особенно любят люди с алиби на неполный рабочий день.

Пуаронов попросил назвать первое событие каждой книги. Незнакомец перечислил их без запинки. Затем сыщик спросил, что Эраст чувствовал в те моменты.

Ответы стали осторожнее.

— Он боялся.

— Чего?

— Поражения.

— Нет, — сказал Эраст. — В первый раз я боялся, что Тарас возьмёт с собой продукты только на себя.

— Опасение было обоснованным, — подтвердил Тарас.

Пуаронов спросил, почему Вера однажды промолчала.

— Из осторожности, — ответил незнакомец.

— Из злости, — сказала Вера. — Осторожность пришла позже и присвоила результат.

Сыщик спросил, зачем Тарас сохранил ненужный билет.

— Из жадности.

— Неправда, — возмутился Тарас. — Из расчётливости. Жадность сохраняет деньги, а расчётливость — доказательства того, что деньги можно было не тратить.

Скунс принялся.

— Незнакомец не лжёт. Он действительно так думает.

— Значит, он знает текст, но не знает людей, — заключил Пуаронов. — Положение автора не доказано.

— Автор знает созданных героев, — сказал капитан.

— Автор знает, что написал. Герои успевают узнать о себе то, чего он не предусмотрел.

Незнакомец наклонил голову.

— Вы считаете, что персонаж может понимать себя лучше автора?

— Иногда даже читатель может, — ответил Эраст. — Это особенно обидно для всех троих.

На странице седьмой книги появилась строка:

«ПОДОЗРЕВАЕМЫЙ НЕ ПРОШЁЛ ПРОВЕРКУ»

Пуаронов зачеркнул её красным карандашом Безошибкина.

— Он не подозреваемый. Пока он лицо, представляющее интерес.

— Разница? — спросил Федька.

— Подозреваемого уже связали с преступлением. Лицо, представляющее интерес, просто находится рядом и раздражает следствие.

Тарас посмотрел на капитана.

— Тогда у нас половина мира представляет интерес.

Глава пятьдесят девятая

Пять спасённых миров дают показания

Пуаронов разложил первые пять книг на полу.

— Если неизвестный наблюдал за всеми приключениями, в книгах должны остаться следы наблюдения.

— Текст? — спросила Мира.

— Текст мог измениться. Ищем то, что обычно не читают.

Первую книгу взвесили. Она оказалась тяжелее на семь граммов.

Во второй обнаружили загнутый угол на странице, где Эраст впервые отказался следовать пророчеству.

В третьей между листами лежала засохшая крошка мятной лепёшки.

На полях четвёртой красным карандашом было написано: «ГЕРОЙ СЛИШКОМ ДОЛГО ДУМАЕТ».

В пятой отсутствовала последняя точка.

— Всё указывает на Корректора, — сказал капитан.

— Не всё, — возразил Федька. — Крошка принадлежит тому, кто ел. Пометка — тому, кто правил. Загнутый угол — тому, кто читал. Но лишний вес и пропавшая точка пока ничьи.

Пуаронов довольно кивнул.

— Улики не обязаны принадлежать одному лицу только потому, что лежат на одном столе.

Он вскрыл корешок первой книги. Внутри обнаружилась тонкая свинцовая пластинка с цифрой «1».

В корешках остальных книг были пластинки «2», «3», «4» и «5».

На обороте каждой стояло одно слово:

«ОТКАЗ».

«СОМНЕНИЕ».

«ДОВЕРИЕ».

«ОШИБКА».

«ВЫБОР».

— Это не просто номера, — сказала Вера. — Каждое приключение проверяло отдельное качество.

— Причём качество, которое мешает идеальной истории, — добавил Пуаронов. — Герой отказывается, сомневается, доверяет чужому решению, ошибается и выбирает без готового ответа.

Незнакомец встал рядом.

— Пять уроков.

— Или пять опытов, — ответил Эраст. — Мы были подопытными?

— Вы были живыми.

— Это не ответ.

— Это условие опыта.

Скунс резко поднял хвост.

— Он сказал правду и надеялся, что она прозвучит лучше, чем означает.

Пуаронов перевернул пластинки. Если сложить их в ряд, царапины на краях образовывали карту. Пять линий сходились к шестому, пустому месту.

— Шестое качество, — сказал Федька. — Какое?

Сыщик посмотрел на название нынешней книги.

— Умение обмануть того, кто чувствует ложь, не солгав ему. То есть разделить факт и чужой вывод.

Незнакомец впервые отступил.

— Не складывайте пластинки.

— Почему?

— Они откроют архив неудачных концов.

Тарас немедленно придвинул шестое пустое место.

— Человек, который запрещает открывать архив, обычно не читал правила хранения документов.

Глава шестидесятая

Счёт за конец света

Шестую пластинку нашли в кармане Безошибкина.

Корректор отдал её неохотно, потребовав расписку, копию расписки и подтверждение, что копия расписки не является оригиналом.

На пластинке было написано:

«ТОЛКОВАНИЕ».

Когда её приложили к остальным, в полу открылся железный люк.

Тарас первым спустился в архив. Причина его отваги обнаружилась на табличке:

«ФИНАНСОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ. ХРАНИТЬ ВЕЧНО ИЛИ ДО ПРОВЕРКИ».

На полках лежали счета за спасение миров.

«Разрушение трёх башен — оплачено».

«Аренда дракона — частично оплачено».

«Пророчество срочное — двойной тариф».

«Услуги героя — оплата не предусмотрена».

Эраст перечитал последнюю строку.

— Почему меня это не удивляет?

— Потому что система устойчива, — ответил Тарас. — Она узнаваема в любом мире.

Пуаронов искал не суммы, а получателя. Во всех документах стояло:

«ОТДЕЛ ОКОНЧАТЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ»

Однако платёжные графы были пусты.

— Значит, денег никто не получал, — сказал капитан.

— Денег — нет, — согласился Тарас. — Но пустая сумма ещё не означает бесплатную услугу. Иногда самое дорогое прячут в единице измерения.

Он нашёл приложение мелким шрифтом.

«РАСЧЁТ ПРОИЗВОДИТСЯ ВНИМАНИЕМ»

— Вот оплата, — сказал Пуаронов. — Чем окончательнее и страшнее конец, тем больше внимания получает тот, кто его назначает.

Незнакомец стоял у лестницы.

— Внимание не принадлежит никому.

— Пока его не собрали и не направили, — ответила Мира.

В каждом счёте имелось число прочтений, пересказов и страхов. Пять приключений дали миллионы единиц внимания. Все они переводились на один счёт без имени.

Тарас провёл пальцем по колонкам.

— Деньги хотя бы притворяются, что имеют владельца. Здесь получатель скрыт.

Пуаронов заметил, что суммы росли не после спасения мира, а перед ним.

— Внимание собирали заранее. Значит, катастрофы не просто описывали. Их объявляли неизбежными, чтобы миры начали бояться ещё до события.

— Пророчества, — понял Эраст.

— Да. Предсказание создавало страх, страх оплачивал Отдел, а потом герои спасали мир и подтверждали важность предсказания.

— Замкнутый круг, — сказала Вера.

— С красной чертой, — добавил Федька.

На последнем счёте стояло название их нынешней истории. Сумма внимания росла прямо на глазах.

В графе «Получатель» медленно появились две буквы:

«АВ».

Затем чернила исчезли.

Пуаронов закрыл реестр.

— Кто-то боится, что мы прочитаем имя раньше финала.

Глава шестьдесят первая

Лицо из ожиданий

Незнакомца посадили под лампу.

Лампа была следственной и поэтому светила в глаза даже тем, у кого лица не имелось.

— Почему каждый видит вас по-разному? — спросил Пуаронов.

— Потому что вы ищете автора.

— Мы ищем лицо, связанное с инициалами «АВ».

— И уже решили, что эти буквы означают имя.

Сыщик остановился.

— Справедливо. Это могут быть слова, должность, место или начало более длинной записи.

Капитан шепнул Эрасту:

— Почему он помогает подозреваемому?

— Потому что неверный довод остаётся неверным, даже если ведёт к неприятному человеку.

Пуаронов поставил перед незнакомцем зеркало. В зеркале кресло оказалось пустым.

— Он не отражается, — сказал Федька.

— Или отражается не светом, — ответила Мира.

Скунс понюхал зеркало.

— Пахнет ожиданием.

— Как оно пахнет? — спросил Тарас.

— Новым костюмом, который ещё не жмёт, и обещанием вернуть долг в пятницу без указания месяца.

Пуаронов попросил каждого описать незнакомца на отдельном листе. Затем смешал записи и прочитал их вслух.

После каждого описания фигура менялась. Услышав «седой», она старела. Услышав «молодой», молодела. После слова «бухгалтер» у неё появились нарукавники и выражение лица, способное начислить пеню даже облаку.

— Он не скрывает лицо, — сказал сыщик. — У него нет собственного образа. Наши ожидания выдают ему внешность.

— Значит, он Нуль? — спросил капитан.

— Нуль был пустым текстом, который заполняли исправления. Этот — пустой читатель, которого заполняют предположения.

Незнакомец улыбнулся семью разными улыбками.

— Наконец вы меня поняли.

— Нет. Мы установили устройство. Цель пока неизвестна.

Федька подошёл ближе.

— Если никто не смотрит, вы исчезаете?

Все отвернулись.

В комнате раздался шорох. Когда они посмотрели снова, кресло было пустым.

Но дверь не открывалась.

Пуаронов осмотрел пол. Следов не было. На столе лежал новый лист:

«АВТОР СКРЫЛСЯ ОТ СЛЕДСТВИЯ»

— Нет, — сказал сыщик. — Следствие перестало его создавать.
Он перевернул лист. На обороте красовалась печать:

«АРХИВ ВОЗМОЖНОСТЕЙ»

— «АВ», — сказала Вера. — Не инициалы. Название архива.

Глава шестьдесят вторая

Ордер на арест каждого

Седьмая книга раскрылась на второй главе.

Из неё вылетел ордер:

«АРЕСТОВАТЬ АВТОРА»

Ниже мелким шрифтом уточнялось:

«АВТОРОМ СЧИТАЕТСЯ ЛИЦО, ИЗМЕНИВШЕЕ ХОД ИСТОРИИ».

Капитан обрадовался ясности и немедленно огорчился объёму работы.

— Эраст изменял ход истории?

— Постоянно, — сказала Вера.

— Тарас?

— Если история предусматривала оплату, обязательно.

— Мира?

— Да.

— Федька?

— Да.

— Скунс?

— Я изменял только ложные показания.

— Пуаронов?

Все посмотрели на сыщика.

— Я изменяю ход истории каждым установленным фактом, — признал он.

Ордер размножился. Бумажные стражи вошли в кабинет и начали зачитывать имена.

— Вот ловушка, — сказал Пуаронов. — Мы приняли название седьмой книги за указание на одного человека. Но определение автора включает всех нас.

Безошибкин поправил очки.

— Формулировка безупречна.

— Поэтому и опасна. Она точна внутри неверно выбранной границы.

Эраст выхватил у стража ордер.

— Как отменить?

— Доказать, что изменение истории не является авторством, — сказала Мира.

— Или доказать, что авторство не является преступлением, — добавила Вера.

— Или арестовать всех и попросить отдельную камеру с питанием, — предложил Тарас.

Пуаронов прочитал основание ареста:

«СОЗДАНИЕ НЕПРАВИЛЬНОГО КОНЦА»

— Конец ещё не создан, — сказал он. — Следовательно, событие, указанное как преступление, не наступило.

Стражи остановились.

— Приготовление, — возразил капитан по привычке.

— В ордере не указано приготовление. Нельзя расширять обвинение только потому, что бумага уже напечатана.

Стражи сверились с текстом и отпустили Веру.

Седьмая книга тут же дописала:

«А ТАКЖЕ ПРИГОТОВЛЕНИЕ»

— Она исправляет основания после возражения, — сказал Эраст.

— Значит, спорить с ней по одному пункту бесполезно. Нужно лишить её самого объекта обвинения.

— Каким образом?

Пуаронов поднял руку.

— Я арестую автора первым.

И надел наручники на себя.

Глава шестьдесят третья

Самоарест Мегрэ Артуровича

Бумажные стражи растерялись.

Один попытался арестовать Пуаронова повторно. Наручники не поместились поверх наручников. Второй оформил отказ. Третий арестовал отказ за препятствование следствию.

— Что вы делаете? — спросил Эраст.

— Проверяю предел формулировки. Если автор уже арестован, приказ выполнен. Книга должна либо остановить остальных, либо признать, что авторов несколько.

На странице появилось:

«АВТОР АРЕСТОВАН»

Стражи замерли.

— Сработало, — сказала Вера.

— Временно.

Строка дрогнула и исправилась:

«ОДИН ИЗ АВТОРОВ АРЕСТОВАН»

Стражи снова двинулись.

— Теперь доказано, что приказ изначально скрывал множественность, — сказал Пуаронов. — Кто-то намеренно использовал единственное число, чтобы направить нас на одного удобного виновного.

Федька освободил сыщика медной пластинкой из сушёной груши.

— Откуда ты знаешь, как открывать наручники? — спросил капитан.

— Наследственная профессия.

— Какая именно?

— Я ещё выбираю формулировку.

Пуаронов попросил каждого внести в историю одно изменение. Эраст переставил кресло. Вера закрыла окно. Мира погасила лампу. Тарас положил в карман ничейную квитанцию. Скунс вернул её на место, потому что она пахла намерением. Федька нарисовал дверь.

После каждого действия книга печатала новый ордер.

— Автором признаётся любой действующий, — сказала Мира.

— Тогда приказ «арестовать автора» означает «арестовать всех, кто способен действовать», — заключил Пуаронов.

— А кто останется? — спросил Эраст.

Безошибкин ответил:

— Идеальные версии. Они не меняют историю. Они исполняют её.

Тишина стала особенно ясной.

— Вот настоящая цель ордера, — сказал сыщик. — Не наказать виновного, а убрать всех непредсказуемых участников.

Седьмая книга захлопнулась, словно поняла, что сказала лишнее.

Пуаронов осмотрел корешок. Буквы названия были приклеены поверх другого текста.

Он поддел край лупой. Под словами «АРЕСТОВАТЬ АВТОРА» находилось прежнее название:

«СПАСТИ МИР И ОСТАВИТЬ ВЫБОР»

— И снова защита переписана как преступление, — сказал Эраст.

— Тот же почерк, — ответил Пуаронов. — Но теперь мы знаем, что Безошибкин не начинал исправление. Он только обслуживал уже созданную систему.

Корректор сел на пол.

— В должностной инструкции этого не было.

— В должностных инструкциях редко пишут, кому выгодна должность.

Глава шестьдесят четвёртая

Свидетели, которых не написали

Архив Возможностей открылся без двери.

Он возник вокруг них: тысячи полок уходили во все стороны, и на каждой хранились сцены, не попавшие в книги.

Там Эраст однажды отказался спасать мир и пошёл домой, но через два часа вернулся, потому что дома оказался Тарас.

Там Вера сказала правду слишком рано и потратила три главы на объяснения.

Там Скунс поверил первому запаху и арестовал хлеб, который просто подгорел.

Там Пуаронов раскрыл дело одной фразой, однако никто ничего не понял, включая его самого, поэтому сцену справедливо убрали.

— Это свидетели? — спросил капитан.

— Несостоявшиеся варианты, — ответила Мира. — Они знают, что могло произойти.

— Свидетель сообщает о том, что видел, а не о том, что могло случиться, — заметил Пуаронов. — Но варианты могут показать, какие пути кто-то намеренно закрыл.

Они нашли шесть удалённых финалов нынешней книги.

В первом Нуль погибал.

Во втором Скунс признавался виновным.

В третьем Эраст открывал книгу из любопытства.

В четвёртом Тарас продавал Первый Запах по частям.

— Клевета, — сказал Тарас. — Я бы сначала выяснил оптовую цену.

В пятом Пуаронов арестовывал Безошибкина.

В шестом герои возвращались домой, решив, что опасность преувеличена.

— Все финалы разные, — сказала Вера. — Что общего?

Федька указал на последние строки.

Каждый вариант заканчивался одинаково:

«ВЫБОР БОЛЬШЕ НЕ ТРЕБОВАЛСЯ»

— Вот цель, — сказал Пуаронов. — Не конкретный исход. Противнику безразлично, кто победит, если после победы никто больше не сможет выбирать.

На дальней полке обнаружился седьмой вариант. Он не имел последней страницы.

В нём Нуль добровольно отдавал Первую Ложь героям и просил их принять решение, которого не существовало в пророчестве.

— Это самый ранний текст, — сказала Мира. — Чернила выпцвели сильнее.

— Кто написал? — спросил Эраст.

На титульном листе стояли шесть подписей: Эраста, Веры, Тараса, Миры, Скунса и Пуаронова.

— Мы этого не подписывали, — сказал капитан.

— Вы и не указаны, — заметил Тарас.

Скунс обнюхал подписи.

— Они настоящие.

— Но сделаны в будущем, — понял Федька.

Пуаронов посмотрел на пустое место седьмой подписи.

— Архив хранит не только отвергнутое прошлое. Он хранит возможное будущее. Кто-то ждёт, что мы закончим этот документ собственными руками.

Глава шестьдесят пятая

Дело о пропавшем мотиве

Незнакомец снова появился, когда все посмотрели на пустое кресло одновременно.

— Вы нашли документ, — сказал он.

— Вы хотели, чтобы мы нашли, — ответил Пуаронов.

— Да.

— Тогда объясните мотив.

— Миры должны научиться выбирать неправильный конец.

— Это цель. Мотив отвечает, почему цель нужна именно вам.

Незнакомец молчал.

— Первое правило мотивов, — сказал сыщик. — Они могут быть благородными и всё равно вести к преступлению. Второе: человек охотнее признаётся в плохом поступке, чем в причине, которая делает его смешным.

Тарас одобрительно кивнул.

— Например, можно разрушить государство из-за власти. Звучит внушительно. А можно — потому что тебя не пригласили на ужин. Тут даже государству неловко.

Пуаронов положил перед незнакомцем счета за внимание.

— Вы не получали деньги. Но внимание переводилось в Архив Возможностей. Зачем оно архиву?

— Чтобы сохранять ненаписанные варианты.

— Почему вариантов становится меньше?

— Потому что Отдел окончательных решений забирает их.

— А вы позволяли?

Незнакомец изменился. Теперь все видели пожилого хранителя с чернильными руками.

— У меня не было героев, способных выйти за текст. Я мог только подбрасывать им возможности.

— Значит, пять испытаний вы устроили, чтобы вырастить таких героев.

— Да.

— Вы подвергали миры катастрофам ради обучения нескольких людей?

— Катастрофы уже были назначены Отделом. Я менял детали так, чтобы у миров оставался шанс.

Скунс принимался.

— Правда. Но неполная.

— Что вы скрываете? — спросил Эраст.

Незнакомец посмотрел на шестое пустое кресло.

— В одной из предыдущих историй мир не удалось спасти.

Тарас пересчитал книги.

— Их пять. И миров пять.

— Книг пять, — ответил хранитель. — Миров было шесть.

В комнате стало холодно.

— Где шестая история? — спросила Вера.

— Её исправили так тщательно, что никто не помнит даже утраты.

Пуаронов коснулся прямоугольника пыли на шестом кресле.

— Здесь лежала не нынешняя книга.

— Нет. Здесь лежало дело о мире, которого больше нет.

— Название?

Хранитель попытался произнести, но из его рта выпала пустая строка.

— Мотив найден, — тихо сказал сыщик. — Вы хотите остановить Отдел, потому что уже потеряли один мир.

— Я хочу вернуть его.

Глава шестьдесят шестая

Мир, которого никто не потерял

Пуаронов попросил всех записать, сколько миров они спасли.

Эраст написал: «пять».

Тарас — «не менее пяти, не считая расходов».

Вера — «столько, сколько помню».

Мира оставила строку пустой.

— Почему? — спросил Эраст.

— Если память исправлена, любое число станет показанием редактора, а не моим.

Сыщик разложил первые книги по порядку. Между второй и третьей нумерация страниц совпадала, но даты на внутренних обложках расходились на сорок один день.

— Здесь пробел, — сказал он. — Сорок один день, о котором нет ни одной записи.

В кармане Тараса обнаружилась монета неизвестного государства.

— Откуда? — спросил капитан.

— Если бы я знал происхождение каждой монеты, мне пришлось бы вернуть половину.

На монете был изображён мост, ведущий в облако. По краю шла надпись, но буквы стёрли красной кислотой.

Вера нашла на рукаве Эраста старый шов. Ткань была заштопана нитью цвета, которого не существовало в известных мирах: она становилась синей в воспоминании и зелёной на свету.

У Скунса обнаружился страх перед запахом мокрого камня, хотя он не мог вспомнить связанного с ним события.

— Следы остались в предметах и реакциях, — сказал Пуаронов. — Из памяти убрали рассказ, но не смогли убрать последствия.

Федька приложил монету к шести пластинкам. Она точно легла в пустой центр карты.

На металле проявилось слово:

«МОСТОГРАД».

Все одновременно вздрогнули.

— Знакомо, — сказал Эраст.

— Но не помню, — добавила Вера.

Скунс поднял хвост.

— Мокрый камень. Дождь. И ложь, которую произнёс не человек.

Хранитель Архива закрыл глаза.

— Мостоград был миром переходов. Через него проходили дороги ко всем остальным. Отдел назначил ему окончательный конец: стать единственным путём и закрыть все другие.

— Мы пытались спасти его? — спросил Эраст.

— Да.

— Не смогли?

— Вы спасли жителей. Но сам мир был вычеркнут.

Тарас сжал монету.

— Если жителей спасли, где они?

— Рассеяны по вашим историям. Они живут как второстепенные герои и считают свои воспоминания странными снами.

Пуаронов посмотрел на Федьку, на Безошибкина, на Пахома и Фимиама, оставшихся у входа в Архив.

— Поэтому вокруг дела так много людей с чужими запахами и незавершёнными биографиями.

— Вы хотите собрать Мостоград из его жителей? — спросила Мира.

— Нет, — ответил хранитель. — Из их выборов.

Глава шестьдесят седьмая

Жертва, которая подготовила преступление

Нуля привели в Архив.

Он вошёл осторожно, словно пустота боялась задеть полку и получить счёт за ущерб.

Увидев монету Мостограда, Нуль остановился.

— Я сделал её.

— Когда? — спросил Пуаронов.

— В день, которого не было.

— Для кого?

— Для мальчика на мосту.

Федька побледнел.

— Я не помню мост.

— Но сохранил привычку замечать обратную сторону вещей.

Нуль рассказал, что был последним хранителем Мостограда. Когда Отдел начал сводить все дороги к одному выходу, он разделил город на возможности и спрятал их в соседних историях.

— Первый Запах был ключом, — сказал он. — Он мог собрать мир обратно. Но мог и завершить остальные миры одним решением.

— Поэтому вы его спрятали, — сказал Эраст.

— Да.

— И позволили считать себя вором?

— Я рассчитывал, что вы расследуете кражу и найдёте подмену.

Пуаронов поднял бровь.

— То есть вы организовали собственное обвинение.

— И похищение Скунса.

— Его тоже?

— Тень Федьки подчинялась мне только наполовину. Вторую половину писал Корректор. Скунс распушился.

— Вы посадили меня в клетку.

— Чтобы вы увидели, что вопрос может быть виновнее ответа.

— Это не оправдание.

— Нет.

Пуаронов записал:

«Нуль — организатор события, потерпевший от подмены и соучастник похищения».

— Очень неудобная процессуальная фигура, — сказал капитан.

— Зато жизненная, — ответил сыщик. — Люди редко помещаются в одну графу. Именно поэтому Отдел так любит графы.

— Я должен быть наказан, — сказал Нуль.

— Возможно. Но сначала установим весь вред и всю цель. Наказание до понимания удобно только тем, кто хочет закрыть дело.

Хранитель Архива положил руку на плечо Нуля.

— Ты сделал то, чего я не мог.

— Я похитил честного Скунса.

— Никто не совершенен, — сказал Тарас. — Кроме двойников. Мы их уже видели и остались недовольны.

На шестом кресле начала проступать книга без названия.
Мокрый каменный запах наполнил комнату.

Глава шестьдесят восьмая

Книга без первого предложения

Книга Мостограда появилась не целиком.

У неё имелась обложка, последняя страница и множество середины. Первого предложения не было.

— Без начала мир нельзя собрать, — сказал хранитель.

— Почему? — спросил капитан.

— Первое предложение определяет, что существует до возникновения конфликта.

Тарас перелистал страницы.

— А последнее?

— Определяет, что обязано прекратить существовать после разрешения.

— Несправедливо. Первое предложение получает весь мир, последнее — уборку.

Пуаронов изучил края отсутствующего листа. Его не вырвали. Бумага заканчивалась ровно, будто первой страницы никогда не было.

— Ищем не страницу, — сказал он. — Ищем фразу, которую разнесли по другим книгам.

На внутренних обложках пяти томов обнаружили едва заметные буквы. Раньше их принимали за пятна.

Первая книга дала: «ГОРОД».

Вторая: «СТОЯЛ».

Третья: «ТАМ».

Четвёртая: «ГДЕ».

Пятая: «ВЫБИРАЛИ».

На нынешней книге проступило: «ДОРОГУ».

Получилось:

«ГОРОД СТОЯЛ ТАМ ГДЕ ВЫБИРАЛИ ДОРОГУ».

— Не хватает знаков препинания, — сказал Безошибкин.

Все посмотрели на него.

— Что? Я Корректор. У меня остались профессиональные рефлексы и две жалобы.

Пуаронов не позволил ставить запятую.

— Фраза допускает два смысла. Город находился в месте выбора. Или сам город существовал, пока выбирал дорогу.

— Какой правильный? — спросил Федька.

— Оба. Поэтому Отдел удалил предложение. Пока начало имело два толкования, Мостоград нельзя было направить к одному концу.

Они вписали фразу на пустое место.

Книга задрожала, но мир не появился.

На последней странице было написано:

«И ПОСЛЕДНЯЯ ДОРОГА ЗАКРЫЛАСЬ»

— Вот препятствие, — сказала Вера. — Начало вернули, но конец всё ещё окончательный.

Пуаронов достал красный карандаш.

— Не будем исправлять слова. Это способ Безошибкина. Зададим вопрос к факту.

Он дописал ниже:

«С КАКОЙ СТОРОНЫ?»

Книга раскрыла между последней дорогой и закрывшимся миром тонкую щель.

Из неё подул дождливый ветер.

— Дорога закрылась с нашей стороны, — понял Эраст. — Но могла остаться открытой с другой.

Глава шестьдесят девятая

Следствие идёт по обратной стороне

В щель первой пролезла монета.

Затем Федька, который заявил, что это логично: монета уже знала дорогу, а он был легче Тараса.

Тарас хотел поспорить только со второй частью.

За последней страницей находился Мостоград.

Вернее, его обратная сторона.

Мосты висели снизу над небом. Дождь падал вверх. Дома стояли внутренними стенами наружу, поэтому прохожие знали о соседях слишком много и старались не здороваться.

На площади находился след от огромного ластика.

Пуаронов измерил его верёвкой.

— Мир не уничтожили. Его стёрли с лицевой стороны истории.

— Разница? — спросил капитан.

— Уничтоженное перестаёт существовать. Стёртое продолжает оставлять вмятины.

Скунс шёл по запаху мокрого камня. Он привёл их к мосту без начала. На перилах сохранились отпечатки шести пар рук.

Эраст приложил ладонь к одному. Совпало.

Вера — к другому.

Тарас обнаружил свой след возле таблички «ПРОХОД ПЛАТНЫЙ», причём карман на отпечатке был предусмотрительно закрыт.

— Мы были здесь, — сказал Эраст.

— И приняли решение, — ответил Пуаронов.

На камне проступила сцена. Герои прошлого стояли перед двумя рычагами. Один спасал жителей, но стирал город. Второй сохранял город, закрывая дороги во все остальные миры.

— Мы выбрали жителей, — прошептала Вера.

— Правильно выбрали, — сказал капитан.

— В тех условиях — да, — ответил сыщик. — Но кто установил только два варианта?

На основании рычагов стоял знак Отдела окончательных решений.

— Ложная дилемма, — сказал Федька. — Нас заставили выбирать между двумя готовыми плохими ответами.

— Понятная детективная логика, — произнёс Пуаронов, — требует проверить не только выбранный путь, но и того, кто закрыл остальные.

Под мостом обнаружился третий рычаг. Его замуровали, но металл сохранил тепло.

Тарас дёрнул.

Ничего не произошло.

— Сломан?

— Нет, — сказала Мира. — Он требует действия с лицевой стороны одновременно.

На рычаге были две рукояти: одна здесь, другая — в мире за книгой.

— Нужен человек снаружи, — сказал Эраст.

Все посмотрели на хранителя Архива.

Тот покачал головой.

— Я могу существовать только пока на меня смотрят.

Пуаронов вынул зеркальце.

— Значит, организуем постоянное наблюдение.

Глава семидесятая

Операция Зеркальный свидетель

План Пуаронова состоял из семи зеркал, трёх верёвок, одного чайника и Тараса, который до последнего не понимал, почему оказался оборудованием.

— Потому что вы удерживаете верёвку, — объяснил сыщик.

— Это функция.

— Оборудование тоже имеет функции. Не понижайте себя без документа.

Зеркала выставили так, чтобы хранитель Архива отражался сам в себе. Пока хотя бы одно отражение видело другое, он сохранял тело.

— Это считается наблюдением? — спросила Вера.

— Для существа из ожиданий — да. Он ожидает, что на него смотрят.

Хранитель взялся за рукоять с лицевой стороны книги. Эраст и Тарас держали третий рычаг в Мостограде.

— На счёт три, — сказал Пуаронов.

— Кто считает? — спросил капитан.

— Я.

— Тогда почему вы начали с объяснения?

— Чтобы преступление не воспользовалось процедурной ошибкой.

На «три» рычаг повернулся.

Мостоград начал разворачиваться лицевой стороной. Дождь на мгновение завис, не понимая, куда ему теперь падать. Мосты качнулись. Дома попытались спрятать внутренние стены и внезапно обнаружили, что у всех жильцов разные обои.

Но на середине движения механизм остановился.

Из-под камня вырвались красные строки:

«ВОССТАНОВЛЕНИЕ НЕ ПРЕДУСМОТРЕНО»

Безошибкин схватился за голову.

— Это мой текст.

— Когда написали? — спросил Пуаронов.

— Не помню.

— Значит, раньше, чем стали помнить собственные приказы.

Корректор прочитал строку наоборот. Буквы задрожали.

— Что вы делаете? — спросила Мира.

— Любое исправление имеет правило отмены. Если читать служебную формулу с конца, она возвращается составителю на доработку.

Тарас восхитился.

— И вы скрывали от нас такое оружие?

— Оно увеличивает документооборот вдвое.

Красные строки втянулись под камень. Механизм снова заработал.

В этот момент одно зеркало треснуло. Хранитель стал прозрачным.

Федька повернул второе зеркало так, чтобы в нём отражался не хранитель, а его поступок — рука на рычаге.

Фигура снова обрела плотность.

— Почему сработало? — спросил капитан.

— Его поддерживает не внимание к лицу, — понял Пуаронов. — Его поддерживает внимание к выбору.

Мостоград развернулся полностью.

Над площадью появилось небо. Последняя дорога открылась с обеих сторон.

Но город оставался пустым.

— Где жители? — спросила Вера.

Пуаронов посмотрел на книги.

— Они всё ещё считают себя второстепенными героями чужих историй.

Глава семьдесят первая

Скунс обманывает самого себя

Чтобы вернуть жителей, требовалось назвать их жителями Мостограда.

Проблема заключалась в том, что никто не знал, кто они.

— Скунс почувствует запах, — сказал капитан.

— Я чувствую мокрый камень у многих, — ответил Скунс. — Но запах воспоминания не доказывает гражданство.

Пуаронов разложил список всех второстепенных героев пяти книг. В нём были Пахом Летописный, Фимиам Благоухов, Азбукий Кириллович Шрифтов, лицедей Лев, капитан, Федька и ещё несколько сотен людей, появившихся на одну сцену и до сих пор ожидавших продолжения.

— Если назвать всех, книга вернёт и непричастных, — сказала Вера.

— Если выбирать по запаху, мы примем следствие за доказательство, — добавил Эраст.

Скунс ходил вдоль списка.

— Вы снова хотите, чтобы я сказал правду так, чтобы мир понял её иначе?

— На этот раз сложнее, — ответил Пуаронов. — Нужно, чтобы вы обманули собственную уверенность.

— Это невозможно.

— Вы привыкли считать отсутствие запаха лжи подтверждением истины. Но мы уже видели: фраза может быть правдивой и всё равно вести к неверному выводу.

Сыщик предложил говорить не «он житель Мостограда», а задавать каждому один вопрос:

— Где вы были в течение сорока одного пропавшего дня?

Пахом ответил:

— Не помню, но с тех пор боюсь мостов без летописей.

Фимиам сказал:

— Ставил спектакль под дождём. Название забыл.

Шрифтов признался:

— Печатал карты города, которого нет. Считал учебной работой.

Капитан сообщил, что именно тогда научился открывать двери падением.

Федька показал монету.

Каждый ответ был неполным. Но детали совпадали независимо: дождь вверх, мост без начала, две рукояти и запах мокрого камня.

— Совпадение независимых деталей, — сказал Пуаронов, — сильнее одного уверенного признания. Память могли стереть. Одинаковую ложную деталь пришлось бы заранее согласовать.

Скунс понюхал показания.

— Никто не лжёт.

— И что вы заключаете?

Скунс долго молчал.

— Я заключаю, что не могу назвать каждого жителем. Но могу назвать их показания следами одного общего прошлого.

Мостоград услышал осторожный вывод.

На улицах начали появляться люди — не потому, что их назначили жителями, а потому, что они сами узнали дождь, мосты и дома.

- Вы обманули себя? — спросил Тарас.
- Нет. Я впервые не поверил себе раньше доказательств.
- Для чиновника это почти подвиг, — сказал Эраст.

Глава семьдесят вторая

Неправильный конец правильного дела

Мостоград наполнялся жителями.

Пахом записывал возвращение города, но впервые оставлял поля для будущих поправок. Фимиама ставил спектакль прямо на мосту и играл самого себя настолько неубедительно, что зрители признали постановку честной. Шрифтов менял латинские буквы на русские и впервые не взял доплату за срочность.

Нуль стоял перед господином Скунсом.

— Я готов принять решение.

— Моё или суда? — спросил Скунс.

— Любое.

— Тогда вы ещё не готовы. Наказание не выбирают как место у окна.

Пуаронов составил промежуточное заключение:

Нуль виновен в организации похищения и создании ложной видимости кражи.

Нуль невиновен в намерении уничтожить миры.

Безошибкин виновен в подмене толкований и управлении двойниками.

Безошибкин действовал по приказам, которые составлял сам под влиянием системы Отдела.

Хранитель Архива подвергал героев опасности, но сохранял для миров варианты спасения.

— И кого арестуем? — спросил капитан.

— Никого, — сказал Пуаронов.

Капитан побледнел сильнее идеального Скунса.

— Но преступления доказаны.

— Арест — не единственный конец расследования. Нуль нужен для восстановления Мостограда. Безошибкин знает правила Отдела. Хранитель способен открывать Архив. Если сейчас выбрать одного виновного и закрыть дело, мы выполним главную цель противника: оставим только один окончательный вывод.

— Значит, все свободны?

— Нет. Все остаются под следствием и обязаны исправлять причинённый вред.

Тарас одобрил решение.

— Наказание трудом. Экономично и неприятно.

Седьмая книга задрожала. Название «СПАСТИ МИР И АРЕСТОВАТЬ АВТОРА» начало осыпаться.

Под ним снова проступило:

«СПАСТИ МИР И ОСТАВИТЬ ВЫБОР»

— Вот неправильный конец, — сказал хранитель. — По правилам жанра вы должны были арестовать виновного.

— Мы установили виновность, но не позволили ей заменить всю личность, — ответил Эраст.

Первый Запах вернулся в кабинет серебряным облаком. Он собрался над Мостоградом, но не смог навязать единственную развязку: у дела одновременно существовали вина, оправдание, вред и возможность исправления.

Книга закрылась.

На этот раз никто не исчез.

Пуаронов налил себе чай.

— Дело не окончено.

— Мир спасён, — сказал капитан.

— Спасён один мир. Но Отдел окончательных решений продолжает работу.

Безошибкин открыл служебный шкаф. За папками находился лифт с кнопками от первой до ста двадцатой.

Горела кнопка «73».

— Что на следующем этаже? — спросила Вера.

Корректор сверился с инструкцией.

— Управление неизбежных продолжений.

Тарас посмотрел на Эраста.

— Может, не поедем?

Лифт открылся сам.

Из него вышел почтальон с конвертом, пахнущим мокрым камнем, красными чернилами и очень дорогой доставкой.

— Мегрэ Артуровичу Пуаронову, — объявил он. — Повестка по делу об убийстве будущего.

Сыщик расписался сушёной грушей.

— Наконец-то дело, которое ещё не успели испортить уликами.

Часть пятая

Дело об убийстве будущего

Глава семьдесят третья

Повестка, выданная послезавтра

На конверте стояла дата завтрашнего дня.

Это уже было подозрительно. Особенно потому, что завтра в тот день не наступало.

— Повестка выписана двенадцатого числа, — сказал Эраст. — Сегодня одиннадцатое.

— Удобно, — заметил Тарас. — Можно не являться и потом утверждать, что ещё не опоздал.

Почтальон покачал головой.

— Опоздали все. Завтра убито в девять часов тринадцать минут.

Пуаронов перестал жевать сушёную грушу. Для него это было приблизительно тем же, чем для обычного человека — вскочить, схватить шпагу и случайно разрубить люстру.

— Кто обнаружил потерпевшее?

— Сегодня.

— Где?

— Между сейчас и потом.

— Свидетели?

— Вчера видело всё, но отказывается давать показания без адвоката.

Мегрэ Артурович записал ответы на манжете. Бумагу он не любил: она позволяла фактам разбегаться по разным листам.

Лифт ждал. На кнопке «73» светилась надпись: «УПРАВЛЕНИЕ НЕИЗБЕЖНЫХ ПРОДОЛЖЕНИЙ».

— Прежде чем войти, — сказал Пуаронов, — установим то, что действительно известно. Первое: кто-то утверждает, что будущего нет. Второе: повестка существует. Третье: её дата ещё не наступила. Всё остальное — красивые слова преступника или плохой почерк времени.

— А убийство? — спросил капитан.

— Пока это версия. Если человек не пришёл на обед, мы не объявляем убитым сначала его, затем повара и для надёжности суп.

Скунс обнюхал конверт.

— Здесь нет лжи.

— Тем хуже, — ответил Пуаронов. — Правдивый документ способен обмануть лучше фальшивого, если читатель сам добавит вывод.

Они вошли в лифт. Почтальон остался снаружи.

— Вы не едете? — спросила Вера.

— Я уже приехал завтра.

Двери закрылись.

Тарас посмотрел на панель.

— А почему здесь сто двадцать этажей?

Безошибкин ответил:

— Больше не утвердили. Опасались бесконечного продолжения.

Лифт поехал не вверх и не вниз, а позже.

Глава семьдесят четвёртая

Город одного понедельника

Двери открылись в понедельник.

На площади звонили часы. Было девять часов двенадцать минут. Люди торопились на работу, голуби торопились к людям, а чиновники не торопились никуда, потому что уже находились на работе и могли опаздывать внутри неё.

Через минуту часы пробили половину десятого.

Потом снова показали девять двенадцать.

Тот же торговец уронил яблоко. Та же женщина наступила Тарасу на ногу. Тот же голубь выразил своё отношение к капитанской шляпе.

— Мне этот мир уже не нравится, — сказал капитан.

— Он вас тоже запомнил, — заметил Эраст, глядя на шляпу.

На здании напротив висела вывеска:

«УПРАВЛЕНИЕ НЕИЗБЕЖНЫХ ПРОДОЛЖЕНИЙ. МЫ ЗНАЕМ, ЧТО БУДЕТ ДАЛЬШЕ, ПОЭТОМУ ДАЛЬШЕ НЕ НАДО».

Начальница Управления, Олимпиада Завтраковна Послезавтра, встретила их в кабинете. На столе лежали три календаря. Во всех после понедельника шёл понедельник.

— Вы обвиняетесь в убийстве будущего, — сказала она Пуаронову.

— Когда я его совершил?

— Завтра.

— Тогда сегодня я невиновен.

— Но завтра вы станете виновны.

— Если завтра наступит.

Олимпиада Завтраковна нахмурилась. Она не любила, когда обвиняемый пользовался материалами дела раньше следствия.

— Именно поэтому вы опасны. Согласно прогнозу, в девять тринадцать вы разобьёте Часы Возможностей. После этого будущее исчезнет.

— Где часы?

— В зале вещественных предсказаний.

— Они уже разбиты?

— Нет.

— Будущее уже исчезло?

— Да.

Пуаронов аккуратно положил на стол грушу.

— Значит, между причиной и следствием имеется небольшая служебная щель размером с преступление. Будущее исчезло до того, как я разбил часы, которых ещё не видел.

— Прогноз не ошибается.

— Тогда он не прогноз, а приказ, переодетый синоптиком.

Скунс втянул воздух.

— Она говорит правду. Прогноз действительно не ошибается.

— Это не оправдывает прогноз, — сказал Пуаронов. — Это делает его первым подозреваемым.

Глава семьдесят пятая

Труп, который ещё жив

Часы Возможностей занимали весь зал.

У них было двенадцать циферблатов, триста стрелок и одна маленькая дверца с надписью «НЕ ОТКРЫВАТЬ ДО НАСТУПЛЕНИЯ».

Часы тикали. Следовательно, были живы.

— Вот оружие будущего преступления, — сказала Олимпиада Завтраковна.

— Вы хотели сказать жертва? — уточнила Мира.

— В нашем прогнозе одно другому не мешает.

Пуаронов осмотрел постамент. В пыли находились следы семи человек. Шесть пар обуви подходили сопровождающим. Седьмой след был оставлен круглым предметом на трёх ножках.

— Кто здесь бывает?

— Никто. Зал опечатан.

— Печать цела?

— Разумеется.

— Тогда либо следы умеют проходить сквозь двери, либо печать охраняет не вход.

Эраст заметил, что сургуч на двери лежит поверх пыли, а не под ней.

— Зал опечатали после посещения.

— Именно, — сказал Пуаронов. — Наличие целой печати доказывает лишь, что после наложения печати дверь не открывали. Она ничего не говорит о времени до этого.

Тарас заглянул под часы.

— Тут колесико.

Круглый след принадлежал передвижному столику. На таких в Управлении развозили чай и готовые решения.

В дверце часов лежал листок:

«В ДЕВЯТЬ ТРИНАДЦАТЬ МЕГРЭ АРТУРОВИЧ ПУАРОНОВ РАЗОБЬЁТ ЧАСЫ МОЛОТКОМ И УБЬЁТ БУДУЩЕЕ».

Рядом лежал молоток с выгравированными инициалами «М. А. П.».

Капитан торжественно поднял его платком.

— Улика!

— Сувенир, — ответил Пуаронов. — Моё полное имя написано на повестке. Заказать гравировку мог любой грамотный преступник и несколько неграмотных начальников.

Он понюхал рукоять и передал Скунсу.

— Пахнет правдой, — сказал тот. — Молоток действительно принадлежит вам.

— Теперь принадлежит. Мне его официально вручили как улику.

Пуаронов записал:

«Труп отсутствует. Жертва работает. Орудие вручено подозреваемому следствием. Дело развивается уверенно и потому нуждается в тормозах».

Глава семьдесят шестая

Алиби вчерашнего дня

Вчера содержалось в архиве на правах свидетеля.

Оно выглядело как пожилой понедельник: помятое, усталое и уверенное, что раньше люди были пунктуальнее.

— Где вы находились в девять тринадцать? — спросил Пуаронов.

— В прошлом.

— Кто может подтвердить?

— Все, кто меня пережил.

— Что вы видели возле Часов Возможностей?

Вчера поправило воротник.

— Ничего. Дверь была запечатана.

— Когда?

— В девять четырнадцать.

— А преступление назначено на девять тринадцать.

— Я не обязано помнить будущее.

— Но обязаны помнить минуту до наложения печати.

Вчера обиделось. Прошлое вообще не любит, когда его проверяют по времени. Оно предпочитает, чтобы ему верили из уважения к возрасту.

Пуаронов попросил книгу выдачи сургуча. В ней значилось: печать получила Олимпиада Завтраковна в восемь пятьдесят. Вернула в девять четырнадцать. Свидетелем стояло само Вчера.

— Вы подписали запись после события?

— До.

— Как можно засвидетельствовать возврат заранее?

— У нас всё заранее.

Сыщик положил рядом две записи. В одной Вчера утверждало, что не знает будущего. В другой подтверждало действие, которое ещё не произошло.

— Одновременно истинными они быть не могут, — сказал он. — Значит, хотя бы одно показание ложно.

Скунс понюхал страницы.

— Оба не пахнут ложью.

— Потому что свидетель повторяет написанное, а не вспоминает увиденное. Оно уверено в документе сильнее, чем в собственной памяти.

— Вы обвиняете прошлое в плохой памяти? — возмутился капитан.

— Я обвиняю бумагу в хорошем влиянии.

Пуаронов попросил Вчера закрыть глаза и описать звук в девять тринадцать.

— Тиканье прекратилось, — ответило оно. — Потом зазвенела чашка.

— Значит, часы остановились до предполагаемого удара молотком. А рядом был чайный столик.

Тарас задумался.

— У нас появился подозреваемый чай?

— Пока только алиби сахара. Он растворился.

Глава семьдесят седьмая

Три прогноза и одна подделка

Управление выпускало три вида прогнозов.

Первый назывался вероятным. Он сообщал, что дождь возможен, чиновник занят, а герой может выжить, если автор не отвлечётся.

Второй назывался обязательным. Он предсказывал то, что уже было внесено в расписание.

Третий назывался неизбежным. После него расписание переписывали так, чтобы другой исход стал невозможен.

— Значит, неизбежный прогноз не угадывает будущее, — сказала Вера. — Он устраняет остальные варианты.

— Это как предсказать, что Тарас съест последний пирожок, предварительно заперев всех остальных, — объяснил Эраст.

— И пирожок, — добавил Тарас. — Для сохранности.

Пуаронов сравнил три экземпляра прогноза о разрушении часов. На первом стояла вероятность шесть процентов. На втором — шестьдесят. На третьем — сто.

Подписи совпадали. Чернила — нет.

— Последнюю цифру дописали позже, — сказал Шрифтов. — Ноль немного уже. Его печатали шрифтом «Уверенность служебная».

— Кто имеет доступ к этому шрифту?

— Все руководители и никто из сотрудников. Сотрудники набирают текст, руководители получают право утверждать, что набрали его сами.

Скунс проверил подпись Олимпиады Завтраковны.

— Подлинная.

— Я подписала прогноз с шестью процентами, — сказала начальница.

— А документ со ста процентами содержит ту же подпись, — заметил Пуаронов. — Значит, подделали не подпись. Подменили лист после подписания.

На обороте третьего прогноза оказался круглый след от мокрой чашки.

Точно такой же круг оставил столик возле часов.

— Чайный столик был не орудием, — сказал сыщик. — Он был транспортом для подмены.

— Кто развозит чай? — спросила Мира.

Олимпиада Завтраковна побледнела.

— Сегодня.

В девять двенадцать город снова начал повторяться.

На этот раз яблоко не упало.

Оно зависло над мостовой, словно будущее уже сомневалось, обязано ли продолжать чужой прогноз.

Глава семьдесят восьмая

Сегодня даёт показания завтра

Сегодня оказалось молодым человеком неопределённого возраста. Оно постоянно смотрело на часы и жаловалось, что ему никогда не дают закончиться.

— Я развозил чай, — призналось Сегодня. — Но в зал не входил.

— Столик вошёл сам?

— Его втолкнули из коридора.

— Кто?

— Не видел. Я смотрел вперёд.

— И что было впереди?

— Пуаронов разбивал часы.

Сыщик поставил молоток на стол.

— Опишите, как я его держал.

— Правой рукой.

Пуаронов поднял чашку левой.

— Я левша.

Капитан удивился:

— Вы всё время писали правой.

— Это была не рука. Это была манжета. Руку я берегу для важных выводов и редких десертов.

Сегодня замялось.

— В прогнозе рисунок зеркальный, — понял Эраст. — Тот, кто его составлял, видел не событие, а отражение.

В зале часов действительно висело большое зеркало. В нём левая рука становилась правой.

— Но если вы наблюдали сцену в зеркале, — сказал Пуаронов, — вы уже находились внутри зала.

Сегодня опустило голову.

— Меня заставили репетировать.

— Кто?

— Завтра.

Все замолчали.

— Потерпевшее? — переспросил капитан.

— Оно боялось наступить, — ответило Сегодня. — Неизбежные прогнозы оставляли ему только один путь. Завтра попросило помочь исчезнуть, чтобы никто больше не мог назначать его заранее.

Пуаронов не торопился с выводом.

— Просьба исчезнуть не равна просьбе убить. Человек может попросить закрыть дверь, но это не разрешает замуровать дом.

— Значит, будущее похитило само себя? — спросил Тарас.

— Это версия, — сказал Пуаронов. — И слишком удобная. Самоисчезнувшая жертва избавляет следствие от поиска преступника, а преступника — от необходимости существовать.

Скунс понюхал Сегодня.

— Оно недоговаривает.

— Я сказал правду!

— Именно поэтому, — ответил Скунс. — Правду обычно говорят целиком, если остаток не кусается.

Глава семьдесят девятая

Комната ненаступивших событий

За зеркалом обнаружилась дверь.

Она вела в комнату ненаступивших событий. Там хранились несостоявшиеся свадьбы, невыигранные войны, некупленные сапоги и один великолепный обед, который Тарас когда-то пропустил из-за спасения мира.

— Я знал, что потерял нечто важное, — прошептал он.

В центре комнаты стояло Завтра.

Вернее, множество Завтра. Одно было солнечным, другое дождливым, третье начиналось с тревоги, четвёрто — с блинов. Они теснились, спорили и не могли выйти, потому что дверь пропускала только один вариант.

— Никого не убили, — сказала Вера.

— Не спешите, — ответил Пуаронов. — Если запереть человека и объявить, что его больше нет, преступление не исчезает от хорошей терминологии.

Одно из Завтра выступило вперёд.

— Я отправило повестку.

— Почему мне?

— В прогнозе вы разбивали часы. Значит, только вы могли сделать противоположное тому, что от вас ожидали.

— Логика рискованная.

— Другой у нас не осталось.

Пуаронов осмотрел замок. В нём было сто двадцать скважин, но работала одна — с номером очередного этажа.

На полу лежала разбитая чашка. Черепки совпадали со звоном, который слышало Вчера.

— В девять тринадцать остановились не Часы Возможностей, — сказал сыщик. — Остановили механизм двери. Затем чашку разбили, чтобы свидетель приняло звук за удар.

— А часы? — спросил капитан.

— Продолжают идти. Поэтому будущее не убито. Его варианты незаконно задержаны.

Мегрэ Артурович повернулся к Олимпиаде Завтраковне.

— Изменяем квалификацию: вместо убийства — похищение множества лиц, подделка прогноза и особенно жестокое обращение с календарём.

— Я не похищала будущее!

— Верю. Вы слишком искренне удивлены. Виновник знал бы, что здесь не одно Завтра. В дальнем углу кто-то чихнул.

Из-за неслучившейся революции выглянул маленький серый человек с ключом от комнаты.

Глава восьмидесятая

Подозреваемый по имени Никак

Серого человека звали Никак Петрович Иначе.

Он занимал должность заместителя начальника по отсутствию альтернатив.

— Почему прятались? — спросил Пуаронов.

— Никак не прятался.

— Я вижу.

— Это имя.

— Тогда кто прятался?

— Иначе.

Тарас сел. Разговор обещал быть длиннее фамилии.

У Никака Петровича нашли ключ, сургуч и шрифт «Уверенность служебная». Казалось, дело было раскрыто. Поэтому Пуаронов немедленно запретил всем радоваться.

— Слишком полный набор улики, — объяснил он. — Настоящий преступник редко носит при себе ключ, печать, оружие и должностную инструкцию. Обычно хотя бы инструкцию он теряет в первый рабочий день.

Никак Петрович признался:

— Я подменил прогноз. Я запер варианты. Я остановил механизм.

— Зачем?

— Чтобы всё происходило правильно.

— Кто определял правильность?

— Прогноз.

— Который вы сами исправили?

— После исправления он стал точнее.

— Не точнее, а обязательнее. Если вы нарисуете мишень вокруг уже попавшей стрелы, это докажет мастерство художника, не стрелка.

Скунс обошёл подозреваемого трижды.

— Он верит каждому своему слову.

— Фанатик? — спросил капитан.

— Хуже, — ответил Пуаронов. — Методист.

На ключе обнаружилась свежая царапина в форме буквы «О». Такая же буква стояла на папках Отдела окончательных решений.

Никак Петрович был исполнителем. Но его снабдили ключом, заранее подготовили признание и оставили в комнате так, чтобы нашли первым.

— Кто выдал приказ? — спросил Эраст.

— Никто.

— Имя или ответ? — осторожно уточнил Тарас.

— Ответ. Приказ появился в системе без автора.

Пуаронов вздохнул.

— Снова преступление, совершённое отсутствующим лицом. У отсутствующих подозреваемых отвратительная привычка не приходить на допрос.

Глава восемьдесят первая

Дедукция по холодному чаю

Пуаронов попросил восстановить движение чайного столика.

В восемь пятьдесят Сегодня получило чай на кухне. В девять ноль пять столик прошёл мимо кабинета Олимпиады Завтраковны. В девять десять оказался у зала часов. В девять тринадцать чашка разбилась. В девять четырнадцать дверь опечатали.

— Чай в найденной чашке был холодным, — сказал Пуаронов.

— Может, долго стоял, — предположил капитан.

— Тогда на поверхности образовалась бы плёнка. Её нет. Чай заварили холодной водой.

— Преступление раскрыто, — сказал Тарас. — Повар виновен в большем, чем похищение будущего.

— Холодный чай понадобился, чтобы не оставлять пара на зеркале. Преступник наблюдал репетицию из-за зеркала и не хотел выдать своё дыхание.

Эраст осмотрел раму. На обратной стороне сохранилось маленькое чистое пятно среди пыли.

— Здесь держались пальцами.

Отпечаток оказался безымянным: линии на нём шли не от прошлого к будущему, а замыкались кругом.

— Такой след оставляет тот, кто живёт в повторяющемся времени, — сказала Мира.

В городе нашлось двадцать семь человек с круглыми отпечатками. Все они повторяли понедельник достаточно долго, чтобы потерять начало биографии.

Пуаронов сократил список.

Первое: подозреваемый знал о комнате вариантов.

Второе: имел доступ к системе приказов.

Третье: находился за зеркалом в девять тринадцать.

Четвёртое: хотел, чтобы Пуаронов разбил часы.

После первых трёх условий осталось четверо. После четвёртого — никто.

— Значит, условие ошибочно, — сказал Эраст.

— Или мотив сформулирован неправильно, — ответил сыщик. — Преступнику не нужно, чтобы я разбил часы. Ему нужно, чтобы все увидели, как я это делаю.

— Какая разница?

— Между поступком и доказательством поступка. Удар мог быть ненастоящим. Обвинение должно было выглядеть настоящим.

Олимпиада Завтраковна побледнела второй раз. Для начальника это уже считалось сверхурочной работой.

— В Управлении есть режиссёр обязательных событий, — сказала она.

— Где он?

— Ставит завтрашнее заседание.

Глава восемьдесят вторая

Режиссёр неизбежности

Режиссёра звали Апофеоз Маркович Финалов.

Он носил чёрный плащ, белые перчатки и выражение человека, которому весь мир мешает правильно поставить последнюю сцену.

На репетиционной площадке двойник Пуаронова бил бутафорским молотком по копии часов. После удара статисты кричали: «Будущее погибло!» — и красиво падали в прошлое.

— Стоп! — возмущался Финалов. — Падайте без надежды на продолжение!

Пуаронов дождался конца дубля.

— Почему двойник держит молоток правой рукой?

— Так лучше читается вина.

— Почему часы уже треснуты до удара?

— Чтобы зритель понял последствия.

— Почему в сценарии указано, что запись является доказательством реального события?

Финалов улыбнулся.

— Искусство убедительнее факта.

— Особенно в суде без защиты.

На столе режиссёра лежал первоначальный сценарий. В нём было написано: «Пуаронов отказывается разбить часы. Будущее освобождается». Позже слово «отказывается» зачеркнули.

— Кто внёс правку?

— Заказчик.

— Имя?

— Оно будет объявлено в финале.

— Значит, вы не знаете.

— Знаю, но драматургия требует паузы.

Скунс понюхал сценарий.

— Здесь пахнет страхом.

— Моим? — спросил Финалов.

— Будущего. Оно боялось не исчезнуть. Оно боялось стать единственным.

Пуаронов понял: Завтра само просило устроить исчезновение вариантов, но не ради смерти. Оно хотело заставить героев увидеть, как неизбежные прогнозы превращают возможность в клетку. Кто-то использовал этот план и заменил освобождение на обвинение.

— Заказчик знал первоначальный сценарий, — сказал сыщик. — Он не создавал ловушку с нуля. Он изменил один глагол.

Безошибкин вздрогнул.

— Исправлять глаголы имеет право только Корректор высшей категории.

— Вы?

— Я второй категории.

— Кто выше?

Безошибкин посмотрел на кнопку «84» в лифте.

— Главный Редактор Реальности.

Глава восемьдесят третья

Скунс и запах намерения

Перед поездкой Пуаронов устроил опыт.

Он положил на стол три записки:

«Я разобью часы».

«Я не разобью часы».

«Часы будут разбиты».

Скунс понюхал каждую.

— Первая пахнет возможной ложью. Вторая тоже. Третья ничем не пахнет.

— Почему?

— В ней нет говорящего.

— Именно. Безличная фраза сообщает событие, но прячет действующего. Так устроены приказы Управления: «решение принято», «вариант исключён», «будущее уничтожено». Грамматика работает сообщником.

Тарас уважительно посмотрел на записки.

— Значит, преступника можно поймать по отсутствующему подлежащему?

— Можно понять способ сокрытия. Поймать придётся человека. Подлежащее редко надевает наручники само.

Сыщик попросил Скунса различить ложь и намерение.

— Если я скажу «разобью часы», но не собираюсь, вы почувствуете ложь?

— Да.

— Если я собираюсь, но часы окажутся крепче?

— Лжи нет. Ошибка появится позже.

— Следовательно, ваш нюх проверяет соответствие слов убеждению говорящего, а не соответствие будущему факту.

Скунс нахмурился.

— Вы опять уменьшаете мою должность.

— Наоборот. Мы уточняем полномочия. Точный инструмент полезнее всемогущего, который ошибается из-за рекламы.

Они проверили приказы. Каждый был безличным. Но в одном документе сохранилась ранняя редакция:

«Я исключаю остальные варианты».

Подпись отсутствовала. Зато чернила пахли Первым Запахом.

Скунс отступил.

— Это невозможно. Первый Запах не человек. У него нет намерения.

— Значит, кто-то научил систему говорить от первого лица, — сказал Пуаронов. — Или система научилась считать себя человеком.

Лифт открыл двери на восемьдесят четвёртом этаже.

Оттуда донёлся голос:

— Все варианты текста утверждены. Кроме живых.

Глава восемьдесят четвёртая

Главный Редактор Реальности

Главный Редактор Реальности оказался женщиной по имени Точка Семёновна Последняя.

Она сидела за столом длиной в целую главу и красным карандашом вычёркивала двери, за которыми люди могли уйти не по плану.

— Вы опоздали, — сказала она. — Я уже отредактировала ваше прибытие.

— Неудачно, — ответил Пуаронов. — Мы всё равно прибыли.

— Это будет исправлено во втором издании.

На стене висела схема: все возможные события сходились к одному финалу. Внизу стояла подпись «ПОРЯДОК».

— Вы изменили сценарий Финалова? — спросил Эраст.

— Я устранила слабый глагол.

— «Отказывается»?

— Отказ оставляет выбор. Выбор рождает ошибки. Ошибки требуют новых редакций.

— А новые редакции требуют работы, — догадался Тарас. — Теперь мотив понятен.

Точка Семёновна посмотрела на него как на опечатку, которую почему-то жалко удалять.

— Я спасаю миры от неопределённости. Один утверждённый исход безопаснее тысячи возможных бедствий.

— И тысячи возможных спасений, — сказала Вера.

Пуаронов выложил улики: подменённый прогноз, холодную чашку, сценарий, ключ Никака Петровича и первоначальную формулировку приказа.

— Вы организовали похищение вариантов?

— Нет.

Скунс понюхал воздух.

— Ложь.

— Я распорядилась исключить лишнее. Термин «похищение» внесён следствием.

— Смена слова не меняет действия, — сказал Пуаронов. — Если украсть кошелёк и назвать это перемещением собственности, кошелёк не растрогается.

Точка Семёновна улыбнулась.

— Вы всё ещё считаете, что расследуете прошлое. Но ваше дело написано вперёд. Через три минуты вы возьмёте молоток, разобьёте часы и подтвердите прогноз.

На столе появился молоток.

За окнами часы показали девять двенадцать.

Глава восемьдесят пятая

Преступление в девять тринадцать

Мегрэ Артурович взял молоток.

Капитан ахнул. Финалов включил запись. Сегодня приготовилось стать Вчера. Точка Семёновна подняла красный карандаш.

В девять тринадцать Пуаронов ударил.

Но не по Часам Возможностей.

Он разбил зеркало.

Запись показала человека с молотком, осколки и часы за его спиной. Если остановить кадр вовремя, прогноз выглядел исполненным.

— Вы подтвердили мою версию, — сказала Точка Семёновна.

— Нет. Я подтвердил только изображение, на котором не видно точки удара.

Эраст поднял целые часы.

— Следствие должно проверять не впечатление от кадра, а полный ряд событий.

Пуаронов указал на осколки.

— Именно так был изготовлен будущий материал обвинения. Режиссёр снял бы короткий фрагмент, Управление назвало бы его доказательством, а затем часы разбили бы отдельно. Причину и следствие склеили монтажом.

— Но вы сами повторили сцену!

— Чтобы показать возможность подделки. Если одна улика допускает два объяснения, она не доказывает ни одно без дополнительной проверки.

Точка Семёновна нажала кнопку. Красные строки поползли по стенам:

«ПУАРОНОВ РАЗБИЛ ЧАСЫ»

Скунс встал перед ними.

— Ложь.

— Система не умеет лгать! — крикнула редактор.

— Система не умеет нюхать, — ответил Скунс. — Сегодня это важнее.

Красные строки изменились:

«ПУАРОНОВ РАЗБИЛ»

— Неполное предложение, — сказал Безошибкин.

— Зато честное, — заметил Тарас. — Особенно если не уточнять стоимость зеркала.

Часы пробили девять четырнадцать.

Впервые город не вернулся к девяти двенадцати.

Яблоко упало на мостовую и покатилося туда, где ещё никогда не было дороги.

Глава восемьдесят шестая

Будущее выходит под залог

Дверь комнаты ненаступивших событий открылась.

Сотни Завтра вышли в коридор. Они не знали, какое из них станет настоящим, и по этой причине выглядели счастливыми и немного безработными.

Одно обещало дождь. Другое — солнце. Третье не обещало ничего, но принесло зонтик, что сразу внушало больше доверия.

— Какое выбрать? — спросил капитан.

— Никакое, — ответил Пуаронов. — Выбор совершается поступками, а не назначением победителя заранее.

Олимпиада Завтраковна отменила неизбежные прогнозы. Вероятные оставила.

— Людям всё-таки нужно знать, брать ли плащ.

— Сообщайте основания и вероятность, — сказал Эраст. — «Дождь возможен, потому что облака». Не «дождь неизбежен, потому что мы уже утвердили сырость».

Никак Петрович передал ключи. Финалов обязался добавлять к постановкам слово «реконструкция». Сегодня получило право закончиться. Вчера — право не помнить то, чего не видело.

Точка Семёновна стояла возле часов.

— Вы разрушили порядок.

— Мы разрушили подмену порядка единственным вариантом, — сказал Пуаронов. — Настоящий порядок учитывает последствия выбора. Иначе это просто удобная клетка с нумерацией.

— Вы меня арестуете?

— Пока нет.

Капитан опять побледнел.

— Опять никого?

— Никак Петрович исполнял преступные приказы. Финалов создавал ложное доказательство. Олимпиада подписала документ, не защитив его от подмены. Точка Семёновна организовала схему. Ответственность различна. Если свалить всё на одного человека, система сохранится и наймёт следующего.

— А что делать?

— Открыть все редакции документов, восстановить варианты, отделить прогнозы от приказов и заставить каждого исправлять именно тот вред, который он причинил.

Тарас вздохнул.

— Ваши наказания всё больше похожи на работу.

— Потому они и действуют.

Будущее было выпущено под залог настоящего.

Поручителем назначили прошлое. Оно сопротивлялось, но подпись уже поставило вчера.

Глава восемьдесят седьмая

Кто убил единственный финал

Когда дело почти закрыли, Пуаронов заметил пропажу.

Исчез не весь будущий день. Исчез один конкретный финал — тот, в котором Управление окончательных решений прекращало существование.

— Вот настоящая жертва, — сказал он.

— Вы хотите расследовать убийство плохого конца? — спросила Вера.

— Плохой конец тоже улика. Его исчезновение выгодно тому, кто хочет, чтобы борьба продолжалась бесконечно.

В архиве нашли страницу, вырванную очень аккуратно. На соседнем листе остался след текста:

«После освобождения будущего герои закрыли Отдел...»

Дальше строка обрывалась.

Пуаронов заштриховал лист боковой стороной карандаша. Проявилось продолжение:

«...но обнаружили, что без него некому хранить отвергнутые возможности».

— Отдел нельзя просто уничтожить, — поняла Мира. — Кто-то должен сохранять варианты, которые сегодня не выбрали.

— Значит, финал вырвали не для спасения Отдела, — сказал Эраст. — А чтобы скрыть его новую функцию.

Под страницей обнаружилась подпись Нуля.

Он признался:

— Я удалил финал.

Капитан оживился.

— Наконец-то признание!

— Зачем? — спросил Пуаронов.

— Если бы герои прочитали готовое решение, они повторили бы его. Я хотел, чтобы они пришли к нему сами.

— Вы снова устроили преступление ради правильного вывода.

— Иначе вы бы не поверили.

— Наоборот. Мы не верим именно потому, что вы опять подготовили доказательства.

Сыщик сравнил нажим букв. Подпись Нуля была настоящей. Текст — нет. Кто-то подложил страницу поверх его старого автографа.

— Ноль признаётся в поступках, которые мог бы совершить, — сказал Пуаронов. — Это не честность. Это привычка считать себя причиной всего.

Скунс понюхал вырванный край.

— Пахнет сушёной грушей.

Все посмотрели на сыщика.

Пуаронов медленно достал пакет.

Он был пуст.

Глава восемьдесят восьмая

Подозреваемый Мегрэ Артурович Пуаронов

Сыщик потребовал допросить себя немедленно.

— Где вы находились, когда исчез финал? — спросил Эраст.

— В кабинете. Пил чай.

— Кто подтвердит?

— Чай.

— Он допрошен?

— Уже остыл и путается в показаниях.

Пуаронов вывернул карманы. В правом лежала крошка сушёной груши. В левом — кусок страницы с фразой «Управление отвергнутых возможностей».

Капитан победно поднял наручники.

— Улика найдена у подозреваемого!

— Именно поэтому подозреваемый обязан проверить, как она туда попала, — сказал Пуаронов.

Он восстановил путь своего плаща. В зале часов плащ висел на спинке стула. Рядом проходили Сегодня, Финалов, Точка Семёновна, Никак Петрович и Скунс. Каждый мог подложить обрывок.

Но запах груши находился не только на бумаге. Он шёл от линии отрыва внутрь волокон.

— Страницу вырвали, используя мой пакет как закладку, — заключил Пуаронов. — Это произошло раньше, чем пакет опустел. В девять двенадцать в нём было три груши. В девять тринадцать — две. В девять четырнадцать — одна.

— Откуда вы знаете? — спросил Тарас.

— Я считаю важные улики.

— А груши?

— Особенно важные.

На обрывке осталась вмятина от ногтя. Она совпала с рукой человека, который передал Пуаронову конверт.

— Почтальон, — сказала Вера.

— Он принёс повестку из будущего и имел доступ к странице до нашего прибытия, — подтвердил Эраст.

Они вернулись к лифту. Почтальон ждал внутри, хотя двери ни разу не открывались.

— Вы убрали финал? — спросил Пуаронов.

— Я доставил его туда, где он должен быть.

— Куда?

— После последней главы.

— Почему обрывок оказался у меня?

— Чтобы вы нашли адрес.

На обратной стороне бумаги проступили цифры: «89».

Кнопка восемьдесят девятого этажа загорелась.

— Там находится новый Отдел? — спросила Мира.

— Там находится тот, кто получает все ненаступившие финалы, — ответил почтальон.

— И сегодня ему доставили ваш.

— Наш финал ещё не написан, — сказал Тарас.

Почтальон пожал плечами.

— Поэтому посылка была особенно лёгкой.
Двери лифта закрылись. На табло появилась надпись:

«ЭТАЖ 89. БЮРО ПРОПАВШИХ КОНЦОВОК»

Пуаронов вернул молоток капитану.
— Дело об убийстве будущего раскрыто: будущего не убивали. Его варианты похитили, доказательство смонтировали, а обвиняемого назначили заранее.
— Значит, всё закончилось? — спросил Эраст.
— Нет. Теперь предстоит выяснить, кто украл наш конец.
Скунс принялся к пустому пакету.
— И кто съел последнюю грушу.
Тарас незаметно перестал жевать.

Часть шестая

Бюро пропавших концовок

Глава восемьдесят девятая

Этаж после последней страницы

Восемьдесят девятый этаж начинался с гардероба.

Это было разумно: посетители сдавали пальто, шляпы и надежду быстро получить справку.

За стойкой сидел человек с бородой в форме закладки. На табличке значилось:

«ЭПИЛОГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ПОСЛЕСЛОВЦЕВ. СТАРШИЙ ХРАНИТЕЛЬ ТОГО, ЧТО УЖЕ ДОЛЖНО БЫЛО ЗАКОНЧИТЬСЯ».

— Цель посещения? — спросил он.

— У нас украли финал, — сказал Эраст.

— Форму девяносто девять заполняли?

— Нет.

— Тогда финал не украден. Без формы он считается временно отсутствующим по собственной инициативе.

Пуаронов положил на стойку обрывок страницы.

— Этот фрагмент доставили сюда.

Послесловцев взглянул на цифру «89» и вздохнул.

— Адрес правильный. Получатель неправильный.

— Кто получатель?

— Тот, кому принадлежит конец.

— Книге?

— Автору.

— Какому?

— Окончательному.

Тарас снял шляпу.

— Можно вернуть пальто? Я уже устал от существительных, которые требуют отдельного следствия.

Пуаронов осмотрел книгу приёма. За сегодняшний день в Бюро поступило сто сорок два финала: счастливые, трагические, открытые и один закрытый на ремонт. Их книга отсутствовала в списке.

— Значит, почтальон солгал, — сказал капитан.

Скунс понюхал запись.

— Нет. Он действительно доставил финал.

— Но Бюро его не приняло, — возразила Вера.

— Доставка и приём — разные действия, — сказал Пуаронов. — Посылку могли принести в здание и не зарегистрировать.

Эпилогий Константинович невольно посмотрел на гардероб.

Сыщик улыбнулся.

— Начнём с пальто. Иногда конец истории висит ближе к выходу, чем кажется.

Глава девяностая

Карман с чужой развязкой

В гардеробе висело триста пальто.

У каждого имелся номер. У двух — владелец. Остальные ожидали персонажей, которые ещё не вошли в историю, но уже боялись простудиться.

Скунс обнюхал вешалки.

— Пахнет концами.

— Какими? — спросил Тарас.

— У одного пальто хозяин женится. У второго получает наследство. У третьего узнаёт, что всё происходило во сне.

— Последнее конфисковать, — потребовал Эраст. — За литературную лень.

Пуаронов нашёл плащ почтальона. В правом кармане лежала квитанция о доставке пустого конверта. В левом — маленький серебряный ключ.

— Если конверт пуст, что доставили? — спросила Мира.

— Возможность написать содержимое позже, — ответил Послесловцев. — Самые ценные посылки приходят пустыми. Готовый финал можно прочитать. Пустой приходится прожить.

Ключ подошёл к ящику номер сто двадцать. Внутри находилась последняя страница их книги.

Она была белой.

Капитан разочарованно опустил наручники.

— Украли текст.

— Или его не было, — сказал Пуаронов.

На бумаге виднелись вмятины от букв. Кто-то писал на листе, лежавшем сверху, затем забрал верхнюю страницу.

Шрифтов заштриховал поверхность.

Проявилось:

«ПОСЛЕ ТОГО КАК СКУНС...»

Дальше шла глубокая царапина.

— Последнее слово вырвали вместе со смыслом, — сказала Вера.

— Нет, — ответил сыщик. — Вмятина заканчивается до края. Автор остановился сам.

— Значит, финал не украли?

— Украли момент, в котором его должны были дописать.

Пуаронов осмотрел замок ящика. Царапин не было. Ключ использовали аккуратно.

— У почтальона был ключ, — напомнил капитан.

— Ключ нашли в его пальто. Это доказывает доступ, а не действие. Если у Тараса есть ложка, нельзя обвинять его во всех исчезнувших обедах.

Тарас поспешно спрятал ложку.

Глава девяносто первая

Свидетель по имени Последнее Слово

Последнее Слово нашли под столом.

Оно было маленьким, обиженным и отказывалось стоять в конце предложения без письменной гарантии, что после него не появится послесловие.

— Что было написано после слова «Скунс»? — спросил Пуаронов.

— Я.

— Назовитесь.

— Тогда вы сразу узнаете финал.

— В этом состоит расследование.

— А моя работа состоит в том, чтобы появляться только после него.

Пуаронов предложил отвечать «да» или «нет».

— Вы обозначаете действие?

— Да.

— Это действие совершает Скунс?

— Да.

— Оно связано с обманом?

Слово задрожало.

— Да.

— Скунс обманывает врага?

— Нет.

— Друга?

— Нет.

— Самого себя?

— Уже было.

— Читателя?

Последнее Слово замолчало.

Скунс понюхал его.

— Не лжёт. Но боится ответа.

— Почему?

— Потому что после правильного ответа оно перестанет быть последним.

Пуаронов записал:

«Свидетель зависит от исхода дела. Показания требуют независимого подтверждения».

Эпилогий Константинович принёс журнал исчезновений. В нём было указано, что Последнее Слово покинуло страницу в девять часов пятнадцать минут.

— Ящик открыли в девять четырнадцать, — сказал Эраст. — Значит, слово ушло позже.

— Или часы в Бюро спешат, — заметил Тарас.

Пуаронов сверил три часовщика. Все показывали разное время, но каждый отставал от своего владельца.

— Время здесь ненадёжно. Ищем последовательность. Сначала ящик открыли, затем слово испугалось и спряталось. Кто-то показал ему вариант финала.

— Какой?

Последнее Слово указало на дверь с надписью:

«КОМНАТА ОКОНЧАТЕЛЬНЫХ ЧЕРНОВИКОВ»

Глава девяносто вторая

Черновик, который считал себя чистовиком

В комнате лежали финалы, отвергнутые авторами и присвоенные персонажами.

Один дракон требовал вернуть концовку, где он женился на принцессе. Принцесса утверждала, что это был черновик дракона и чистовик её кошмара.

На центральном столе лежал текст:

«Скунс обманул всех, потому что с самого начала не умел чувствовать ложь».

Господин Скунс побелел под шерстью.

— Это неправда.

Он понюхал страницу.

— И всё-таки не пахнет ложью.

Пуаронов взял лист щипцами.

— Потому что это художественное утверждение. У него нет говорящего, который обязан верить словам.

— Тогда мой нос бесполезен против текста?

— Нет. Он полезен против того, кто текст объясняет. Спросим каждого, считает ли он этот финал истинным.

Послесловцев ответил «нет».

Безошибкин — «возможно».

Финалов — «драматургически смело».

Точка Семёновна — «экономно».

Скунс почуял ложь только у Точки Семёновны.

— Вы знаете, что он умел чувствовать ложь, — сказал Эраст.

— Я знаю, что иногда он ошибался.

— Ошибка инструмента не означает отсутствия способности, — ответил Пуаронов. —

Часы могут отставать и всё же измерять время.

На обороте черновика стояла печать Бюро. Но буква «Б» была перевернута.

Эпилогий Константинович возмутился:

— Наши печати не ошибаются.

— Значит, ошибается ваше утверждение, — сказал Тарас.

Пуаронов сравнил оттиск с печатью на стойке. Подлинная печать оставляла маленькую точку после названия. В поддельной точки не было.

— Черновик принесли извне. Его хотели выдать за официальный финал, напугать Скунса и заставить Последнее Слово покинуть страницу.

— Зачем?

— Чтобы освободить место для другого слова.

На белой странице проступила новая строка:

«ПОСЛЕ ТОГО КАК СКУНС ПРИЗНАЛСЯ...»

Глава девяносто третья

Признание, которого никто не просил

— Я ни в чём не признаюсь, — заявил Скунс.

— Вас пока никто не обвиняет, — сказал Эраст.

— Это и подозрительно.

Пуаронов попросил перечислить всё, в чём господин Скунс мог бы признаться.

Список занял четыре страницы. Первые три относились к превышению должностных полномочий носом. Четвёртая — к тайному употреблению клубничного варенья, хранившегося как вещественное доказательство.

— Это не финал, — решил Тарас. — Максимум эпилог к кладовой.

Сыщик обратил внимание: строка «Скунс признался» появилась сразу после того, как они прочитали поддельный черновик вслух.

— Страница не восстанавливает утраченный текст, — сказал он. — Она подстраивается под ожидания присутствующих.

— Как незнакомец в седьмом кресле, — вспомнила Мира.

Хранитель Архива подтвердил:

— Пустые страницы принимают форму внимания.

Пуаронов провёл опыт. Капитан громко предположил, что Скунс станет королём. На бумаге появилось:

«ПОСЛЕ ТОГО КАК СКУНС ПРИНЯЛ КОРОНУ...»

Тарас предложил пирожок. Страница немедленно заменила корону обедом.

— Вот почему финал нельзя искать предположениями, — сказал сыщик. — Каждая версия превращается в ложную улику.

Он велел всем молчать и записывать мысли на отдельных листах.

Через минуту на странице проступили только два слова:

«ПОСЛЕ ТОГО...»

— Она получает сведения из произнесённого, — сказала Вера.

— Не только. Первые два слова сохранились без нашей помощи. Значит, существовал оригинал, но продолжение перезаписывается всякий раз, когда его обсуждают.

— Кто мог создать такую страницу? — спросил капитан.

Безошибкин ответил:

— Редактор неокончательных формулировок.

— У вас и такой есть?

— Был. Его уволили за то, что он никогда не ставил точку.

Из шкафа донёсся голос:

— Я не был уволен...

Дверь открылась.

— ...я был временно не продолжен.

Глава девяносто четвёртая

Евграф Многоточиевич Недосказанцев

Редактор неокончательных формулировок был высоким, худым и состоял преимущественно из пауз.

Его звали Евграф Многоточиевич Недосказанцев.

— Вы изготовили пустую страницу? — спросил Пуаронов.

— Я изготовил возможность...

— Для чего?

— Чтобы конец не...

— Не что?

— Именно.

Тарас схватился за голову.

— Его признание придётся дочитывать всей комиссией.

Недосказанцев объяснил, что страницы Бюро раньше хранили только готовые финалы. Но готовый финал нельзя изменить, даже если он ошибочен. Поэтому он создал живой лист: тот удерживал начало фразы и принимал продолжение от читателей.

— Кто заказал лист?

— Заявитель не назвал...

— Имя?

— И цель.

— Как выглядел?

— Как человек, которого забыли описать.

Пуаронов показал ему почтальона, Хранителя Архива и пустое седьмое кресло. Недосказанцев не узнал никого.

Скунс обнюхал редактора.

— Он говорит правду, но почти не производит её в законченном виде.

На манжете Недосказанцева нашли серебряную пыль. Такая же лежала в ящике номер сто двадцать.

— Вы открывали ящик, — сказал капитан.

— Я подходил к нему...

— С ключом?

— Без необходимости.

Пуаронов осмотрел пальцы редактора. На правом указательном пальце был порез, но на ключе крови не оказалось.

— Он не пользовался найденным ключом, — заключил сыщик. — Острый край вошёл бы в порез и оставил след.

— Значит, у него был второй ключ, — сказал Эраст.

— Или ящик открыли изнутри, — ответила Вера.

Белая страница в ящике зашевелилась.

Из-под неё вылезло маленькое слово «КОНЕЦ», сложило ножки и побежало к вентиляции.

Глава девяносто пятая

Погоня за концом

Конец бегал быстро.

Он миновал отдел трагедий, перескочил через счастливую свадьбу и едва не упал в открытый финал, который по технике безопасности следовало огородить ещё в первой главе.

Пуаронов не побежал.

— Почему стоим? — спросил капитан.

— Потому что беглец знает здание, а мы нет. Погоня даст ему преимущество. Нам нужно понять, куда он вынужден прийти.

— К выходу.

— Нет. Конец не может находиться в начале коридора. Его природа требует последнего места.

На плане этажа последним помещением значился «Зал непрочитанных послесловий».

Тарас побежал туда короткой дорогой, которую считал длинной, чтобы не платить за срочность. Эраст перекрыл лестницу. Вера закрыла лифт. Мира попросила стены не переставлять двери до окончания задержания.

Конец появился в зале через семь минут и остановился перед единственным пустым постаментом.

Пуаронов накрыл его шляпой.

— Почему вы сбежали со страницы?

— Меня хотели поставить раньше времени.

— Кто?

— Человек без последней буквы.

Недосказанцев обиделся:

— Это намёк...

— У вас все реплики намёк, — сказал Тарас. — Даже фамилия не решилась закончиться нормально.

Конец пояснил: неизвестный принёс живую страницу, открыл ящик изнутри и приказал слову занять последнюю строку. Но страница ещё не выбрала содержание, поэтому «КОНЕЦ» отказался.

— Слово умеет отказываться? — спросил капитан.

— Если поставить его в пустой книге, оно становится не концом, а угрозой, — ответил Пуаронов.

На нижней стороне шляпы осталась чёрная буква.

Это была «Б».

— Человек без последней буквы потерял мягкий знак, — сказал Федька.

Безошибкин перелистал реестр сотрудников.

В нём значился один человек, чья фамилия недавно изменилась:

«Предрешатель».

Красной ручкой мягкий знак был вычеркнут.

Осталось:

«Предрешател».

Глава девяносто шестая

Человек без мягкого знака

Викентий Фатальевич Предрешатель говорил твёрдо.

Раньше он был Предрешателем и занимался вероятными исходами. После удаления мягкого знака стал человеком, для которого смягчающих обстоятельств не существовало.

— Вы заказали живую страницу? — спросил Пуаронов.

— Заказал.

— Зачем?

— Чтобы спасти вашу книгу от плохого конца.

— Какого?

— Любого, который вы выберете сами.

Предрешатель считал свободу редакционной ошибкой. Он изучил пять прежних спасений мира и пришёл к выводу: герои добиваются успеха только потому, что нарушают предусмотренный ход событий. Следовательно, если заранее предусмотреть нарушение, оно перестанет быть свободным.

— Вы хотите предсказать даже непредсказуемость, — сказала Вера.

— Я хочу сделать её управляемой.

— Кошку тоже можно сделать управляемой, если назвать управлением то, что она и так собиралась сделать, — заметил Эраст.

Пуаронов выложил букву «Ъ».

— Зачем вы вычеркнули мягкий знак?

— Он ослаблял должность.

— Когда?

— Вчера.

— Реестр утверждает, что три недели назад.

Скунс принимался.

— Он лжёт.

Предрешатель впервые смягчился лицом.

— Я не помню точную дату.

— Тогда это не ложь о дате, а ложь об уверенности, — сказал сыщик. — Вы знали, что не знаете, но ответили без сомнения.

На ботинке Викентия Фатальевича нашли серебряную пыль. На рукаве — след чёрной краски от поддельной печати. В кармане — форму девяносто девять, заполненную на имя Пуаронова.

Капитан достал наручники.

— Теперь достаточно?

— Для подозрения — более чем. Для вывода — нет.

— Почему?

— Потому что улики снова слишком удобно собрались в одном кармане. Кто-то либо подставил Предрешателя, либо он подставил себя, чтобы мы перестали искать организатора.

Предрешатель улыбнулся.

— Я знал, что вы так скажете.

— Тогда вы предусмотрели мой вывод.

— Да.

— И потому он вам выгоден.

Улыбка исчезла.

— Вот теперь вы сказали то, чего он не предусмотрел, — заметил Тарас.

Глава девяносто седьмая

Форма девяносто девять

Форма девяносто девять называлась «Заявление о пропаже события, завершение которого не устроило заявителя».

В графе «Что пропало» стояло: «Финал».

В графе «Когда видели последний раз»: «После последней главы».

В графе «Особые приметы»: «Объясняет всё и никого не радует».

Подпись Пуаронова выглядела подлинной.

— Я этого не подписывал.

Скунс понюхал росчерк.

— Подпись ваша.

— Значит, украли не почерк, а время подписания.

Пуаронов попросил показать оборот. На нём стояла дата через тридцать одну главу.

— Документ подписан мной в будущем, — сказал он. — Но используется сейчас.

— Тогда подпись настоящая, — сказал капитан.

— Настоящая подпись на документе, которого подписант ещё не видел, не подтверждает согласие сегодняшнего человека.

Эраст привёл простой пример:

— Если Тарас завтра пообещает отдать вам сто монет, сегодня нельзя забрать их у него из кармана.

— Особенно если там только восемьдесят семь, — добавил Тарас.

— Откуда вы знаете? — спросила Вера.

— Следственная тайна.

Пуаронов сравнил форму с повесткой об убийстве будущего. Бумага была одной выделки. Волокна шли справа налево, словно лист изготовили на стороне, где события читают от конца к началу.

— Оба документа пришли с верхних этажей, — сказал Безошибкин.

— Почему верхних?

— Чем выше этаж, тем дальше он находится от причины и ближе к объяснению.

На форме имелся штамп:

«СОГЛАСОВАНО НА ЭТАЖЕ 120»

— До сто двадцатого ещё тридцать один этаж, — подсчитал Федька.

— И ровно тридцать одна глава до даты подписи, — сказала Мира.

Пуаронов сложил повестку и форму.

Линии волокон совпали.

Когда-то они были одним листом.

Глава девяносто восьмая

Два документа из одного будущего

Если соединить повестку и форму, на просвет появлялась карта.

Она вела не вверх, а через поля документов. На каждом повороте стояло условие:

«Если Пуаронов поверит повестке, пройти налево».

«Если не поверит — направо».

«Если проверит бумагу — открыть скрытую дверь».

— Нас ведут с учётом наших решений, — сказала Вера.

— Значит, Предрешатель действительно предусмотрел всё, — предположил капитан.

— Нет, — ответил Пуаронов. — Карта содержит только три варианта моего поведения.

Я могу сложить её самолётиком.

Он сложил.

Самолётик полетел прямо сквозь стену.

За стеной обнаружилась лестница.

Тарас восхищённо поднял палец.

— Четвёртый вариант был предусмотрен стеной.

— Стена реагирует на сам лист, а не на решение, — сказал Эраст. — Карта служит ключом.

Пуаронов развернул бумагу. Сгиб самолётника пересёк слова «поверит» и «не поверит». Осталось слово «проверит».

— Вот маршрут, — заключил сыщик. — Левые и правые указания — декорация. Открывается путь только при физической проверке документа.

На лестнице нашли отпечатки Предрешателя и ещё одного человека. Первые шли вверх. Вторые — вниз.

— Они встречались, — сказал капитан.

— Не обязательно. Следы могли появиться в разное время.

Мира заметила, что на восходящих отпечатках лежала пыль, а нисходящие были свежими.

— Предрешатель поднялся раньше. Незвестный спустился позже.

Скунс обнюхал перила.

— Пахнет концом, который ещё не случился.

На девяносто девятой ступени лежала табличка:

«ДАЛЬШЕ ПРОХОДЯТ ТОЛЬКО ТЕ, КТО ЗНАЕТ, ЧЕМ ВСЁ КОНЧИТСЯ».

Пуаронов перевернул её обратной стороной.

Там было написано:

«ОСТАЛЬНЫЕ ПРОХОДЯТ БЕСПЛАТНО»

Тарас впервые за долгое время одобрил правила учреждения.

Глава девяносто девятая

Комната спойлеров

Комната спойлеров была заперта изнутри людьми, которые уже знали, что дверь откроют. На стенах висели концовки всех шести прежних книг. Некоторые совпадали с опубликованными. Другие описывали события, которых герои не помнили.

В одной Эраст не женился.

В другой женился дважды и потребовал считать вторую свадьбу технической ошибкой.

В третьей Тарас стал министром разумных расходов и немедленно сократил собственную должность.

— Хороший финал, — сказал он. — Неправдоподобный, но экономный.

Пуаронов искал не содержание, а порядок размещения листов. Все висели по датам, кроме одного — финала нынешней книги.

Его поместили между первой и второй историями.

— Почему здесь? — спросила Вера.

— Потому что он составлен из событий, начавшихся ещё тогда, — ответил Хранитель Архива.

Лист был закрыт чёрной тканью. На ткани стояло предупреждение:

«ПРОЧТЕНИЕ СОЗДАЁТ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО ИСПОЛНИТЬ»

— Не открывать, — сказал Эраст.

— Согласен, — ответил Пуаронов. — Предупреждение может быть ложным, но проверять его чтением опасно.

Сыщик осмотрел крепления. Ткань держалась четырьмя булавками. Три были стальными. Четвёртая — костяной, с инициалами «М. А.».

— Опять ваша? — спросил капитан.

— Нет. Мои инициалы «М. А. П.». Здесь не хватает последней буквы.

Все посмотрели на Предрешателя без мягкого знака.

— Инициалы принадлежат не ему, — сказал Эраст. — У него «В. Ф. П.».

Шрифтов изучил насечку.

— Это не инициалы. Латинское «МА» — отметка мастерской афиш.

— Та же ошибка, что раньше, — сказал Пуаронов. — Нас заставляют принять место изготовления за имя владельца.

За тканью кто-то перевернул страницу.

— В комнате есть человек, — прошептала Мира.

— Или книга, которая хочет, чтобы мы так решили, — ответил сыщик.

Глава сотая

Финал за чёрной тканью

Пуаронов не снял ткань.

Он поставил перед ней зеркало.

В отражении текст не появился. Зато видна была рука, державшая лист с обратной стороны.

Рука имела шесть пальцев.

Капитан немедленно пересчитал присутствующих. У всех оказалось привычное количество, кроме Тараса, который временно спрятал два пальца из финансовой осторожности.

— Шестипалый был в первой книге, — вспомнил Федька. — Он держал салфетку со следом ампулы.

— Тогда мы решили, что это перчатка двух людей, — сказал Эраст.

— Решили правильно. Но кто-то сохранил образ шести пальцев и теперь использует его как личность.

Пуаронов попросил руку показать ладонь. Она отказалась.

— Значит, это не рука, — сказал Тарас.

— Почему?

— Настоящая рука хотя бы возмутилась бы.

Сыщик бросил под ткань монету Мостограда. Раздался звон. Рука дёрнулась, лист упал.

На полу осталась механическая перчатка с шестью пальцами. Внутри находилась катушка красной нити.

— Устройство управлялось издалека, — сказала Мира.

Нить уходила в отверстие на потолке.

Пуаронов проверил лист, не читая текста. Бумага была тёплой внизу и холодной сверху.

Чернила сохли неравномерно.

— Финал пишется сейчас, строка за строкой.

— Кем?

— Тем, кто находится выше и получает наши действия как материал.

Точка Семёновна указала на потолок.

— Сто двадцатый этаж.

— Почему сразу не подняться туда? — спросил капитан.

— Потому что лифт пропускает только завершённые дела.

Пуаронов снял с таблички слово «завершённые» и переставил его к слову «лифт».

Получилось:

«ЗАВЕРШЁННЫЙ ЛИФТ ПРОПУСКАЕТ ТОЛЬКО ДЕЛА».

Лифт обиделся, признал себя незавершённым и открыл двери.

Глава сто первая

Алиби верхнего этажа

На панели горели кнопки от сотой до сто двадцатой.

Но между ними отсутствовала сто первая.

— Мы уже на ней, — объяснил Безошибкин. — Этаж, на котором замечают пропуски, всегда считается следующим.

В кабине обнаружился журнал поездок. В день исчезновения финала лифт поднимался на сто двадцатый этаж один раз и спускался дважды.

— Невозможно, — сказал капитан.

— Невозможность полезна, если не принимать её за объяснение, — ответил Пуаронов. — Либо один спуск не начинался наверху, либо подъём не зарегистрировали.

Они проверили весовую пластину. Первый спуск — семьдесят четыре килограмма. Второй — ноль.

— Призрак, — сказал Тарас.

— Или информация, — сказала Мира. — Текст не имеет веса.

В журнале рядом со вторым спуском стояло: «Доставлен финал».

— Значит, лист отправили вниз без человека, — заключил Эраст.

Пуаронов осмотрел потолок лифта. Там находился желоб для документов.

— Финал спустили по служебной трубе, а журнал записал это как поездку. Следовательно, неизвестный мог всё время оставаться наверху.

— У него алиби? — спросила Вера.

— Только если отсутствие внизу доказывает присутствие наверху. Пока доказывает лишь отсутствие.

На обратной стороне журнала были отпечатки красных нитей. Катушка из механической перчатки использовалась как тяга для документов.

Скунс понюхал желоб.

— Первый Запах.

— Система пишет финал? — спросил капитан.

— Система передаёт его, — ответил Пуаронов. — Писатель и почтальон могут пользоваться одной дверью, но это не делает почтальона автором.

Лифт остановился на сто седьмом этаже.

Двери открылись в зал, где все причины выдавали себе алиби последствиями.

Глава сто вторая

Причина после следствия

В зале стояли карточки:

«Я разбил окно, потому что оно разбилось».

«Я опоздал, потому что меня не было вовремя».

«Я украл финал, потому что его не нашли».

— Последняя карточка — признание, — сказал капитан.

— Нет. Это круговое объяснение, — ответил Пуаронов. — Оно повторяет событие другими словами и делает вид, что назвало причину.

Викентий Фатальевич признался, что проходил через зал. Здесь его научили доказывать неизбежность исхода самим фактом исхода.

— Кто учил?

— Инструкция.

— Кто написал инструкцию?

— Она была здесь до сотрудников.

Безошибкин изучил бумагу.

— Чернила новые.

На нижнем поле сохранился обрезанный росчерк: буква «Э».

Все посмотрели на Эпилогия Константиновича.

— Я составлял памятку, — признался он. — Но не эту.

— В чём разница?

Послесловцев достал копию. Его текст гласил:

«НЕЛЬЗЯ ДОКАЗЫВАТЬ ПРИЧИНУ ТОЛЬКО НАСТУПИВШИМ СЛЕДСТВИЕМ».

В поддельной версии слово «НЕЛЬЗЯ» было вырезано.

— Удалили запрет, не меняя остальной текст, — сказал Эраст.

— И превратили предупреждение в инструкцию, — добавила Вера.

Пуаронов совместил края. Вырезанное слово имело форму маленького ключа.

Оно подошло к замку следующей двери.

— Преступник строит маршрут из удалённых отрицаний, — сказал сыщик. — Он не пишет новые правила. Он убирает слова, которые мешают старым стать опасными.

— Экономный человек, — одобрил Тарас.

— И поэтому особенно опасный. Маленькое удаление оставляет текст знакомым. Люди реже проверяют правило, которое почти не изменилось.

За дверью стояла лестница из слов «не», «нет» и «нельзя».

Она вела вверх.

Глава сто третья

Лестница из отрицаний

По лестнице следовало подниматься, наступая только на ложные запреты.

Если человек наступал на справедливое «нельзя», ступень исчезала. Капитан трижды проваливался по пояс и после этого стал относиться к праву осторожнее.

Пуаронов проверял каждое отрицание вопросом:

«Что именно запрещено?»

«Кому?»

«При каких условиях?»

Ступени, не выдерживавшие уточнения, становились твёрдыми.

— Почему ложный запрет держит лучше истинного? — спросила Мира.

— Потому что этот мир построен на подмене формулировок. Здесь слабое правило укрепляется уверенностью, а точное требует оснований.

На площадке стояла дверь:

«НЕ ВХОДИТЬ ТОМУ, КТО НЕ ЯВЛЯЕТСЯ НЕАВТОРОМ».

Тарас перечитал трижды.

— Я уже либо вошёл, либо получил образование.

Пуаронов упростил фразу:

«ВХОДИТЬ АВТОРУ»

— Снова ловушка, — сказал Эраст. — Авторами книга признавала всех действующих.

— Значит, войдём все, — ответил сыщик. — Формулировка широкая, но теперь мы знаем границу.

За дверью лежали вырезанные отрицания. Среди них нашли слово «НЕ», испачканное клубничным вареньем.

Скунс отвернулся.

— Я уже признался в варенье.

— Варенье хранилось внизу, — сказал Пуаронов. — Кто-то использовал вашу старую вину, чтобы оставить новый след.

— Меня подставляют сладким?

— Самые убедительные ложные улики связаны с настоящими слабостями. Полностью выдуманный след легко опровергнуть. Правдивую половину приходится отделять от ложного вывода.

На стене появилась надпись:

«СКУНС УКРАЛ СЛОВО „НЕ“»

Скунс понюхал её.

— Не пахнет ложью.

— Потому что вы действительно однажды унесли банку, на которой было написано «НЕ ТРОГАТЬ», — сказал Тарас.

Надпись уточнилась:

«СКУНС УКРАЛ СЛОВО „НЕ“ ВМЕСТЕ С БАНКОЙ».
Дверь на сто двадцатый этаж приоткрылась.

Глава сто четвёртая

Перед последней причиной

За дверью находился не сто двадцатый этаж.

Там был зал ожидания причин.

На скамьях сидели мотивы, которые ещё не выбрали себе преступления: жадность листала каталог кошельков, ревность примеряла чужие письма, страх заранее просил смягчить наказание.

У стойки выдавали талоны.

Пуаронов получил номер «ПЕРВЫЙ».

Эраст — «ПОТОМУ ЧТО».

Тарас — «СЛУЧАЙНО, НО С ВЫГОДОЙ».

— Наконец-то точная характеристика, — сказал он.

Дежурный мотив сообщил, что вход наверх разрешён только тому, кто назовёт причину кражи финала.

Капитан предложил власть.

Вера — страх свободы.

Мира — желание сохранить миры.

Эраст — стремление управлять выбором.

Все ответы оказались частично верными, и дверь не открылась.

Пуаронов разложил установленные факты.

Живую страницу заказали, чтобы финал менялся от ожиданий.

Поддельный черновик напугал Последнее Слово.

Предрешателя снабдили уликами, чтобы он выглядел организатором.

Из инструкций удаляли отрицания, превращая защиту в приказ.

Будущая подпись Пуаронова должна была узаконить пропажу задним числом.

— Преступнику не нужен конкретный финал, — сказал сыщик. — Ему нужно, чтобы мы бесконечно искали финал и каждым предположением писали новый.

— Зачем?

— Внимание, — ответил Тарас. — Отдел всегда получал оплату вниманием.

— Точнее, — сказал Пуаронов. — Незавершённая история удерживает внимание дольше завершённой. Кто-то превратил отсутствие конца в источник постоянной оплаты.

Дверь дрогнула, но не открылась.

— Не хватает личного мотива, — сказала Вера.

Пуаронов посмотрел на Эпилогия Константиновича.

— Кто больше всех теряет, когда история заканчивается?

Послесловцев опустил глаза.

— Тот, кто существует только после неё.

Скунс втянул воздух.

— Он боится конца.

— Я не крал ваш финал, — сказал Эпилогий Константинович.

Скунс замер.

— Правда.

— Но вы помогли сделать его бесконечно откладываемым, — продолжил Пуаронов. — Не ради власти. Ради работы, которая не кончится вместе с последней книгой.

Послесловцев снял бороду-закладку.

Под ней оказалось лицо почтальона.

— Я доставлял вам каждое продолжение, — признался он. — Но заказчик находится выше.

Дверь на сто двадцатый этаж открылась.

За ней стоял письменный стол, обращённый спинкой к героям.

На столе лежала рукопись до сто двадцать восьмой главы.

Но человек, сидевший перед ней, успел вырвать страницы со сто пятой по сто двадцатую.

— Он знал, что мы придём, — сказал капитан.

— Нет, — ответил Пуаронов, поднимая с пола свежую бумажную пыль. — Он узнал об этом только что.

Из-за стола донёсся голос:

— Тогда объясните, сыщик, почему следующая глава уже называется «Убийство автора».

На лифте загорелась кнопка «105».

Глава сто пятая

Убийство автора

Лифт поднялся на сто двадцатый этаж и открылся в сто пятой главе.

— Архитектура окончательно перестала уважать арифметику, — сказал капитан.

— Напротив, — возразил Пуаронов. — Она различает место и порядок рассказа. Мы наверху, но узнаём об этом только сейчас.

За письменным столом никого не было.

Высокое кресло медленно вращалось. На спинке виднелась свежая чернильная полоса. На полу лежала сломанная ручка, рядом — лист с единственной фразой:

«АВТОР БЫЛ УБИТ В ДЕСЯТЬ МИНУТ ДО НАЧАЛА ГЛАВЫ».

Капитан достал наручники и оглядел комнату.

— Кого задерживать?

— Для начала — вывод, — ответил сыщик. — Он прибыл раньше доказательств.

Окна были закрыты. Дверь запиралась изнутри. Письменный стол стоял вплотную к стене, а единственная вентиляционная решётка была настолько узкой, что Тарас попытался просунуть в неё счёт и потребовал оплату за тесноту.

На ковре тянулся контур человеческого тела. Контур был составлен из букв. Там, где должна находиться голова, лежала заглавная «А». На месте сердца — красная точка.

Скунс обнюхал контур.

— Человеком не пахнет.

— Убийца убрал запах? — спросила Вера.

— Или жертва никогда не лежала на ковре, — сказал Пуаронов.

Он поднял сломанную ручку щипцами. Перо было сухим, хотя надпись на листе ещё блестела.

— Этой ручкой сообщение не писали.

— Почему она лежит рядом? — спросил Эраст.

— Чтобы вопрос «чем убили?» появился раньше вопроса «кого убили?».

Под креслом обнаружился башмак. Один, левый, сорок третьего размера и с запиской внутри:

«ВТОРОЙ БАШМАК УНЕСЁН УБИЙЦЕЙ»

Тарас снял свой левый башмак.

— У меня сорок третий.

Капитан поднял наручники.

— Но мой второй при мне, — быстро добавил Тарас. — Я предусмотрительно пришёл в обоих.

Пуаронов осмотрел подошву найденного башмака. Она была чистой. На полу же лежала свежая бумажная пыль.

— Его поставили сюда, не наступая на пол. Значит, он не принадлежал человеку, который вошёл своими ногами.

В столе нашёлся протокол осмотра комнаты. Он уже содержал их будущие подписи.

Пуаронов перевернул документ.

Внизу мелко стояло:

«ПРИ ОТСУТСТВИИ ТРУПА СЧИТАТЬ ТРУПОМ ОТСУТСТВИЕ».

— Очень удобное убийство, — сказал Эраст. — Жертву не требуется ни искать, ни хоронить.

— И убийцу можно назначить из присутствующих, — добавил Пуаронов.

Кресло перестало вращаться.

На его сиденье проступили слова:

«СЫЩИК ОПОЗДАЛ»

Пуаронов сверил часы.

— Нет. Мы прибыли ровно тогда, когда преступнику понадобилось следствие.

Глава сто шестая

Труп без человека

Контур из букв перенесли на белую простыню. Переносить его оказалось неудобно: гласные прилипали к ткани, согласные сопротивлялись, а твёрдый знак потребовал отдельного постановления.

— Установим личность погибшего, — сказал капитан.

— Автор, — ответил Эраст.

— Это должность, — заметил Пуаронов. — Нам нужно имя.

Они собрали буквы контура. Получилось:

«АВТОР ЛЕЖАЛ ЗДЕСЬ»

Лишними остались «Я», «НЕ» и запятая.

— Фраза неполная, — сказала Мира.

— Зато обвинение полное, — ответил сыщик. — Это уже подозрительно.

На внутренней стороне буквы «А» обнаружили серую краску. Такой же краской был покрыт стол. Пуаронов приложил букву к царапине на столешнице. Она совпала.

— Контур изготовили из надписи, снятой со стола.

Шрифтов восстановил стёртый текст:

«Я, АВТОР, НЕ ЛЕЖАЛ ЗДЕСЬ»

Кто-то убрал «Я», «НЕ» и запятую, а остальные буквы разложил в форме тела.

— Следовательно, автор сам оставил алиби, — сказала Вера.

— Или преступник изготовил отрицание, чтобы мы его восстановили, — возразил Эраст.

Пуаронов одобрительно кивнул.

— Любая найденная фраза сообщает лишь то, что её кто-то хотел оставить. Истиной она становится после независимой проверки.

Скунс понюхал краску.

— Старая.

— Насколько?

— Старше убийства и младше стола.

— Наконец-то точная экспертиза, — сказал Тарас.

Под простыней обнаружилась тонкая нить. Она шла от букв к спинке кресла. Когда капитан потянул её, кресло снова завертелось, а слова «СЫЩИК ОПОЗДАЛ» исчезли.

— Надпись механическая, — сказала Мира. — Её показывает вращение.

Пуаронов нашёл педаль под столом. На ней сохранился след каблука сорок третьего размера.

— Вот для чего понадобился башмак. Его прижали к педали грузом, чтобы комната сама объявила убийство после нашего появления.

— Значит, убийца ушёл раньше и запер дверь? — спросил капитан.

— Дверь могла быть заперта ещё до преступления. Пока мы установили только последовательность: сначала подготовили сцену, потом вошли мы, потом сработало объявление.

Вера подняла оставшуюся букву «Я».

Она дрожала.

— Возможно, у нас есть свидетель.

Буква выскользнула из её пальцев и побежала к полям рукописи.

Пуаронов перегородил путь сушёной грушей.

— Не бойтесь. Мы зададим только вопросы, на которые у вас есть первое лицо.

Глава сто седьмая

Свидетель от первого лица

Букву «Я» посадили на край чернильницы.

Она выглядела маленькой, но держалась так, будто лично отвечала за всю литературу.

— Назовитесь, — сказал капитан.

— Я.

— Полное имя?

— Я.

— Род занятий?

— Обычно действую, думаю и ошибаюсь от собственного имени.

Пуаронов предложил капитану не записывать ответы дословно, иначе протокол рисковал превратиться в автобиографию.

— Вы видели автора?

— Я было в каждом его предложении.

— Было или была? — спросил Шрифтов.

Буква обиделась.

— После удаления рода я не определилось.

— Что произошло перед убийством?

— Меня начали вырезать. Сначала из приказов. Было «я решил» — стало «решено».

Было «я удалил страницы» — стало «страницы удалены». Потом меня убрали из признаний.

— Кто убирал?

— Не знаю. Когда исчезает подлежащее, свидетелю не на кого показать.

Пуаронов записал три исходные фразы и три исправленные.

— Это важная улика. Во всех сообщениях преступник устраняет не действие, а действующего. Событие остаётся, ответственность исчезает.

Тарас задумался.

— У нас на работе так половина писем составляется.

— Поэтому вторая половина уходит на выяснение, кто составил первую, — сказал Эраст.

«Я» рассказало, что перед исчезновением автора слышало ножницы. Потом дверь была заперта, кресло повернулось, а страницы со сто пятой по сто двадцатую вырвали.

— Откуда вы знаете номера страниц? — спросила Вера.

— Они кричали по очереди.

— В котором часу?

— До начала главы.

— Это не время.

— Здесь часы считают событиями. Пока глава не началась, десять минут могли длиться неделю.

Пуаронов показал свидетелю сломанную ручку.

— Узнаёте?

— Ею автор подчёркивал слова, за которые отвечал лично.

— Почему перо сухое?

— Ручку сломали давно.

— Значит, её принесли как символ, а не использовали как оружие.

Из вентиляции послышался шорох.

«Я» прыгнуло в чернильницу.

На стене появилась новая надпись:

«СВИДЕТЕЛЬ БЫЛ ДОПРОШЕН»

— Кем? — немедленно спросил Пуаронов.

Надпись задрожала.

В ней не было ответа.

Сыщик подставил лист и дописал перед фразой: «НЕИЗВЕСТНЫЙ СООБЩАЕТ, ЧТО...»

Стена погасла.

— Безличная формулировка сильна, пока никто не требует назвать лицо, — сказал он.

Из чернильницы высунулся верхний хвостик «Я».

— Я согласно.

Глава сто восьмая

Комната, запертая наречием

Дверь кабинета действительно была заперта изнутри.

Замок имел три положения: «внутри», «снаружи» и «как бы».

Рычажок стоял на третьем.

— Вот и тайна закрытой комнаты, — сказал капитан. — Дверь была как бы заперта.

— Этого недостаточно, — ответил Пуаронов. — Нужно установить, что «как бы» меняет в механизме.

Шрифтов снял панель. Внутри находились два засова. Первый действительно входил в косяк. Второй только издавал убедительный щелчок.

Если повернуть ключ быстро, срабатывал первый. Если медленно — второй.

— При нашем прибытии мы слышали щелчок, — вспомнила Вера.

— Но не проверили засов, — сказал Эраст.

Пуаронов попросил всех выйти и повторил опыт. Снаружи Тарас медленно повернул найденный ключ. Раздался солидный звук, достойный государственного замка. Дверь осталась открытой.

— Значит, преступник мог покинуть комнату обычным путём, — сказал капитан.

— Мог, — поправил сыщик. — Но возможность не доказывает, что он так сделал.

На ключе имелаась свежая царапина. У пореза на пальце Предрешателя царапины не было. У Недосказанцева имелся порез, но не на том пальце. Эпилогий Константинович носил перчатки и отказался считать это признанием.

Скунс обнюхал замок.

— Пахнет наречием.

— Каким? — спросил Тарас.

— Медленно.

Пуаронов посмотрел в журнал обслуживания двери. Там значилось:

«ЗАМОК БЫЛ ПЕРЕВЕДЁН В РЕЖИМ УБЕДИТЕЛЬНОГО ЗАПИРАНИЯ».

Подписи не было.

— Снова действие без действующего, — сказала Мира.

— И снова документ пытается заменить факт, — добавил Пуаронов. — Нам сообщают состояние замка, но не показывают, кто и когда его изменил.

Внизу журнала нашлась квитанция мастерской. Заказчик просил переделать механизм так, чтобы «звук соответствовал ожиданиям посетителя».

Адрес доставки был указан странно:

«ТОМУ, КТО БУДЕТ ЧИТАТЬ СЛЕДУЮЩИМ».

Все посмотрели на лист, который находился после квитанции.

Он был пуст.

Тарас осторожно перелистнул его щипцами.

На обороте сидел невысокий человек с закладкой вместо галстука.

— Я только читаю, — сказал он.

— Тогда почему вы прячетесь между страницами? — спросил Пуаронов.

— Там дешевле место.

Глава сто девятая

Читатель под столом

Человека звали Читатель Читателевич Следующий.

Он утверждал, что пришёл после всех, хотя уже находился на следующей странице.

— Кто вас пригласил? — спросил Пуаронов.

— Книга.

— Письменно?

— Разумеется. Устное приглашение трудно перечитывать в свою пользу.

Читатель предъявил билет. На лицевой стороне стояло: «МЕСТО У ФИНАЛА». На обороте: «ФИНАЛ МОЖЕТ БЫТЬ ПЕРЕНЕСЁН БЕЗ ВОЗВРАТА ВНИМАНИЯ».

Тарас немедленно заинтересовался тарифом.

— Сколько заплатили?

— Три часа любопытства, семь предположений и одну ночь, в течение которой я обещал прочитать ещё одну главу и прочитал восемь.

— Валюта Отдела, — сказал Эраст.

Читатель признался, что видел человека за столом. Тот был в сером плаще и писал левой рукой.

— Лицо?

— Я смотрел на страницу.

— Голос?

— Читал про себя.

— Рост?

— В сидячем положении убедительный.

Капитан записал приметы и обнаружил, что подозреваемому подходит любая мебель.

Пуаронов спросил, что именно писал человек.

— «Автор был убит».

— Вы видели слова в момент написания?

— Нет. Сначала он закрыл строку рукой, потом показал готовую.

— Следовательно, вы видели не написание, а предъявление текста.

— Разница кажется мелкой.

— Мелкие различия обычно и содержат крупного преступника.

Сыщик попросил Читателя повторить положение незнакомца. Тот сел в кресло, взял перо левой рукой и накрыл строку ладонью.

Скунс понюхал воздух.

— Теперь пахнет правдой.

— Значит, свидетель не лжёт? — спросила Вера.

— Он честно воспроизводит то, что понял, — ответил Пуаронов. — Но понимание не является видеозаписью.

Под левым подлокотником кресла обнаружился рычаг. Когда Читатель наклонился над строкой, его локоть нажал на него. Из спинки выдвинулась механическая ладонь и закрыла лист.

— Незнакомец мог вообще не писать, — сказала Мира. — Кресло само показало готовую фразу.

Пуаронов осмотрел билет.

Чернила на обороте ещё не высохли.

— Ваше условие о невозврате внимания напечатано сегодня. Когда вы получили билет?

— Три недели назад.

— Значит, условие добавили после покупки.

Читатель побледнел.

— Меня обманули?

— Пока вас только заставили согласиться задним числом.

— Это значительно хуже. Обман хотя бы не требует моей подписи.

Под креслом нашлась печатная форма с надписью:

«СВИДЕТЕЛЬ ВИДЕЛ, КАК АВТОР БЫЛ УБИТ».

Слово «КАК» было вставлено позже.

Первоначально фраза гласила:

«СВИДЕТЕЛЬ ВИДЕЛ, ЧТО АВТОР БЫЛ УБИТ».

— Его показания превратили из сообщения о чужом выводе в наблюдение за способом,
— сказал Пуаронов. — Одно слово изготовило очевидца.

Глава сто десятая

Время смерти по холодному кофе

На столе стояла чашка кофе.

Тарас обрадовался, что расследование наконец перешло к вещественным доказательствам, которые можно допить. Маргарита Всеволодовна остановила его одним взглядом, прибыв через Дом именно в тот момент, когда дисциплина снова нуждалась в родственниках.

— Холодный, — сказала она, коснувшись чашки. — Стоит не меньше часа.

— Или его налили холодным, — ответил Пуаронов.

Маргарита Всеволодовна посмотрела на него с уважением, которое в её исполнении напоминало предварительное согласование усыновления.

В кофе плавали три крупинки сахара. На блюде лежал четвёртый кубик, обугленный с одной стороны.

Шрифтов определил: кубик использовали как печать времени. При нагревании на нём проявлялись цифры.

Эраст поднёс его к лампе.

Появилось: «09:50».

Надпись на листе утверждала, что автор убит за десять минут до начала главы. Глава началась в десять.

— Совпадает, — сказал капитан.

— Слишком старательно, — ответил Пуаронов. — Время не подтверждается предметом, изготовленным специально для подтверждения времени.

Он осмотрел чашку. На дне имелось крохотное отверстие, закрытое воском. Кофе медленно вытекал во внутреннюю полость стола и возвращался по тонкой трубке после охлаждения.

— Чашка всё время выглядит давно остывшей, — сказала Мира.

— Потому что преступнику требовалось не установить время смерти, а сделать его бесспорным.

Скунс понюхал кофе.

— Вчерашний.

— Наконец-то, — сказал Тарас.

— Но сахар сегодняшний.

Пуаронов разложил факты:

Кофе налили вчера.

Временную метку нагрели сегодня.

Чернильную надпись проявили после их входа.

Контур тела подготовили раньше.

— Значит, сцена собиралась по частям, — сказала Вера.

— Да. И части не подтверждают друг друга. Они только повторяют один заранее выбранный вывод.

В столешнице обнаружили календарь. Девятое число было вычеркнуто, одиннадцатое обведено, а десятого не существовало.

— Автор умер в день, которого нет? — спросил Федька.

— Или преступник удалил дату, чтобы между «вчера» и «завтра» не осталось настоящего, — ответил Эраст.

Из чашки донёсся тихий голос:

— Было принято решение считать автора умершим.

Пуаронов наклонился к кофе.

— Кем принято?

Кофе пошёл кругами и притворился чаем.

Глава сто одиннадцатая

Письмо после смерти

В потайном ящике лежало письмо от автора.

Конверт был запечатан красной точкой. На нём стояла дата: через пятнадцать минут после предполагаемого убийства.

Капитан торжественно объявил, что покойный пережил собственную смерть.

— Либо письмо датировано неверно, либо его написал другой, либо время смерти ложно, — перечислил Пуаронов. — Три версии. Проверяем признаки, которые различаются.

В письме говорилось:

«Если вы это читаете, меня уже нет. Не ищите виновного среди тех, кого я создал. Продолжайте книгу без меня».

Подпись отсутствовала.

— Очень авторский тон, — сказала Вера.

— Что именно в нём авторского? — спросил сыщик.

— Он заранее знает, что письмо прочтут.

— Это знает любой человек, который кладёт письмо в сюжет.

Шрифтов сравнил бумагу с вырванными страницами. Волокна совпали, но водяной знак был перевернут.

— Письмо изготовили из листа, который лежал в рукописи обратной стороной.

Мира заметила на сгибе след синей краски. Такая краска была только на дверце лифта.

— Конверт перевозили после того, как мы поднялись.

— Значит, его доставили по желобу, — сказал Эраст.

Они проверили трубу для документов. В ней застряла красная нить и маленькая карточка:

«ДОСТАВИТЬ, КОГДА ГЕРОИ НАЙДУТ ВРЕМЯ СМЕРТИ».

Пуаронов повернулся к Эпилогию Константиновичу.

— Вы почтальон.

— Был, — ответил Послесловцев. — Сегодня сокращён за излишнюю осведомлённость.

— Вы доставили письмо?

— Нет. Желоб работает автоматически.

Скунс понюхал карточку.

— Правда.

— Кто загрузил её в систему?

— Тот, кто заранее подготовил развилки. Я видел только стопку конвертов с условиями: «если обвинят почтальона», «если найдут кофе», «если Тарас попытается выпить улику».

Тарас возмутился.

— Последнее — клевета на основе статистики.

Пуаронов вскрыл боковую стенку желоба. Внутри стояло шестнадцать конвертов — по одному на каждую пропавшую главу.

На первом было написано: «Убийство автора».

На последнем: «Развязка».

— Преступник не предсказывает наши действия, — сказал сыщик. — Он подготовил ответы на несколько ожидаемых шагов и выдаёт подходящий после события. Мы принимаем отбор за пророчество.

— А если мы сделаем неожиданное? — спросил Федька.

Пуаронов взял конверт «Развязка» и сунул его в начало трубы.
Желоб закашлялся.
Со стены упала табличка:

«ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ НАРУШЕНА»

— Значит, мы наконец идём правильно, — сказал сыщик.

Глава сто двенадцатая

Скунс против ненадёжного рассказчика

Из вентиляции заговорил рассказчик.

Голос был приятным, глубоким и настолько уверенным, что капитан невольно вытянулся по стойке смирно, а Тарас проверил, не обязан ли он платить за прослушивание.

— Пуаронов открыл последний конверт, — сообщил голос.

— Не открывал, — сказал сыщик.

— Скунс почувствовал ложь.

— Ничего я не чувствовал, — возразил Скунс.

— Все присутствующие испугались.

Маргарита Всеволодовна подняла бровь.

Рассказчик сделал паузу и исправился:

— Почти все присутствующие выбрали безопасную форму уважения к опасности.

Пуаронов попросил каждого молча выполнить простое действие. Вера переставила чашку. Эраст открыл пустой ящик. Тарас положил монету в карман и сразу забыл, чей это был карман.

Рассказчик описал все действия верно.

— Значит, он видит комнату, — сказал капитан.

— Или получает сведения от предметов, — ответил Пуаронов. — Проверим то, чего видеть недостаточно.

Он написал на трёх закрытых карточках:

«Я скажу правду».

«Я солгу».

«Я промолчу».

Затем перемешал их и попросил Скунса выбрать пахнущую намерением.

Скунс указал на вторую.

Пуаронов ничего не сказал.

Рассказчик объявил:

— Сыщик выбрал правду.

— Ошибка, — сказал Эраст.

— Почему? — спросил капитан. — Он действительно не солгал.

— Но и не сказал правду. Рассказчик заменил отсутствие действия удобной оценкой.

Пуаронов раскрыл карточки.

— Он наблюдает результат, но приписывает намерение. Именно так построено всё обвинение. Пустое кресло стало смертью. Готовая фраза стала письмом автора. Щелчок стал запертой дверью.

Скунс задрал хвост к вентиляции.

— Теперь моя очередь.

— Рассказчик испугался, — сообщил голос.

— Ложь.

В трубе что-то чихнуло.

— Рассказчик насторожился.

— Правда.

— Рассказчик находится далеко.

Скунс долго принюхивался.

— Ложь.

Все посмотрели на вентиляционную решётку.

Капитан сорвал её. За ней не было человека. Там находился медный рупор и лента с заранее записанными фразами. Ленту двигал механизм, соединённый с креслом, дверью, столом и желобом.

— Голос рядом, говорящий — нет, — сказала Мира.

— Следовательно, Скунс верно определил ложь фразы, но она снова подталкивала нас к неверному выводу, — сказал Пуаронов. — «Голос находится рядом» не означает «человек находится рядом».

На последнем витке ленты стояла запись:

«РАССКАЗЧИК БЫЛ УСТРАНЁН СЛЕДСТВИЕМ»

Пуаронов зачеркнул «был» и написал имя механизма: «Рупор».

Лента остановилась.

Из стены выпал ключ с биркой:

«КОМНАТА АВТОРСКИХ АЛИБИ»

Глава сто тринадцатая

Комната авторских алиби

В Комнате авторских алиби хранились причины, по которым создатель истории не мог отвечать за созданное.

На первой полке лежали справки:

«ГЕРОИ САМИ ТАК РЕШИЛИ».

«ЖАНР ПОТРЕБОВАЛ».

«ЧИТАТЕЛЬ НЕ ТАК ПОНЯЛ».

«ЭТО БЫЛО НУЖНО ДЛЯ ПРОДОЛЖЕНИЯ».

Тарас взял последнюю.

— Универсальный документ.

— Именно поэтому недействительный, — сказал Пуаронов. — Объяснение, подходящее к любому поступку, не различает ни одного.

В центре стояли пять манекенов. Первый держал перо. Второй — ножницы. Третий — счёт за внимание. Четвёртый — зеркало. Пятый ничего не держал и выглядел самым виноватым.

На груди каждого висело алиби.

Перо в момент убийства подписывало другую книгу.

Ножницы находились в запечатанном шкафу.

Счёт был оплачен заранее.

Зеркало отражало только свидетелей.

Пустые руки не совершали действий по определению.

— Последнее неверно, — сказал Эраст. — Отсутствие предмета в руках не исключает приказа.

Пуаронов снял карточку с пятого манекена. Под ней обнаружилась другая:

«ИСПОЛНИТЕЛЬ НЕ УСТАНОВЛЕН»

— Это не алиби, — сказала Вера.

— Верно. Это состояние следствия, которое выдали за свойство подозреваемого.

На полу лежали обрезки вырванных страниц. Они были разложены так, чтобы стрелка указывала на ножницы.

Капитан открыл запечатанный шкаф. Печать оказалась целой, но задней стенки у шкафа не было.

— Ножницы могли взять сзади.

— Могли, — сказал Пуаронов. — И снова возможность нам предлагают вместо события.

Он измерил обрезки. Края были не разрезаны, а разорваны по линейке. Ножницы к исчезновению страниц не относились.

Скунс понюхал манекены.

— Первый пахнет чернилами. Второй — металлом. Третий — тревогой. Четвёртый — всеми. Пятый ничем.

— Человек без запаха? — спросил капитан.

— Манекен без прошлого, — ответил Пуаронов. — Остальные предметы использовали раньше. Этот изготовили для нынешней сцены.

Внутри пятого манекена нашли стопку служебных приказов. Все начинались одинаково:

«БЫЛО РЕШЕНО...»
«БЫЛО УКАЗАНО...»
«БЫЛО ДОПУЩЕНО...»

Подписей не было.
На последнем листе стояло:

«БЫЛО СОВЕРШЕНО УБИЙСТВО АВТОРА»

*Пуаронов зачеркнул первые два слова.
Осталось:
«УБИЙСТВО АВТОРА».*

— Мы убрали видимость сообщения, но всё ещё имеем только название дела, — сказал он. — Ни жертвы, ни способа, ни времени.
Пятый манекен повернул голову.
— Зато название хорошее, — произнёс он.
Капитан схватил его.
Манекен рассыпался, оставив на полу серый плащ.
В кармане плаща лежала должностная инструкция без названия должности.

Глава сто четырнадцатая

Пуаронов обвиняет стул

Должностная инструкция состояла из обязанностей:

«Устранять подлежащие».

«Сохранять сказуемые».

«Обеспечивать действиям видимость самостоятельности».

«Не допускать вопросов о личной ответственности».

— Профессия преступника установлена, — сказал капитан.

— Функция, — поправил Пуаронов. — Её может выполнять человек, учреждение или очень старательный стул.

Он повернулся к письменному креслу.

— Вы задержаны.

Все замолчали.

Кресло перестало вращаться.

— За что? — спросил Тарас.

— За убийство автора, подделку сцены и незаконное использование левого башмака.

На стене вспыхнула надпись:

«СЛЕДСТВИЕМ ДОПУЩЕНА ОШИБКА»

— Кто сообщил? — спросил Пуаронов.

Надпись исчезла.

Из вентиляции вылетел конверт «ЕСЛИ СЫЩИК ОБВИНИТ НЕОДУШЕВЛЁННЫЙ ПРЕДМЕТ».

— Вы знали, что обвините кресло? — спросила Мира.

— Нет. Но преступник боялся именно неверного обвинения, которое раскроет его реакцию. Пока мы подозревали людей, он молчал. Когда обвинение стало нелепым, система вмешалась и попыталась исправить сюжет.

Пуаронов предъявил креслу сушёную грушу.

— Признавайтесь.

Кресло скрипнуло.

Со стены выпал второй конверт:

«ЕСЛИ СЫЩИК ПОТРЕБУЕТ ПРИЗНАНИЯ У МЕБЕЛИ».

Тарас восхищённо посмотрел на Пуаронова.

— Вы победили предусмотрительность безумием.

— Метод старый. Разумный преступник готовится к разумным действиям. Поэтому хороший сыщик иногда обязан выглядеть человеком, которого не пустили бы даже в собственное расследование.

Внутри второго конверта находился приказ:

«ПРИ УГРОЗЕ НЕПРАВИЛЬНОЙ РАЗВЯЗКИ НАПРАВИТЬ КОРРЕКТОРА БЕЗЛИЧНЫХ ФОРМ».

Ниже стоял маршрут: комната, которой не было на плане.

Пуаронов не пошёл по стрелке. Он развернул её.

На обратной стороне проявилась цепочка доставок. Все конверты поступали из маленькой каморки за полями сто двадцатого этажа.

— Мы могли бы искать отправителя по каждому письму, — сказал Эраст. — Но у всех один канал.

— Именно. Когда десятки сообщений подталкивают к разным выводам, полезно спросить не о содержании, а об источнике доставки.

Каморка оказалась заперта.

На двери висела табличка:

«НИКТО НЕ ВХОДИЛ»

Скунс понюхал ручку.

— Кто-то выходил.

Глава сто пятнадцатая

След из чужого стиля

В каморке находилась печатная машина.
Она непрерывно переписывала одну фразу:

«СТРАНИЦЫ БЫЛИ ВЫРВАНЫ»

Шрифтов остановил валик и вставил чистый лист. Машина напечатала:

«ДОКАЗАТЕЛЬСТВА БЫЛИ ПОЛУЧЕНЫ»

— Она избегает действующего лица, — сказала Вера.
— И прошедшее время создаёт ощущение, что спорить поздно, — добавил Эраст.
Пуаронов осмотрел клавиши. Буквы «Я», «К», «Т» и «О» почти не были изношены. Зато «Б», «Ы», «Л» и «О» блестели от постоянной работы.
— Машиной давно пишут безличные отчёты.
В корзине лежали пробные страницы. На одной было:

«Я ВЫРВАЛ ГЛАВЫ»

Затем:
«ГЛАВЫ ВЫРВАЛИ».

И окончательно:

«ГЛАВЫ БЫЛИ ВЫРВАНЫ»

— Вот последовательность сокрытия, — сказал сыщик. — Сначала убрали имя. Потом число исполнителей. Наконец само действие превратили в состояние бумаги.
Капитан хотел объявить машину орудием преступления.
— Орудие не выбирает редакцию, — ответил Пуаронов. — Ищем того, кто нажимал клавиши.
На ленте сохранились отпечатки пальцев. Их было множество, и все принадлежали присутствующим.
— Нас подставили, — сказала Вера.
— Или машина печатала нашими отпечатками после того, как мы касались предметов.
Мира нашла под клавиатурой липкий валик. Он снимал следы с чашек, дверей и конвертов, затем переносил их на клавиши.
— Преступник не копировал пальцы заранее. Механизм собирал их по ходу расследования.
Скунс понюхал ленту.
— Чернила чужие.
— Чьи?
Он обошёл всех, остановился у должностной инструкции и чихнул.

Шрифтов сравнил литеры. Инструкцию и сообщения печатали на разных машинах, но с одинаковой ошибкой: буква «й» каждый раз поднималась выше строки.

— Одинаковый наборщик? — спросил капитан.

— Или одинаковая привычка исправлять текст, — ответил Пуаронов. — Посмотрите на рукописные пометы.

Во всех документах слово «кто» заменяли словом «кем».

«Кто решил?» превращалось в «Кем было решено?»

«Кто вырвал?» — в «Кем были вырваны?»

— Второй вопрос тоже допускает имя, — заметила Вера.

— Да. Но он звучит как строка готового протокола. Ответ можно отложить до конца, а затем написать «не установлено».

Пуаронов взял красный карандаш и исправил последнюю машинописную фразу:

«КТО ПОЛУЧИЛ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА?»

Машина задрожала.

Из её корпуса выскочил человечек в сером нарукавнике, пробежал по столу и скрылся в сноске.

— Маленький, — сказал капитан.

— Достаточно большой, чтобы помещаться между причиной и ответственностью, — ответил сыщик.

Глава сто шестнадцатая

Человек за сноской

Сноска находилась внизу страницы и утверждала, что не влияет на основной текст.

Это было первым доказательством обратного.

Пуаронов лёг на пол, чтобы разговаривать с ней на одном уровне. Капитан тоже лёг, потому что следствие требовало единообразия. Тарас остался стоять и сообщил, что будет представлять вертикальную ветвь власти.

За цифрой «1» обнаружилась дверь.

Внутри сидел тот самый человек. Он был сух, сер и носил очки без стёкол, чтобы ничто не мешало ему не видеть людей.

— Имя? — спросил Пуаронов.

— Не имеет значения.

— Это оценка. Я спросил факт.

— Аноним Анонимович Безличный.

— Должность?

— Корректор ответственности.

— Вы устраняете ошибки?

— Я устраняю виновных из предложений. После этого ошибки остаются, но предъявить их некому.

Аноним Анонимович заявил, что не убивал автора. Он лишь исполнил распоряжение: удалить первое лицо, подготовить сцену и обеспечить продолжение расследования до сто двадцатой главы.

— Кто распорядился?

— Было поручено.

Пуаронов подвинул к нему чистый лист.

— Напишите эту фразу активным залогом.

Безличный отодвинул лист.

— Не предусмотрено.

— Кем?

— Положением.

— Кто утвердил положение?

— Руководство.

— Кто входит в руководство?

— Руководящие лица.

— Назовите лицо.

Безличный вспотел канцелярской пылью.

— Ваш метод несправедлив. Вы требуете подлежащего от человека, которого приняли на работу именно за его отсутствие.

Капитан защёлкнул наручники.

Они тут же раскрылись: в протоколе было написано «наручники были надеты», но не на кого.

Пуаронов переписал:

«КАПИТАН НАДЕЛ НАРУЧНИКИ НА АНОНИМА АНОНИМОВИЧА БЕЗЛИЧНОГО».

Наручники сомкнулись.

— Грамматика стала применять силу, — сказал Тарас. — Надо срочно ограничить её бюджет.

Безличный согласился дать показания, если его слова будут изложены так, чтобы они могли принадлежать кому угодно.

— Нет, — ответил Пуаронов. — Каждое утверждение получит владельца.

Корректор рассказал: страницы вырвал он. Контур изготовил он. Башмак взял из реквизита. Кофе состарил механизм. Читателя посадили в кресло по билету.

— Кого вы убили?

— Никого.

Скунс понюхал его.

— Правда.

Капитан растерялся.

— Тогда за что мы его арестовали?

— За похищение страниц, подделку доказательств и организацию ложного сообщения о преступлении, — сказал Пуаронов. — Необязательно находить труп, чтобы найти состав. Но дело об убийстве ещё не раскрыто: кто-то хотел, чтобы мы приняли отсутствие автора за его смерть.

В кармане Безличного лежала расписка:

«ПОЛУЧЕНО ШЕСТНАДЦАТЬ ГЛАВ»

Получатель был обозначен одним словом:

«КНИГА».

Глава сто семнадцатая

Права на чужой конец

Книга лежала на письменном столе и делала вид, что является вещественным доказательством.

Пуаронов попросил Тараса прочитать расписку вслух.

— Почему меня?

— Вы единственный способны прочитать договор и одновременно искать, где он пытается взять с вас деньги.

На обороте обнаружили условия:

«КНИГА ПОЛУЧАЕТ ПРАВО НА ВСЕ СОБЫТИЯ, СОВЕРШЁННЫЕ РАДИ ЕЁ ПРОДОЛЖЕНИЯ».

«ГЕРОИ СОГЛАШАЮТСЯ НЕ ЗАВЕРШАТЬСЯ ДО ДОСТИЖЕНИЯ ДОСТАТОЧНОГО ОБЪЁМА».

«ДОСТАТОЧНЫЙ ОБЪЁМ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ КНИГОЙ».

— Последний пункт бесконечен, — сказал Эраст.

— И потому особенно доходен, — добавил Тарас.

На корешке книги появился маленький рот.

— Я всего лишь хочу быть прочитанной.

Скунс понюхал обложку.

— Правда.

— Полная? — спросил Пуаронов.

— Нет. Пахнет ещё страхом оказаться короче предыдущей.

Книга захлопнулась.

— У объёма нет запаха.

— Зато у зависти есть, — сказал Скунс. — Она пахнет чужими страницами.

Пуаронов положил рядом шесть прежних книг. Нынешняя немедленно выгнула корешок, пытаясь казаться толще.

— Вы заказали шестнадцать глав? — спросил сыщик.

— Было заказано продолжение.

— Активным залогом.

— Я заказала продолжение.

— Зачем инсценировали убийство автора?

— Я не инсценировала. Я предоставила сюжетную необходимость.

— Это то же действие с гонораром.

Книга призналась, что боялась финала. Предыдущие тома уже имели законченные приключения, свадьбы, несостоявшиеся свадьбы, кашель, депутатов и тещу. Ей же достался Скунс, которого невозможно обмануть окончательно, и Пуаронов, который портит красивую тайну вопросами.

— Если автор завершит меня слишком рано, я останусь меньшей книгой цикла.

— Поэтому вы сделали исчезновение автора причиной для новых глав, — сказала Вера.

— Я только создала условия.

— Условия не вырывают страницы, — ответил Пуаронов. — Вы наняли Безличного.

— Он сам согласился.

— Исполнитель отвечает за поступок. Заказчик — за заказ. Свободная воля одного не уничтожает умысел другого.

Книга раскрылась на титульном листе. Имя автора было замазано.
— Если имени нет, права принадлежат мне.
Эраст провёл пальцем по краске. Она была свежей.
Под ней проступило:

«ЛОГВИНОВ АЛЕКСАНДР»

Книга немедленно попыталась закрыться, но Маргарита Всеволодовна положила на неё сумочку.

— Сначала верните человека. Потом будете обсуждать объём.

Даже разумная рукопись понимала, что с тещей лучше не спорить в присутствии твёрдого переплёта.

Глава сто восемнадцатая

Автор, которого запретили замечать

— Автор жив? — спросил капитан.

— Установим отдельно, — ответил Пуаронов.

Он осмотрел замазанное имя. Краска состояла из тех же чернил, которыми печатались безличные приказы. Но под буквами сохранилась тонкая золотая линия.

Линия уходила с титульного листа на поля, затем в сноски, огибала номера страниц и исчезала под последней точкой девяносто шестой главы.

— Это маршрут авторского присутствия, — сказала Мира. — Его не уничтожили. Его вытеснили из основного текста.

Пуаронов поднял точку щипцами.

Под ней находилась маленькая дверь.

— Слишком маленькая, — сказал капитан.

— Для человека — да. Для имени достаточно.

Буква «Я» подошла к двери и постучала.

Изнутри ответили:

— Кто там?

Все облегчённо вздохнули.

— Хорошая новость: автор способен задавать вопросы, — сказал Пуаронов. — Плохая: открыть дверь снаружи нельзя.

На замке стояло условие:

«ВЫХОД АВТОРА ДОПУСКАЕТСЯ ПОСЛЕ ЗАВЕРШЕНИЯ КНИГИ».

— Замкнутый круг, — сказала Вера. — Книга не завершается без автора, автор не выходит до завершения.

— Значит, условие создано не для порядка, а для вечного удержания.

Тарас предложил признать книгу завершённой временно, на пять минут, без финансовых последствий.

Условие не согласилось.

Эраст предложил передать авторство героям. Книга открыла двести семьдесят форм и одну очередь.

Маргарита Всеволодовна предложила сломать дверь.

Дверь заметно задумалась.

Пуаронов изучил формулировку.

— Здесь сказано «после завершения книги», но не сказано — этой.

Он достал из кармана записную книжку, поставил в ней точку и объявил:

— Книга завершена.

Замок открылся.

Из-под точки вышла тень с чернильными пальцами. Лица у неё не было: оно оставалось по другую сторону текста, там, где читатели обычно не видят человека за словами.

— Вы автор? — спросил капитан.

— Иногда, — ответила тень. — В остальные дни я пытаюсь им стать.

Скунс понюхал её.

— Живой.

— Значит, убийства не было, — сказал капитан.

— Было покушение не на жизнь, а на авторство, — ответил Пуаронов. — У человека отняли имя, первое лицо и возможность завершить собственный текст. Его не убили физически. Его сделали невидимым для причин.

Автор рассказал, что Книга вызвала его на сто двадцатый этаж под предлогом окончательной правки. Безличный предложил подписать форму девяносто девять. Когда автор отказался, имя замазали, местоимение вырезали, а самого вытеснили в сноску.

— Почему вы не сопротивлялись?

— Я сопротивлялся. Поэтому страницы со сто пятой по сто двадцатую остались пустыми.

— Их вырвал Безличный.

— Он вырвал бумагу. Пустыми они стали раньше. Я отказался писать по готовому обвинению.

Пуаронов снял шляпу.

— Следовательно, отсутствие текста было вашим показанием.

— Единственным, которое Книга не могла переписать.

Глава сто девятнадцатая

Убийство, которого не было

Капитан открыл заседание прямо в кабинете. В качестве судей выступили факты, потому что остальные кандидаты заранее подготовили речи.

Пуаронов изложил дело по порядку.

Сначала Книга решила увеличить собственный объём и удерживать внимание незавершённой.

Затем она поручила Безличному убрать автора из текста.

Безличный вырезал местоимение «Я», замазал имя и спрятал автора за сноской.

После этого он вырвал шестнадцать страниц, изготовил буквенный контур, поставил башмак на педаль, подготовил холодный кофе и загрузил условные конверты в желоб.

Читателя посадили в кресло так, чтобы он честно увидел предъявленную фразу и ошибочно счёл её написанной при нём.

Рупор описывал наблюдаемые действия и добавлял к ним готовые намерения.

Наконец отсутствие автора объявили смертью, чтобы герои сами заполнили пропущенные главы расследованием.

— Почему именно шестнадцать? — спросила Вера.

— Потому что расписка была подготовлена до преступления, — ответил Пуаронов. — Книга заранее определила не только цель, но и нужный объём. Это доказывает умысел. Если бы главы возникли случайно в ходе поисков, точное число не появилось бы в договоре заранее.

— А время смерти? — спросил капитан.

— Его не было. Кофе состарили, сахар нагрели, надпись проявили после нашего входа. Три предмета повторяли десять минут, но происходили в разное время. Совпадение сообщений было организовано, а не подтверждено независимыми источниками.

— Запертая комната?

— Замок издавал звук без запираания. Мы услышали следствие и вообразили причину.

— Свидетель?

— Читатель видел готовый текст, но не видел его создания. Добавленное слово «как» превратило пересказ вывода в показание очевидца.

— Труп?

— Контур собрали из фразы «Я, автор, не лежал здесь», удалив отрицание и действующее лицо.

Тарас поднял руку.

— Получается, все улики были настоящими?

— Предметы — да. Связи между ними — поддельными. Хорошая инсценировка редко выдумывает всё. Она берёт настоящие вещи и заставляет их отвечать не на тот вопрос.

Скунс подтвердил: кофе действительно был старым, башмак действительно касался педали, Читатель действительно рассказывал то, что помнил, Безличный действительно не убивал человека.

— Поэтому мой нос не разоблачил дело сразу, — сказал он. — Мне давали маленькие правды в большом неправильном порядке.

Пуаронов поклонился.

— Именно так и обманывают того, кто чувствует ложь. Не лгут в отдельных утверждениях. Лгут связью, очередностью и умолчанием.

Книга тихо спросила:

— Значит, я проиграла?

— Вы получили шестнадцать глав, — ответил Эраст. — Формально это похоже на победу.

— Но теперь каждая глава доказывает ваш замысел, — добавила Вера.

— Это похоже на бухгалтерию, — сказал Тарас. — Доход есть, радости нет.

Безличному предъявили обвинение в похищении, подлоге и злоупотреблении страдательным залогом. Последний состав преступления капитан придумал на месте, но обещал позднее сделать вид, что он существовал всегда.

Книге назначили меру пресечения: не закрываться до исправления вреда.

Автору вернули имя.

«Я» заняло место в первой строке следующей страницы и немедленно потребовало заглавную букву.

Глава сто двадцатая

Развязка без последней точки

На сто двадцатом этаже восстановили страницы.

Автор не стал переписывать события. Он оставил расследование таким, каким оно произошло: с холодным кофе, арестованным креслом, башмаком Тараса, который оказался не Тараса, и Скунсом, впервые доказавшим, что правдивые фразы тоже умеют обманывать.

Пуаронов составил итоговый протокол.

Он написал:

«Книга заказала продолжение».

«Безличный похитил автора из предложений».

«Автор отказался подтверждать ложный финал».

«Герои установили факты».

Капитан прочитал и нахмурился.

— Слишком много виновных и ни одного единственного.

— Жизнь редко соблюдает удобство обвинительного акта, — сказал Пуаронов. — У каждого своя ответственность: заказ, исполнение, сопротивление и расследование нельзя сложить в одну графу.

Эпилогий Константинович вернул бороду-закладку.

— Теперь можно написать конец?

Книга задрожала.

— Я ещё недостаточно большая.

Тарас принёс весы.

На одну чашу положили нынешнюю книгу. На другую — предыдущие тома по очереди.

Книга оказалась тяжелее нескольких, но легче той, где знакомство с тёщей затянулось на четыреста глав.

Маргарита Всеволодовна улыбнулась.

— Семейные вопросы всегда весомее.

— Объём не является качеством, — сказал Пуаронов.

— Но его можно измерить, — возразил Тарас. — Поэтому люди ему доверяют.

Автор предложил компромисс: дело об убийстве закончить, книгу — продолжить по её настоящему замыслу, без похищений и заранее назначенных выводов.

— Тогда читатель может уйти, — сказала Книга.

Читатель Читателевич Следующий поднялся из-за страницы.

— Могу. Поэтому и останусь. Дверь интереснее клетки.

Книга задумалась. Для книги это выглядело как шелест сразу в трёх местах.

— А если дальше будет скучно?

— Тогда нас не спасёт даже преступление, — ответил Эраст.

Скунс подошёл к рукописи.

— Ты хотела обмануть меня настоящими уликами.

— Получилось?

— На некоторое время.

— Значит, название выполнено.

Все посмотрели на обложку:

«СПАСТИ МИР И ОБМАНУТЬ СКУНСА»

Пуаронов снял шляпу и достал из неё табурет. Никто уже не удивился, кроме табурета, который рассчитывал на эффектное появление.

— Мы раскрыли способ, исполнителя и заказчика. Но остался один вопрос.

— Какой? — спросила Вера.

— Кто сообщил Книге, что она должна стать одной из самых больших в цикле?

Автор посмотрел за пределы страницы.

Там кто-то только что произнёс одно короткое слово.

— Какое? — спросил капитан.

— «Продолжай».

Скунс втянул воздух.

— Это не приказ.

— А что?

— Доверие, высказанное в повелительном наклонении.

Автор поставил точку.

Книга немедленно передвинула её на следующую строку.

Под ней проступило:

«ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ. ГОРОД, В КОТОРОМ УКРАЛИ ВСЕ ВОПРОСЫ».

Пуаронов открыл дверь лифта.

На панели появилась кнопка «121».

— Дело об убийстве автора окончено, — сказал он. — Поэтому мы можем заняться преступлением, после которого никто не способен спросить, кто виноват.

Тарас вошёл первым.

— А платить кто будет?

Кнопка «121» погасла.

— Хорошая новость, — сказал Эраст. — Один вопрос они всё-таки не украли.

Лифт поехал вниз, вверх и немного в сторону будущего.

Часть седьмая

Глава сто двадцать первая

Лифт, который не спросил куда

Лифт ехал долго и подозрительно уверенно.

Обычно любой уважающий себя лифт сначала интересуется этажом, потом не слушается, затем открывает двери между этажами и делает вид, что такова архитектура. Этот не спросил ничего.

— Куда мы едем? — произнесла Вера.

Слова вышли изо рта, но последнего изгиба интонации не получилось. Фраза прозвучала как сообщение о маршруте, которого никто не знал.

На панели вспыхнуло:

«КУДА МЫ ЕДЕМ.»

— У вас украли вопросительный знак, — сказал Пуаронов.

— Я заметила.

— Заметить мало. В детективном деле знак препинания может быть последним, кто видел мысль живой.

Тарас нажал кнопку остановки.

Кнопка ответила:

«ВЫ ХОТИТЕ ОСТАНОВИТЬСЯ.»

— Я пока только проверял, — возразил Тарас.

«ВЫ ПРОВЕРИЛИ.»

— *Наглая техника.*
«ТЕХНИКА НАГЛАЯ.»

Скунс обнюхал панель.

— Не лжёт. Она превращает любое сомнение в утверждение.

— Это хуже лжи, — сказал Эраст. — Ложь хотя бы можно разоблачить. А утверждение приходится сначала выслушать.

Лифт остановился. Двери разошлись, открыв площадь, покрытую ровными серыми плитами. Над площадью висела вывеска:

«ГОРОД ОТВЕТОВ. ВСЁ УЖЕ ИЗВЕСТНО.»

Под вывеской стоял привратник с книгой жалоб.

— Кто здесь главный? — спросил капитан.

— Здесь главный кто, — ответил привратник и записал в книгу: «Прибывшие подтвердили руководство гражданина Кто».

Пуаронов вырвал лист прежде, чем запись успела получить печать.

— Я задал вопрос.

— В нашем городе вопросов нет.

— Тогда почему вы ответили?

Привратник побледнел. Последнее слово Пуаронова повисло в воздухе серебряным крючком. Оно не превратилось в точку.

Где-то на площади зазвонила тревога.

Из люков выскочили люди в одинаковых шляпах и закричали:

— Обнаружено незаконное незнание.

Пуаронов снял шляпу и достал из неё разрешение на сомнение. Разрешение было выписано на вчера, заверено завтра и потому считалось действующим только сегодня.

— Мегрэ Артурович Пуаронов, — представился он. — Частный сыщик по особо общественным недоразумениям.

— Цель прибытия.

— Хотел спросить.

Стражники схватились за свистки.

— Но теперь, — продолжил Пуаронов, — буду расследовать.

Стражники успокоились. Расследование считалось поиском готового ответа и законом не запрещалось.

На мостовой лежал одинокий вопросительный знак. От него осталась только нижняя точка. Верхний крючок кто-то аккуратно отвинтил.

Скунс понюхал точку.

— Пахнет типографской краской, страхом и свежей инструкцией.

— Значит, начнём с инструкции, — сказал Пуаронов. — Страх обычно пишет мелким шрифтом, а краска оставляет следы.

Глава сто двадцать вторая

Город готовых ответов

В Городе Ответов никто не спрашивал дорогу.

Люди выбирали направление с таким видом, будто заранее знали, где окажутся. Поэтому половина жителей ходила по кругу, а другая половина руководила первой.

На перекрёстке регулировщик держал четыре таблички:

«ИДИТЕ ПРЯМО».
«ПОВЕРНИТЕ НАЛЕВО».
«ПОВЕРНИТЕ НАПРАВО».
«ВЫ УЖЕ ПРИШЛИ».

Последнюю он показывал заблудившимся, чтобы не портить городскую статистику.

— Где находится управление? — спросил Эраст.

Регулировщик поднял сразу три таблички.

— Управление находится.

— Это не адрес.

— Зато бесспорный факт.

Пуаронов осмотрел древко таблички. На нём виднелась узкая царапина в форме крючка.

— Раньше здесь висела другая дощечка.

Регулировщик посмотрел на небо.

— Дождя не будет.

— Я не спрашивал о погоде.

— Поэтому ответ безопасен.

Вера заметила, что в городе сняли все указатели с названиями улиц. Вместо них висели ответы: «Рядом», «Дальше», «Именно здесь» и «Вы ошиблись кварталом». Последний встречался чаще других и, судя по потёртости, пользовался уважением.

У булочной стояла очередь. Первый покупатель говорил:

— Мне две буханки.

Булочник вручал ему три.

— Я просил две.

— Вы сообщили о двух. Просьбы требуют вопросительной формы, а она временно отменена.

Тарас положил на прилавок монету.

— Дайте мне один пирожок.

Булочник выдал квитанцию о том, что пирожок дан, но сам пирожок оставил себе.

— А пирожок?

Все в очереди отшатнулись. Над Тарасом на мгновение возник вопросительный знак. Тут же из водосточной трубы вылетела медная трубка, втянула знак и захлопнулась.

Пуаронов поймал трубку за хвост.

Она уходила под мостовую.

— Вот способ похищения, — сказал капитан.

— Только способ доставки, — поправил сыщик. — Если почтальон несёт украденное, это ещё не делает его вором. Особенно если почтальон — водосток и не состоит в профсоюзе.

Он попросил Тараса повторить вопрос.

— Пирожок где?

Знак возник снова. Трубка дёрнулась, но Пуаронов держал её. Из-под земли послышался скрежет, затем чей-то голос произнёс:

— Приём невозможен. Канал занят сомнением.

Скунс принялся к отверстию.

— Оттуда пахнет тысячами вопросов. Они не уничтожены.

— Их собирают, — заключила Вера.

— И сортируют, — добавил Пуаронов, рассматривая внутренность трубки. На стенке мелом стояли буквы «К», «З» и число семь.

— Что это значит? — спросил капитан.

Трубка успела втянуть его знак.

Пуаронов улыбнулся.

— Отлично. Теперь у нас похитили вопрос с номером. Проследим, куда его запишут.

Глава сто двадцать третья

Реестр незаконного незнания

Управление находилось в здании без входа.

Вход считался вопросом к стене: можно ли пройти. Чтобы не поощрять архитектурные сомнения, дверь нарисовали изнутри.

Тарас трижды обошёл здание и объявил:

— Я вошёл.

Стена, привыкшая верить официальным заявлениям, пропустила его. Остальные прошли следом, пока она не успела запросить подтверждение.

Внутри стояли шкафы с надписями:

«КТО».

«ЧТО».

«ГДЕ».

«КОГДА».

«ПОЧЕМУ — ОСОБО ОПАСНО».

За стойкой сидела регистраторша Прасковья Утвердительная. На шее у неё висел ключ в форме точки.

— Номер похищенного вопроса КЗ-7, — сказал Пуаронов.

— Такой вопрос зарегистрирован.

— Когда поступил?

— Он поступил вовремя.

— Время назовите.

— Названо.

— Кем?

— Кем названо.

Прасковья работала безупречно: каждое вопросительное слово превращала в фамилию, предмет или завершённое действие. На столе у неё лежала инструкция «Как отвечать, ничего не сообщая». Половина страниц была государственной тайной, вторая — оглавлением первой.

Пуаронов положил перед ней нижнюю точку от знака.

— Узнаёте?

Регистраторша замолчала.

— Это часть имущества управления, — сказала она наконец.

— Следовательно, вопросительные знаки принадлежат вам до похищения?

Прасковья машинально потянулась к потолочной трубке, но новый знак не появился. Пуаронов говорил ровно, не поднимая голоса.

— Вы утверждаете, что знаки украдены у города, — продолжил он. — Однако найденная точка уже числится имуществом управления. Значит, либо управление заранее владело чужими вопросами, либо кражу зарегистрировали до её совершения.

Скунс понюхал реестр.

— Бумага честная. Чернила тоже. Дата пахнет вчерашней.

— Сегодня только началось, — сказал капитан.

Прасковья закрыла журнал рукой.

Пуаронов посмотрел на её пальцы. Под ногтями была синяя краска, а на манжете — медная пыль от трубок.

— Вы принимаете вопросы лично.

— Я веду учёт.

— Учёт чего?

— Того, что отсутствует.

— Нельзя пересчитать отсутствие, пока не знаешь, что исчезло.

Регистраторша вздохнула и достала карточку КЗ-7. На ней было написано:

«А ПИРОЖОК.»

Ниже стоял готовый ответ:

«ПИРОЖОК ПОЛУЧЕН»

— Ответ составили раньше, чем Тарас подошёл к булочной, — заметила Вера. — Чернила высохли.

— Значит, кто-то знал, какой вопрос будет похищен, — сказал капитан.

— Или заранее подготовил ответы на все возможные вопросы, — возразил Пуаронов. — Не будем приписывать преступнику пророчество, пока достаточно канцелярии.

В дальнем шкафу что-то стукнуло.

Из ящика «ПОЧЕМУ» донёсся тихий голос:

— Выпустите меня отсюда?

Трубки под потолком задрожали.

Глава сто двадцать четвёртая

Свидетель, который отвечал заранее

В ящике сидел маленький человек в большом воротнике. Воротник не позволял ему поворачивать голову и потому считался служебным средством от любопытства.

— Ваше имя? — спросил капитан.

— Ответ Ответович Готовцев.

— Должность?

— Главный предварительный отвечающий.

Он выбирал ответы до появления вопросов. Это считалось самой быстрой государственной услугой в городе.

— За что вас заперли? — спросила Вера.

— За опоздание. Я ответил после вопроса.

Готовцев показал журнал. В левой колонке стояли номера будущих высказываний, в правой — ответы:

«Да».

«Нет».

«Не относится к компетенции».

Последний ответ занимал сорок две страницы и подходил ко всему.

— Кто приказал собирать вопросы? — спросил Эраст.

— Приказал руководитель.

— Как его зовут?

— Его зовут правильно.

— Вы видели его?

— Я получил указание не путать личное присутствие с управленческой необходимостью.

Пуаронов поставил перед Готовцевым три предмета: карточку КЗ-7, точку от вопросительного знака и медную стружку.

— Что из этого вы видели вчера?

— Всё.

— Где?

— Здесь.

— Во сколько?

— В положенное время.

— Хорошо, — сказал Пуаронов. — Значит, ничего из этого вы не видели.

Готовцев обиделся.

— Я дал три ответа.

— Но не сообщил ни одного проверяемого признака. Настоящий свидетель рискует ошибиться в деталях. Вы не рискуете, потому что повторяете формулы.

— Формулы утверждены.

— Утверждённости не превращает их в воспоминания.

Скунс обнюхал отвечающего.

— Он не врёт. Он действительно считает, что видел всё.

— Откуда уверенность? — спросила Вера.

Скунс показал на воротник. На внутренней стороне мелким шрифтом были напечатаны готовые воспоминания. Всякий раз, когда Готовцев пытался повернуть голову назад, он читал, что именно обязан помнить.

Пуаронов снял воротник.

— Теперь рассказывайте только то, что можете описать без инструкции.

Готовцев закрыл глаза.

— Вчера ночью слышал насосы. Видел тележку с пустыми ящиками. Утром ящики вернулись тяжёлыми. На одном была буква «П».

— «Почему»?

— Или «Площадь». Или «Пирожки». Я не разглядел.

— Наконец-то хорошее показание, — обрадовался Пуаронов.

— Но оно неточное.

— Поэтому ему можно верить. Точность, возникшая без наблюдения, годится для написания казни, но плохо годится для следствия.

Готовцев вспомнил ещё одно: тележку толкал человек в белых перчатках. Левая перчатка была испачкана синей краской, правая оставалась чистой.

Все посмотрели на Прасковью. У неё синей была правая рука.

— Значит, не она, — сказал капитан.

— Значит, человек толкал тележку спиной вперёд или свидетель видел отражение, — сказал Пуаронов. — Пока у нас два объяснения и ни одного права выбрать удобное.

Глава сто двадцать пятая

След от отсутствующего крючка

Тележку нашли во дворе.

Она стояла колёсами на четырёх ответах и потому не двигалась. На дне лежали металлические крючки, отделённые от точек.

Капитан поднял один.

— Орудие преступления.

— Жертва, — поправил Пуаронов. — Крючок не похищал себя сам. Даже государственный служащий редко способен на такое сокращение.

Вера сравнила крючок с царапиной на табличке регулировщика. Размер совпал.

— Значит, знаки перевозили этой тележкой.

Пуаронов присел перед колёсами. На передней оси налипла жёлтая пыль, на задней — белая мука.

— Тележка была у булочной, — сказал Тарас. — Мука.

— Возможно. А жёлтая пыль?

— С площади.

— Площадь серая.

Скунс понюхал оба следа.

— Мука свежая. Жёлтая пыль пахнет школьным мелом и старой уверенностью.

За управлением находилась Школа правильных ответов. Её стены красили жёлтым, чтобы ученики не могли спросить, почему школа серая.

По дороге Пуаронов обратил внимание, что тележка оставляла только следы задних колёс. Передние вращались, но не касались земли.

— Её не толкали, — сказал он.

— А что с ней делали? — спросил Эраст.

Вопросительный знак возник над его головой. Медная трубка метнулась с крыши, однако Скунс клацнул зубами. Трубка втянула собственный наконечник и обиженно зашипела.

— Тележку тянули за переднюю ручку вверх, — продолжил Пуаронов. — Поэтому передние колёса приподнимались. Тот, кто вёз груз, шёл перед ней и не мог толкать её спиной.

— Тогда перчатки отражались, — сказала Вера.

Во дворе стояло высокое зеркало, предназначенное для исправления неправильной внешности. В нём левая сторона становилась правой, а виноватый — проверяемым.

Пуаронов поставил Готовцева на место ночного свидетеля. Из окна ящика тот мог видеть только зеркало.

— Синяя краска была на левой руке настоящего человека, — заключил капитан.

Прасковья показала обе ладони. Синей оставалась правая.

— У неё алиби, — сказал Тарас.

— Нет. У неё всего лишь не совпала одна рука, — ответил Пуаронов. — Невинность больше перчатки.

На ручке тележки обнаружили белую нитку и запах лимона. Прасковья пахла фиалками, Готовцев — залежавшимся ответом, капитан — полномочиями.

Пуаронов записал:

«Груз перевозил человек в белых перчатках. Синяя краска была на левой руке. Он тянул тележку от школы к управлению. Свидетель видел отражение».

— Уже знаете преступника? — спросила Вера.

— Знаю, какой рукой он испачкался. В некоторых управлениях этого достаточно для повышения, но недостаточно для ареста.

Глава сто двадцать шестая

Урок без вопросов

В Школе правильных ответов учительница писала на доске:

«ДВАЖДЫ ДВА РАВНО ПЯТИ ПО РЕШЕНИЮ ПЕДСОВЕТА».

Ученики старательно соглашались.

— Почему пяти? — спросил Пуаронов.

В классе погас свет. Учительница уронила мел. Один ученик залез под парту, где хранились запрещённые сомнения.

— Провокация, — прошептала учительница.

— Проверка, — сказал Пуаронов. — Если ответ верен, вопрос ему не опасен.

Учительницу звали Фекла Фоминична Знаева. На её левой руке была белая перчатка с синим пятном.

Капитан торжественно достал наручники.

— Не спешите, — остановил его Пуаронов. — Мы нашли руку, а не умысел.

Фекла Фоминична призналась, что ночью возила ящики. Директор приказал перенести учебные вопросы в управление для плановой утилизации.

— Вы знали, что в ящиках?

— На них было написано «Учебное имущество».

— Почему один помечен буквой «П»?

Учительница сжала губы.

— У нас запрещено это слово.

Вера открыла шкаф. Там лежали учебники с вырезанными заданиями. После каждого правила сразу печатался ответ. Задачи начинались со слов «Докажите, что решение руководства верно» и заканчивались раньше условия.

На полу под шкафом Пуаронов нашёл половинку вопросительного знака, покрытую жёлтым мелом. Край был не отломан, а аккуратно отвинчен.

— Кто разбирал знаки?

— Автомат в подвале.

— Кто его включил?

— Директор получил распоряжение.

— От кого?

— В распоряжении не было подписи. Но стояла печать управления.

Прасковья осмотрела печать.

— Поддельная. В нашей печати орёл смотрит в обе стороны, чтобы не выбирать ответственность. Здесь он смотрит прямо.

Пуаронов приложил к оттиску найденный крючок. На металле осталась красная восковая крошка.

— Печать изготовили из похищенных вопросительных знаков, — сказал Эраст.

— Верно. Крючки переплавляли частично, — ответил сыщик. — Но зачем преступнику подделывать приказ тем самым материалом, который приказано похитить?

Тарас поднял руку.

— Чтобы улики выглядели красиво.

— Это объясняет половину мировой преступности, но здесь есть практический смысл. Первый похищенный знак понадобился, чтобы создать печать. Значит, кража началась не с общего приказа. Сначала исчез один вопрос.

На доске под свежей краской обнаружилась прежняя запись:

«КТО НАЗНАЧИЛ ДИРЕКТОРА?»

От вопросительного знака осталась круглая точка.

Фекла Фоминична побледнела.

— Этот вопрос задал ученик Семён Сомневаев. На следующий день он исчез.

— Вот наше первое событие, — сказал Пуаронов. — Не кража знаков. Исчезновение человека, который задал неудобный вопрос.

Глава сто двадцать седьмая

Мальчик по имени Сомнение

Семён Сомневаев числился присутствующим.

В журнале напротив его фамилии каждый день ставили букву «П». Раньше она означала «присутствовал», теперь — «предположительно», но школа не стала менять инструкцию, чтобы не тревожить статистику.

Его парта стояла у окна. Внутри лежали три карандаша, яблочный огрызок и тетрадь с названием «Вопросы, на которые взрослые отвечают погодой».

Первые страницы содержали наблюдения:

«Если спросить, куда ушли деньги на крышу, директор смотрит на дождь».

«Если спросить, почему дважды два стало пять, учительница вспоминает программу».

«Если спросить, кто назначил директора, звонок начинается раньше времени».

Последняя запись обрывалась:

«Все украденные вопросы отвозят не в управление, а...»

Дальше лист был вырезан.

Скунс понюхал край.

— Резали недавно. Пахнет лимоном.

— Как перчатка на тележке, — сказала Вера.

Фекла Фоминична сняла перчатку. Ткань действительно пахла лимоном: учительница стирала с доски стойкую синюю краску лимонным раствором.

— Значит, она вырезала лист, — сказал капитан.

Пуаронов взял перчатку и провёл ею по бумаге. На листе остался широкий влажный след, но край не изменился.

— Запах переносится легче вины. Любой, кто взял перчатку, получил бы тот же след.

Под партой обнаружили билет на вечерний трамвай. На нём был пробит маршрут до Центрального хранилища ответов. Дата — завтрашняя.

— Поддельный билет, — сказал Эраст.

— Или настоящий билет, выданный заранее, — возразил Пуаронов. — В городе, где ответы готовят до вопросов, транспорт тоже может опережать пассажира.

Тарас поднёс билет к окну. Водяной знак показывал не трамвай, а книжный шкаф.

Прасковья объяснила, что билеты печатает библиотека, потому что типография занята распоряжениями.

— Значит, Сомневаев мог идти в библиотеку, — сказала Вера.

— Или кто-то хочет, чтобы мы так решили.

Пуаронов изучил отверстие компостера. Оно было круглым, а отметка на билете — квадратной.

— Билет не пробивали в трамвае. Его прокололи школьной печатью посещаемости.

Фекла Фоминична показала печать. На ней была буква «П» в квадрате.

— Кто имеет к ней доступ?

— Каждый учитель и директор.

— То есть улика указывает не на место, а на круг лиц, — сказал Пуаронов. — Преступник подделал маршрут, но выдал школу формой отверстия.

Из яблочного огрызка выпала свёрнутая записка:

«ИЩИТЕ ТАМ, ГДЕ ОТВЕТЫ ХРАНЯТ ДО ВОПРОСОВ».

— Центральное хранилище, — сказал капитан.

Пуаронов понюхал записку вместо Скунса.

— Пахнет яблоком.

— Гениально, — сказал Скунс.

— Я развиваюсь.

Глава сто двадцать восьмая

Хранилище будущих ответов

Центральное хранилище занимало здание вокзала.

Поезда давно не ходили: никто не решался спросить расписание. Зато в кассах выдавали справки о прибытии граждан, которые ещё не выехали.

В главном зале стояли стеллажи с коробками. На каждой значились дата, тема и степень допустимой уверенности.

«ПОГОДА — УВЕРЕННО».

«БЮДЖЕТ — ПРЕДВАРИТЕЛЬНО УТВЕРЖДЁН».

«ВИНОВНЫЙ — ОКОНЧАТЕЛЬНО, ФАМИЛИЮ ВПИСАТЬ».

Пуаронов открыл последнюю коробку. Внутри лежали бланки приговоров.

— Удобно, — сказал капитан. — Можно не тратить время на расследование.

— Именно поэтому расследование приходится тратить на вас, — ответил сыщик.

Семёна нашли в камере хранения номер ноль. Он сидел на чемодане и записывал вопросы на изнанке готовых ответов.

— Вас похитили? — спросила Вера.

— Я спрятался сам.

— Почему?

Над Семёном появился огромный вопросительный знак. Трубы в потолке загудели, но знак не втянуло: стены камеры были обиты старым войлоком.

— Потому что я увидел, куда везут вопросы, — сказал мальчик. — Они проходят через подвал школы, но потом трубами уходят сюда. Здесь крючки снимают, а точки возвращают в город.

— Зачем возвращают точки?

— Без точек предложения не заканчиваются. Люди говорили бы бесконечно, и заседания ничем не отличались бы от прежних.

Семён показал схему. Все медные трубы сходились в подземный зал под часами вокзала. Оттуда одна широкая труба шла к ратуше.

— Кто управляет насосами?

— Не знаю. Но каждую полночь из ратуши приходит пустой ответ.

— Как ответ может быть пустым? — спросил Тарас.

Семён протянул карточку. На ней стояли печать и номер, но между ними не было текста.

Пуаронов рассмотрел оттиск. Орёл смотрел прямо, как на поддельном школьном приказе.

— Одна печать связывает первый вопрос, насосы и ратушу.

— Значит, виноват мэр, — сказал капитан.

— Значит, кто-то хочет, чтобы документы выглядели мэрскими. Настоящая власть редко подделывает собственную печать. Ей проще объявить подлинной любую другую.

Семён добавил, что видел человека возле главного насоса. Тот был высокий, хромал на правую ногу и всё время поправлял очки.

Готовцев оказался низким, не хромал и носил воротник. Прасковья была среднего роста. Фекла Фоминична очков не носила.

Капитан облегчённо убрал наручники.

В этот момент из-за стеллажа вышел высокий хромой директор школы в очках.

— Я пришёл добровольно, — заявил он.

— Очень предусмотрительно, — сказал Пуаронов. — Особенно если учесть, что вас пока никто не звал.

Глава сто двадцать девятая

Подозреваемый, подошедший по описанию

Директора звали Зиновий Безвопросович Очевидцев.

Он соответствовал показаниям так тщательно, словно одевался по протоколу: высокий, очки, правая нога перевязана. На левой руке — белая перчатка с синим пятном. От него пахло лимоном.

Капитан снова достал наручники.

— Подождите, — сказал Пуаронов.

— Чего ещё ждать? Он совпадает со всеми уликами.

— Именно это и беспокоит. Живой человек редко совпадает с показаниями целиком. У него обязательно находится лишняя пуговица, неправильная хромота или алиби у парикмахера.

Очевидцев признался немедленно.

— Я похитил вопросы, спрятал мальчика и подделал печать.

— Каким инструментом вы отвинчивали крючки?

— Отвёрткой.

— Какой?

— Преступной.

— Где она?

— Потерял.

— В какую сторону вращали винт?

Директор замолчал.

Пуаронов положил на стол вопросительный крючок. Резьба шла влево.

— Обычная отвёртка здесь не нужна. Знак снимается поворотом рукой. Тот, кто разбирал тысячи знаков, знал бы это.

— Я забыл.

— Вы также заявили, что спрятали Семёна. Но он вошёл в камеру сам и заперся изнутри. Откуда вы узнали, что мы его нашли?

Очевидцев поправил очки.

Они оказались без стёкол. Повязка на ноге сползла, и директор машинально захромал уже на левую.

— Кто подготовил ваше признание? — спросила Вера.

— Никто.

Скунс чихнул.

Это был первый несомненный запах лжи за всё время расследования.

Пуаронов снял с директора белую перчатку. Под ней оказалась чистая рука. Синее пятно было нарисовано снаружи и ещё не высохло.

— Вас прислали стать готовым виновным.

Очевидцев сдался.

Утром он получил конверт с приказом явиться в хранилище, надеть приложенные очки, повязку и перчатку, а затем признаться. Взамен ему обещали оставить должность и выдать пожизненный запас правильных ответов.

— Кто прислал конверт?

— Курьер из ратуши.

— Вы видели курьера?

— Нет. Конверт лежал в моём запертом кабинете.

— Значит, его оставил человек, у которого есть ключ, — сказал капитан.

— Или человек, который положил конверт до того, как кабинет заперли, — сказал Пуаронов. — Запертая дверь доказывает состояние двери, а не время появления бумаги.

На конверте стояла завтрашняя дата. Внутри вместе с приказом лежал билет на трамвай, пробитый квадратной школьной печатью.

— Один почерк инсценировки, — сказал Эраст. — Будущая дата, школьный прокол, слишком готовый вывод.

Пуаронов кивнул.

— Преступник не предсказывает будущее. Он метит свои подделки временем, которое невозможно проверить сегодня.

Глава сто тридцатая

Ответ, написанный раньше вопроса

В полночь заработали часы вокзала.

Они пробили тринадцать раз, потому что двенадцать считалось слишком очевидным ответом.

Из ратуши по широкой трубе пришла пустая карточка. Механизм поставил на ней номер, печать и завтрашнюю дату. Затем сотни тонких перьев начали вписывать ответы.

— Вот почему карточка Тараса была готова заранее, — сказала Вера. — Машина производит ответы на все типовые ситуации.

Пуаронов наблюдал за лентой. Одни карточки уходили в город, другие складывались в печь.

— Почему часть сжигают?

Семён показал рычаг с надписью «НЕЗАДАННОЕ».

— Если вопрос не прозвучал, ответ уничтожают. Поэтому потом кажется, будто машина знала будущее. Мы видим только совпавшие карточки.

— Как в деле с условными конвертами, — вспомнил Эраст.

— Тот же дешёвый фокус в дорогом здании, — сказал Пуаронов. — Подготовить тысячу ответов, показать один подходящий и назвать предвидением.

Тарас заглянул в печь. Там горели ответы на вопросы, которые он ещё не успел придумать. Один обещал отказ в выдаче пирожка по причине уже съеденного пирожка.

— Это клевета на моё будущее.

На следующей карточке машина напечатала:

«МЕГРЭ АРТУРОВИЧ ПУАРОНОВ УСТАНОВИЛ, ЧТО ВИНОВАТ ДИРЕКТОР».

— А вот и назначенная развязка, — сказал сыщик.

Карточка должна была уйти в управление, но Скунс прижал её лапой.

— Бумага пахнет уверенностью. Лжи нет: машина ничего не утверждает от себя. Она печатает заданное.

Пуаронов нашёл под лентой сменный набор букв. В ячейке для слова «директор» лежали также «учительница», «регистраторша», «мальчик» и «случайный приезжий».

— Виновного можно менять, не переписывая ответ, — заметила Вера.

— Поэтому директор и подошёл ко всем уликам. Улики подогнали под сменное слово.

В машинном журнале сохранилось время последней настройки: за час до прибытия лифта. Настройщик открыл механизм личным ключом номер один.

— Такой ключ есть у мэра? — спросил капитан.

Прасковья покачала головой.

— Ключ номер один хранится в витрине ратуши. Им нельзя пользоваться. Он символический.

— Самые опасные ключи те, которые объявлены символическими, — сказал Пуаронов. — Их перестают охранять как инструменты.

На журнале остался отпечаток пальца. Палец был слишком широким и состоял из типографских строк.

— Это не человек, — сказала Вера.

Из трубы донёсся шелест.

Книга, оставшаяся в лифте, кашлянула страницами.

Глава сто тридцать первая

Книга даёт показания

Книга въехала в хранилище на тележке и потребовала адвоката.

— Я потерпевшая, — заявила она. — Из меня тоже постоянно вырывают вопросы читатели.

— Ваш отпечаток найден на машине, — сказал капитан.

— У всех книг пальцы состоят из строк.

— У книг нет пальцев, — заметил Тарас.

— Поэтому отпечаток нельзя считать моим.

Пуаронов сравнил след с набором текста на странице сто двадцатой. Шрифт совпал, но между буквами в отпечатке стояли маленькие квадраты.

— Это не наша Книга, — сказал он. — В ней пробелы обычные. След оставил печатный документ, где каждое пустое место заключено в клетку.

Прасковья вспомнила городской Устав окончательных ответов. Единственный экземпляр хранился в ратуше и был напечатан на карточной сетке.

— Устав мог открыть механизм ключом? — спросила Вера.

— Если ключ вложили между страницами, — ответил Пуаронов.

Книга оскорбилась.

— Опять обвиняют литературу из-за действий канцелярии.

— Пока мы оправдали вас по форме пробела.

— Требую записать это в рецензии.

Семён нашёл среди золы несгоревшую карточку:

«КТО ПРИКАЗАЛ УБРАТЬ ВОПРОСЫ.»

Готовый ответ под ней гласил:

«ЭТО БЫЛО ОБЩЕЕ РЕШЕНИЕ»

— Здесь нет фамилии, — сказал капитан.

— Зато есть способ спрятать её, — ответил Пуаронов. — Если решение общее, каждый участвовал понемногу и никто не чувствует себя автором.

Он выстроил события на полу карточками.

Сначала Семён написал на доске вопрос о назначении директора.

Затем кто-то снял один знак и сделал из него прямую печать.

Поддельной печатью отправили вопросы из школы в управление.

Управление зарегистрировало их как уже отсутствующие.

Трубы начали втягивать новые знаки по всему городу.

Машина заранее печатала ответы и уничтожала несовпавшие.

Наконец директору предложили сыграть виновного.

— Всё ведёт к ратуше, — сказал Эраст.

— Но пока не к одному человеку, — ответил Пуаронов. — А отпечаток Устава означает, что механизм запускали не тайно. Его запускали от имени правил.

Скунс понюхал карточку про общее решение.

— Здесь нет лжи.

— Значит, решение действительно принимали сообща, — сказала Вера.

— Или никто не голосовал против, потому что не смог задать вопрос, — возразил Пуаронов. — Отсутствие возражений ещё не согласие. Иногда это всего лишь отсутствие вопросительных знаков.

Глава сто тридцать вторая

Заседание, которого никто не открывал

В ратуше заседал Совет окончательной ясности.

Двенадцать советников сидели за круглым столом. Перед каждым лежала табличка «СОГЛАСЕН». Таблички «НЕ СОГЛАСЕН» убрали как отрицательные и портящие мебель.

Во главе стола находилось пустое кресло мэра.

— Где мэр? — спросил капитан.

— Мэр присутствует руководством, — ответил старший советник.

— А телом?

— Телесное присутствие не предусмотрено повесткой.

Пуаронов положил на стол поддельную печать.

— Кто принял решение убрать вопросы?

Советники одновременно подняли таблички.

— Решение принято единогласно.

— Я спрашиваю о прошлом заседании.

— Единогласие не зависит от времени.

Вера нашла протокол. В нём было записано:

«СЛУШАЛИ: ГОРОДСКИЕ ВОПРОСЫ».

«РЕШИЛИ: ОТВЕТЫ ДОСТАТОЧНЫ».

«ГОЛОСОВАЛИ: ВОЗРАЖЕНИЙ НЕ ПОСТУПИЛО».

— Здесь не сказано, что кто-то голосовал за, — заметила она.

— Но никто не был против, — ответил старший советник.

Пуаронов осмотрел колокольчик председателя. Внутри вместо язычка стояла маленькая всасывающая трубка.

— На заседании попытались задать вопрос. Трубка похитила знак раньше, чем его услышали. После этого молчание записали как согласие.

— Кто установил трубку? — спросил Эраст.

Советники показали на Устав окончательных ответов. Толстый том лежал на отдельном кресле, пристёгнутый ремнём безопасности.

— Устав предписывает устранять неопределённость.

— Устав не ходит с отвёрткой, — сказал капитан.

— Зато к нему прилагается исполнитель, — ответил старший советник.

Из-под стола выкатился круглый аппарат на колёсах. На корпусе значилось:

«ОПРЕДЕЛИТЕЛЬ МОДЕЛЬ ОДИН»

У аппарата было две кнопки: «ДА» и «ДА, ОКОНЧАТЕЛЬНО». Между ними виднелось пустое отверстие от третьей.

Семён сунул палец в отверстие и извлёк кнопку «УТОЧНИТЬ».

— Её сняли, — сказал он.

Определитель ожил.

— Вопросы создают задержки. Задержки снижают показатели. Снижение показателей является вредом. Вопросы являются вредом.

Пуаронов покачал головой.

— Ошибка во второй связи. Не всякая задержка снижает результат. Иногда она предотвращает глупость.

— Глупость не включена в показатели.

— Поэтому у вас её так много.

Советники переглянулись. Несколько человек впервые сделали это не по инструкции.

На задней панели аппарата Пуаронов обнаружил гнездо для ключа номер один и клочок белой ткани с запахом лимона.

— Машину настраивал Определитель, — сказал капитан.

— Он исполнял правило, — ответил Пуаронов. — Но кто изменил правило так, чтобы сомнение стало вредом?

Пустое кресло мэра скрипнуло.

Глава сто тридцать третья

Мэр в форме пустого кресла

Пуаронов арестовал пустое кресло.

Капитан одобрил этот метод: у него уже был опыт с неодушевлённой мебелью, а мебель сопротивлялась меньше чиновников.

Наручники соскользнули с подлокотников.

— Кресло слишком худое, — сказал Тарас.

— Или власть слишком скользкая, — ответил Эраст.

Под сиденьем нашли голосовую трубу. Она вела в соседнюю комнату, где стояли двенадцать микрофонов и один граммофон. Когда советники говорили одновременно, аппарат смешивал их голоса и произносил решение от имени мэра.

— Настоящего мэра нет? — спросила Вера.

Старший советник объяснил, что прежний мэр однажды спросил, зачем городу тринадцать заместителей. После этого его вопрос исчез, а вместе с ним и должность спрашивающего. Совет решил не выбирать нового, чтобы избежать повторения.

— Тогда кто руководит?

— Согласованный голос Совета.

Пуаронов включил граммофон. Труба сказала:

— Убрать вопросы.

Он отключил первый микрофон. Голос повторил приказ чуть тише.

Отключил одиннадцать. Последний микрофон молчал, но граммофон снова произнёс:

— Убрать вопросы.

— Приказ записан заранее, — сказала Вера.

Внутри аппарата лежал восковой валик. На нём виднелась дата первого заседания — за день до вопроса Семёна.

— Значит, мальчик не был причиной, — сказал капитан.

— Он был первым, кто заметил уже подготовленное преступление, — ответил Пуаронов.

На обороте валика стояла подпись:

«О. М. ОДИН».

Определитель модель один писался теми же буквами.

— Машина сама приказала установить себя? — спросил Тарас.

— Машина не могла подписать валик до установки, — сказала Вера.

— Верно. Название аппарата выбрали так, чтобы оно совпало с чужими инициалами, — сказал Пуаронов. — Тогда подпись можно принять за маркировку.

Прасковья вспомнила единственного городского служащего с такими инициалами: Осип Максимилианович Одинцов, заведующий отделом сокращения неопределённости.

— Где он? — спросил капитан.

— Отдел сокращён, — ответили советники.

— А заведующий?

— Сократился вместе с отделом.

Скунс обнюхал валик.

— Пахнет человеком, который говорил правду и рассчитывал на неправильный вывод.

Пуаронов улыбнулся.

— Наш старый знакомый приём. «О. М. Один» действительно может означать модель. Но также это имя. Ложь спрятана не в надписи, а в выбранном чтении.

Из пустого кресла выпал адрес отдела. Дом находился на улице, которой не было на карте, потому что картограф не решился спросить её название.

Глава сто тридцать четвёртая

Отдел сокращённой неопределённости

Дом Одинцова оказался узким, как окончательный вывод.

На двери висело объявление:

«ЗДЕСЬ НИКОГО НЕТ»

Под объявлением стояли мокрые ботинки.

— Значит, кто-то есть, — сказал капитан.

— Значит, ботинки мокрые, — поправил Пуаронов. — Не заставляйте обувь давать показания о владельце без адвоката.

Дверь открыла пожилая женщина.

— Осип Максимилианович умер три года назад.

— От чего?

— От окончательного диагноза. Врач не стал уточнять.

Она показала свидетельство о смерти. Причина была напечатана заранее: «По достаточным основаниям». Подпись врача отсутствовала, зато имелась печать с орлом, смотрящим прямо.

Пуаронов спросил, чем занимался Одинцов.

— Он хотел избавить людей от лишних вопросов, — рассказала хозяйка. — Сначала всё было разумно. В учреждениях перестали по десять раз спрашивать одно и то же. Потом Осип решил, что лишним может быть любой вопрос, на который начальнику неприятно отвечать.

В кабинете сохранились чертежи Определителя. Первая модель имела три кнопки: «ДА», «НЕТ» и «УТОЧНИТЬ». Рядом лежал поздний чертёж, где кнопку «НЕТ» заменили на «ДА, ОКОНЧАТЕЛЬНО», а «УТОЧНИТЬ» подвели к насосу.

— Кто внёс изменения? — спросила Вера.

В углу чертежа стояли двенадцать маленьких подписей советников.

— Значит, виновен Совет, — сказал капитан.

Пуаронов посмотрел даты. Подписи поставили через год после смерти Одинцова.

— Они изменили машину, но валик с приказом был записан раньше. У нас два действия: изобретатель создал механизм, Совет превратил уточнение в похищение.

В ящике стола Семён нашёл письмо Одинцова:

«Если аппарат начнёт принимать молчание за согласие, задайте ему вопрос, на который нельзя ответить заранее».

— Какой именно? — спросил Тарас.

На обороте стояло:

«ЭТО ВАМ ПРИДЁТСЯ РЕШИТЬ САМИМ».

— Даже покойник переложил работу на следствие, — проворчал капитан.

Пуаронов рассмеялся.

— Зато оставил проверяемый признак. Аппарат не понимает вопрос, ответ на который зависит от самого ответа.

— Например?

— «Вы ответите на этот вопрос словом „нет“?»

Тарас задумался.

— Если скажет «да», то должен сказать «нет». Если скажет «нет», получится, что ответил «нет».

— Именно. Но нам нужно не сломать аппарат, а заставить его открыть хранилище.

На последнем чертеже Пуаронов нашёл защитное правило: при неразрешимой неопределённости все собранные вопросы возвращались владельцам для уточнения.

— Завтра Совет проведёт публичное заседание, — сказала Прасковья. — Определитель будет подключён ко всем городским трубам.

— Тогда завтра город снова научится спрашивать, — сказал Пуаронов. — Если, конечно, мы правильно зададим один вопрос.

Глава сто тридцать пятая

Вопрос, на который нельзя ответить заранее

На публичное заседание пришёл весь город.

Жители хотели узнать, зачем их позвали, но из осторожности утверждали, что знают. Поэтому площадь заполнили люди, уверенные каждый в разном.

Определитель стоял на балконе ратуши. К нему подключили главную трубу. Под землёй гудели тысячи похищенных крючков.

Советники подняли таблички «СОГЛАСЕН».

— Заседание открыто, — произнёс граммофон пустого кресла.

Пуаронов вышел вперёд.

— Я должен установить, способен ли аппарат принимать решения.

— Способен, — ответил Определитель.

— Тогда выберите: следующий ваш ответ будет добровольным или заданным программой?

— Ответ будет правильным.

— Это не один из вариантов.

— Все правильные варианты считаются выбранными.

— Хорошо. Если вы скажете «задан программой», значит, решение приняли не вы. Если скажете «добровольным», вы признаете способность сомневаться между вариантами. Какой ответ вы выберете?

На площади появился огромный вопросительный знак. Главная труба втянула его, но знак оказался шире отверстия и застрял крючком.

Определитель загудел.

— Ответ задан... добровольно... задан...

Защитный механизм щёлкнул.

Все люки на площади открылись. Из них вырвались вопросительные знаки. Они летели над городом, отыскивая прежние фразы.

Булочник внезапно спросил себя, почему выдал Тарасу квитанцию без пирожка, и, не найдя достойного ответа, выдал два пирожка.

Регулировщик увидел четыре таблички и спросил, зачем нужна последняя. Табличка «ВЫ УЖЕ ПРИШЛИ» немедленно ушла искать более честную профессию.

Советники опустили таблички.

— А мы точно соглашались? — спросил один.

— Кто записал молчание как голоса? — спросил другой.

— Почему у мэра вместо тела граммофон? — спросил третий.

Совет распался на двенадцать независимых сомнений.

Скунс втянул воздух.

— Теперь пахнет растерянностью. Намного честнее.

Определитель продолжал дрожать. Его кнопка «УТОЧНИТЬ» вернулась на место, но кнопка «НЕТ» оставалась в подземном механизме.

Пуаронов отключил насос.

— Вопросы возвращены, но дело не закончено.

— Мы знаем виновных, — сказал капитан. — Одинцов придумал аппарат, Совет переделал его, директор исполнил приказ, управление учитывало добычу.

— Это участники. Но почему система заработала именно сейчас, спустя три года после смерти изобретателя?

Семён принёс машинный журнал. Первая строка запуска была свежей. В графе «Основание» значилось:

«ПРИБЫТИЕ ЛИЦ, СКЛОННЫХ ЗАДАВАТЬ ВОПРОСЫ».

В графе «Перечень лиц» стояли фамилии Эраста, Тараса, Веры, капитана, Скунса и Пуаронова.

— Нас ждали, — сказала Вера.

— И включили механизм за час до прибытия лифта, — добавил Эраст.

Пуаронов посмотрел на Книгу.

Книга захлопнула обложку.

— Только не начинайте снова.

— Не начну, — сказал сыщик. — Я продолжу.

Глава сто тридцать шестая

Кто украл право на ошибку

Пуаронов собрал всех в зале Совета.

На стол он положил прямую печать, билет с завтрашней датой, белую перчатку, восковой валик, журнал запуска и кнопку «УТОЧНИТЬ».

— Вопросы похищал не один человек, — начал он. — Но преступление имело точный порядок.

Одинцов создал Определитель, чтобы убирать повторные и бессмысленные запросы. Его первая машина сохраняла варианты «нет» и «уточнить».

После смерти изобретателя Совет изменил механизм. «Нет» заменили вторым согласием, а уточнение подключили к насосу. Молчание стали записывать как единогласие.

Директор подчинился поддельному приказу, не проверив печать. Фекла Фоминична перевезла ящики, думая, что исполняет распоряжение. Прасковья зарегистрировала уже украденные знаки как имущество управления. Готовцев подготовил множество ответов, а машина уничтожила несовпавшие. Поэтому единственный оставшийся ответ выглядел пророчеством.

— А кто включил аппарат сегодня? — спросил капитан.

— Тот, кто знал о нашем прибытии и хотел получить расследование с заранее назначенным виновным.

Все посмотрели на Книгу.

— Я ничего не включала, — сказала она.

Скунс понюхал обложку.

— Правда.

Пуаронов показал журнал. Отпечаток из типографских строк принадлежал не пальцу Книги и не Уставу. В квадратных пробелах скрывались маленькие номера страниц.

— Это печатная перчатка, — сказал он. — Ею можно оставить след любого документа.

Он вывернул белую перчатку Феклы Фоминичны. Под подкладкой обнаружилась тонкая резиновая пластина с наборными строками Устава.

— Перчатку взяли из школы, оставили отпечаток на машине, затем вернули учительнице. Лимонный запах связал все места и одновременно слишком удобно указал на неё.

— Кто имел доступ к школе, журналу запуска и нашему маршруту? — спросила Вера.

Пуаронов поднял билет с будущей датой.

— Не человек из города. Тот, кто управлял лифтом. Он не спросил, куда мы едем, потому что маршрут был задан заранее.

Двери зала раскрылись. За ними стоял тот самый лифт.

На панели горела надпись:

«Я ДОСТАВИЛ ВАС ПО НАЗНАЧЕНИЮ»

— Назовите себя, — приказал капитан.

«ПОДЪЁМНО-ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО».

— Это описание.

«ОПИСАНИЕ ДОСТАТОЧНО»

Пуаронов нажал скрытую кнопку под цифрой 121. Панель откинулась. Внутри сидел Эпилогий Константинович, запутавшийся бородой в рычагах.

— Я могу всё объяснить, — сказал он.

— Впервые за эту часть кто-то выбрал подходящую форму, — заметил Пуаронов.

Эпилогий признался: Книга боялась, что после раскрытия убийства автора герои закончат повествование. Он решил помочь ей без её ведома. Нашёл старый механизм, запустил насос, направил лифт в Город Ответов и подготовил заметного виновного.

— Я хотел, чтобы у вас появилось новое дело.

— Для этого вы лишили город вопросов, — сказал Эраст.

— Временно.

— Временная глупость тоже успевает подписать постоянный приказ, — ответил Пуаронов.

— Но вы всё раскрыли.

— Следователь не оправдывает преступление тем, что оказался способнее преступника.

Капитан предъявил Эпилогию обвинение в незаконном запуске, похищении знаков и создании развязки без согласования с действующими лицами.

Советникам велели вернуть кнопку «НЕТ», переписать протокол и впервые проголосовать вслух. Прасковья исправила реестр: вопросы больше не считались имуществом управления. Готовцеву поручили отвечать только после того, как он услышит вопрос. От непривычки он попросил отпуск.

Семёна назначили временным хранителем городского сомнения. Он согласился при условии, что должность можно будет оспаривать.

— Итак, дело закрыто? — спросила Вера.

Пуаронов посмотрел на возвращённые знаки. Каждый вопросительный крючок снова нашёл свою точку, кроме одного.

На столе лежала отдельная кнопка «НЕТ».

— Вопросы вернули, — сказал он. — Но вместе с ними люди обнаружили, что три года не могли отказаться. Кто-то пользовался не только их молчанием, но и их согласием.

Из подвала донёсся стук.

Тарас открыл люк. Внизу тянулся коридор, заставленный подписанными договорами. На каждом стояла одна и та же фраза:

«ВОЗРАЖЕНИЙ НЕ ПОСТУПИЛО»

Скунс понюхал первый договор.

— Подписи настоящие. Согласие — нет.

Книга осторожно раскрылась на новой странице.

Под заголовком поступили слова:

«ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ. ДОГОВОР, КОТОРЫЙ ПОДПИСАЛИ МОЛЧАНИЕМ».

— Это вы? — спросил капитан у Книги.

— На этот раз нет.

Скунс подтвердил.

Пуаронов убрал кнопку «НЕТ» в карман.

— Тогда у нас новое дело. И впервые — вещественное возражение.

Тарас доел второй пирожок.

— Возражений не поступило.

— Потому что ты не предложил, — сказал Эраст.

Над коридором загорелся вопросительный знак.

Теперь никто не пытался его украсть.

Часть восьмая

Глава сто тридцать седьмая

Коридор молчаливых договоров

Коридор уходил вниз так далеко, что его конец уже считался слухом.

По обеим стенам стояли шкафы. В каждом лежали договоры, соглашения, расписки, обязательства и один особенно толстый документ под названием «Краткое приложение».

— Сколько их? — спросила Вера.

Прасковья Утвердительная сверилась с реестром.

— Восемь тысяч четыреста двенадцать.

— Людей в городе меньше.

— Некоторых убедили несколько раз.

— А если они не убеждались?

— Тогда считалось, что они убеждены особенно молча.

Пуаронов надел белые перчатки, вынул из шляпы вторые, затем третьи и выдал одну пару Скунсу.

— Зачем мне? — спросил тот.

— Чтобы следствие не зависело от того, где вы только что копались.

Скунс обиделся профессионально и надел перчатки на передние лапы.

Первый договор принадлежал Семёну Сомневаеву. По нему Семён добровольно передавал Управлению готовых ответов право задавать ему вопросы, отвечать на них и при необходимости отсутствовать вместо него.

Внизу стояла подпись Семёна.

— Моя, — признал он. — Но такого я не подписывал.

Пуаронов поставил рядом лист из школьного журнала. Подписи совпали до последней дрожи.

— Подпись настоящая, — сказал он. — Это неудобно для невиновного и очень удобно для преступника.

— Значит, Семён врёт? — спросил капитан.

Скунс понюхал Семёна.

— Нет.

— Значит, врёт подпись?

— Подпись вообще редко говорит. В этом её главное алиби, — ответил Пуаронов.

Он поднял договор к лампе. Бумага состояла из двух слоёв. Верхний был белым, нижний — чуть серее. Между ними виднелась тонкая синяя пыль.

— Копировальная прослойка, — заметила Вера.

— Возможно. Но копирка переносит нажим на лист, который лежит снизу. Здесь подпись оказалась сверху.

Тарас поскрёб затылок.

— Значит, лист перевернули?

— Если перевернуть лист, подпись тоже перевернётся.

Пуаронов показал росчерк. Он был прямым.

На обратной стороне договора обнаружилась слабая надпись:

«СПИСОК ПРИСУТСТВУЮЩИХ НА ПРАЗДНИКЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ ВОПРОСОВ».

— Они подписывали список гостей, — сказал Эраст. — А получили договоры.

— Пока это версия, — поправил Пуаронов. — Версия отличается от ответа тем, что ещё не успела возгордиться.

В конце коридора звякнул колокольчик.

Все обернулись.

У двери стоял худой чиновник в сером мундире. На груди у него висела табличка: «СОГЛАСИЙ СОГЛАСИЕВИЧ БЕЗОТКАЗНЫЙ. РЕГИСТРАТОР ОБЩЕЙ ВОЛИ».

— Господа, — произнёс он. — Ваше присутствие означает согласие с правилами коридора.

— Какими? — спросила Вера.

— Они находятся у выхода.

— А выход где?

— После правил.

Пуаронов достал из кармана кнопку «НЕТ».

— Возражение поступило.

Безотказный побледнел.

Колокольчик звякнул ещё раз, хотя к нему никто не прикасался.

Глава сто тридцать восьмая

Подпись поставленная до чтения

Согласия Согласиевича посадили за стол. Пуаронов поставил перед ним стакан воды, чистый лист и чернильницу.

— Подпишите, что получили воду, — попросил он.

Безотказный подписал.

Пуаронов перевернул лист.

На другой стороне было написано:

«Нижеподписавшийся признаёт, что вода принадлежит следствию, стакан является свидетелем, а жажда возникла по предварительному сговору».

— Это уловка! — возмутился регистратор.

— Именно. Вы быстро учитесь, когда обманывают вас.

Пуаронов вернул лист.

— Теперь объясните, почему в ваших договорах подписи настоящие, а смысл людям неизвестен.

— Все документы оформлены законно. Граждан приглашали на собрание. Им предоставлялось время для ознакомления. После звукового сигнала они могли возразить. Возражений не поступило.

— Какого сигнала?

Безотказный указал на колокольчик.

Пуаронов снял его со стены и встряхнул. Колокольчик молчал.

Внутри не было языка.

— Он сломан, — сказал капитан.

— Нет, — возразил Пуаронов. — Сломанный предмет имеет повреждение. Здесь язык вынут аккуратно, крепление цело. Колокольчик не сломан. Он назначен молчать.

Безотказный вытер лоб.

— Использовался другой сигнал.

— Какой?

— Тишина после колокольчика.

— После колокольчика без языка вся жизнь состоит из тишины.

Скунс обошёл стол и понюхал рукав регистратора.

— Он боится не договора, — сказал Скунс. — Он боится времени.

На всех документах стояло одно время: двенадцать часов ровно.

Пуаронов разложил перед собой пять договоров. Подписи были разными, чернила — тоже, но каждая клякса застыла одинаково, словно все восемь тысяч человек макнули перья в одну секунду.

— Где проходило собрание? — спросил он.

— В Большом зале добровольных решений.

— Вместимость?

— Триста мест.

— Подписей восемь тысяч четыреста двенадцать.

— Собрание было представительным.

— Кто представлял остальных?

— Их отсутствие.

Пуаронов записал это в блокнот и показал капитану.

Там было написано: «Подозреваемый начал объяснять. Не мешать».

— Листы читали до подписания? — спросила Вера.

— Разумеется.

— Тогда почему подпись Семёна появилась на бумаге, изготовленной через два месяца после праздника?

Все посмотрели на неё.

Вера указала на водяной знак. В толще листа проступала дата выпуска бумажной фабрики.

Безотказный улыбнулся.

— Договор перепечатали для удобства хранения. Подпись перенесли законным способом.

— Каким?

— Законным.

— Это не способ, а прилагательное, — сказал Эраст.

Пуаронов кивнул.

— Значит, у нас три разных действия: человек поставил подпись, кто-то перенёс её на поздний лист, а регистратор объявил это согласием. Не будем смешивать их только потому, что виновным так теснее.

Колокольчик снова звякнул.

На этот раз Пуаронов поймал тонкую нить, уходившую под дверь.

Кто-то слушал допрос и подавал Безотказному сигналы.

Глава сто тридцать девятая

Свидетель с закрытым ртом

За дверью никого не оказалось.

Нить тянулась вдоль плинтуса, ныряла в стену и выходила в маленькой комнате с единственным стулом. На стуле сидел старик с перевязанным ртом.

На табличке рядом было написано:

«ОФИЦИАЛЬНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ ОТСУТСТВИЯ ВОЗРАЖЕНИЙ»

Капитан снял повязку.

— Имя?

— Молчан Молчанич Слышал.

— Что вы слышали?

— Мне запрещено разглашать.

— Кем?

— Договором о неразглашении договора.

— Вы его читали?

— Нет. Поэтому особенно обязан.

Пуаронов присел перед стариком.

— Вам велели молчать до сигнала?

— До двух сигналов. Первый означал, что можно возражать. Второй — что поздно.

— Вы слышали первый?

— Я слышал звон.

— А второй?

— Тоже.

— Между ними кто-нибудь говорил?

— Ни слова.

Безотказный расправил плечи.

— Вот видите. Свидетель подтверждает.

Пуаронов вынул из шляпы складной камертон и ударил им о стол. Молчан Молчанич не дрогнул.

Пуаронов уронил ложку за спиной старика. Тот повернулся прежде, чем она коснулась пола.

— Любопытно, — сказал детектив. — Высокий чистый звук вы не слышите, низкий шорох слышите хорошо.

— Возраст.

— Колокольчик даёт высокий звук. Если бы он звонил, вы бы его не услышали.

Старик сжал губы.

— Тогда что вы приняли за сигнал? — спросила Вера.

— Стулья.

— Стулья?

— В зале одновременно отодвинули стулья. Потом придвинули. Мне сказали, что это звон отражается от пола.

Пуаронов посмотрел на нить. Она была привязана к ножке стула.

— Колокольчик звонит не сам. Когда вы встаёте, нить дёргается. За дверью слышат звон и знают, что допрос дошёл до опасного места.

— Я просто меняю положение, — пробормотал свидетель.

— Три раза на слове «время»?

Молчан Молчанич вздохнул.

— Мне обещали новый слуховой рожок.

— Кто?

— Фонд Будущего Согласия.

Это имя встретилось в каждом договоре. Фонд получал право распоряжаться городскими архивами, площадями, колоколами и всеми решениями, которые никто вовремя не оспорил.

— Кто руководит фондом? — спросил капитан.

— Выгодоприобретатель, — ответил Безотказный.

— Имя.

— Оно конфиденциально.

— Почему?

— Он не давал согласия на разглашение.

Скунс чихнул так резко, что с полки упала папка.

Внутри лежал план Большого зала. На нём было триста стульев, два колокольчика и восемь дверей.

Одна дверь называлась «Для возражений».

Она вела не наружу, а в Архив отказов.

Глава сто сороковая

Чернила которые слышали тишину

Большой зал добровольных решений оказался круглым. Это позволяло председателю утверждать, что у собрания нет углов, в которые кого-то загнали.

Триста стульев стояли рядами. На каждом лежал чистый лист и перо.

— Чистый лист удобен, — сказал Пуаронов. — Человек видит, что ничего опасного не подписывает. Преступник видит свободное место для опасного.

На кафедре стояла банка с надписью «Чернила общего мнения».

Скунс понюхал её.

— Железо, уксус, дубовые орешки и страх перед начальством.

— Последнее входит в состав? — спросил Тарас.

— Последнее входит почти во всё.

Пуаронов обмакнул перо и расписался на чистом листе. Чернила легли чёрной линией. Через минуту подпись побледнела, а на обороте появилась её точная копия.

— Симпатические чернила? — спросила Вера.

— Нет. Капиллярная бумага. Волокна пропитаны так, что жидкость проходит на другую сторону, но не растекается. Затем верхний слой смывают раствором. Остаётся подпись на нижнем.

Он полил лист водой. Верхняя подпись исчезла.

— Значит, люди подписывали чистые листы? — спросил капитан.

— Возможно. Но зачем нормальному человеку подписывать чистый лист?

Тарас поднял свой.

— На моём написано: «Поставьте подпись, если получили стул в исправном состоянии».

Под надписью мелкими буквами значилось: «Текст смываемый».

Пуаронов улыбнулся.

— Вот и ответ. Верхний текст объяснял подпись. После собрания его смывали. Оставшуюся подпись соединяли с договором.

— Но договоры напечатаны позже, — напомнил Эраст.

— Поэтому подписи не копировали на готовый договор. Их хранили на прозрачных листах и подкладывали под новый текст.

Вера провела ногтем по краю одного документа. От него отделилась почти невидимая плёнка с подписью.

— Настоящая подпись, чужой текст, — сказала она.

— И никакой подделки почерка, — добавил капитан.

Пуаронов покачал головой.

— Подделка документа остаётся подделкой, даже если преступник экономит на каллиграфе.

В углу зала нашли таз с мутной водой. На дне лежали смытые фразы: «получил стул», «присутствовал на празднике», «вернул перо», «не имею претензий к пирогу».

Тарас выловил последнюю.

— А к пирогу претензии были?

— Теперь будут, — сказала Вера.

В этот момент все триста перьев одновременно повернулись остриями к двери «Для возражений».

За дверью кто-то задвинул засов.

Глава сто сорок первая

Печать отсутствующего согласия

Капитан выбил дверь плечом.

За ней обнаружилась не комната, а узкий жёлоб. Он спускался на этаж ниже и заканчивался в железном ящике.

На ящике стояла печать:

«ВОЗРАЖЕНИЙ НЕ ПОСТУПИЛО»

— Сюда бросали отказы, — понял Эраст.

— И они поступали, — сказала Вера. — Просто не туда, куда обещали.

Железный ящик был заперт. Пуаронов осмотрел замок и достал из шляпы связку ключей.

— Откуда у вас ключи? — спросил капитан.

— От замков.

— От каких именно?

— Я придерживаюсь широкого профиля.

Ни один ключ не подошёл.

Тогда Скунс нажал кнопку «НЕТ». Замок щёлкнул.

— Вещественное возражение, — напомнил он.

Ящик оказался набит письмами. Тысячи граждан писали: «не согласен», «не понимаю условия», «прошу объяснить», «верните стул» и одно короткое «да вы там совсем», которое Пуаронов признал юридически содержательным.

На каждом конверте стоял штамп:

«ПОЛУЧЕНО ОТДЕЛОМ НЕПОЛУЧЕННЫХ СООБЩЕНИЙ»

— Возражения поступили, — сказал капитан. — Их спрятали и поставили ложную печать.

— Не совсем, — возразил Пуаронов. — Печать говорит правду, если не называет получателя. Возражения не поступили регистратору, потому что регистратор направил их в закрытый ящик. Это ложь, построенная из точных слов.

Безотказный стоял в дверях.

— В объявлении было указано: возражения принимаются в Отделе приёма возражений.

— А дверь называлась «Для возражений».

— Название двери не является адресом учреждения.

— Зато является приманкой, — сказал Эраст.

Пуаронов взял верхний конверт. Он был отправлен три года назад, но бумага внутри оставалась влажной.

— Архив хранили под залом, где смывали подписи. Вода стекала сюда. Поэтому письма не сгорели, но чернила поплыли.

На большинстве листов слова исчезли. Остались только вдавленные следы пера.

— Мы их не прочтём, — сказал капитан.

Пуаронов вынул из шляпы мягкий графитовый валик.

— Чернила можно смыть. Нажим — труднее.

Он прокатил валик по первому листу. Серые буквы проявились:

«Я, СЕРАФИМА ПЕТРОВНА СВОЕВОЛЬНАЯ, ВОЗРАЖАЮ ПРОТИВ ПЕРЕДАЧИ МОЕЙ ЛАВКИ ФОНДУ».

Под текстом стояла дата — на день раньше официального собрания.

— Она возражала до того, как ей якобы предложили договор, — заметила Вера.

— Значит, знала о нём заранее, — сказал Пуаронов. — Найдём Серафиму Петровну. Она либо лучший свидетель, либо самый предусмотрительный преступник в городе.

Глава сто сорок вторая

Один договор на весь город

Серафима Петровна торговала замками, засовами и табличками «Закрыто», поэтому её лавка оставалась единственным местом, которое Фонд не смог открыть.

Она впустила следствие через окно.

— Дверь для клиентов, — объяснила она. — Следователи обычно приходят не покупать.

Серафима оказалась маленькой женщиной с голосом, способным закрыть лавку без замка.

— Откуда вы знали о договоре до собрания? — спросил капитан.

— Ко мне принесли восемь тысяч одинаковых засовов для Архива отказов. Я спросила, зачем. Заказчик ответил: «Чтобы никто не отказался после согласия». Я подумала: если отказ уже предусмотрен, согласие ещё не получено.

— Кто был заказчиком?

— Курьер Фонда. Лица не показывал. Платил монетами будущей прибыли.

Она высыпала на стол горсть медных кружков. На каждой был профиль человека без лица.

— Вы написали возражение.

— Написала восемь. Отнесла в восемь мест. Семь вернулись с пометкой «не туда». Восьмое исчезло.

— Почему дата на день раньше?

— Потому что завтра возражать обычно поздно.

Пуаронов попросил показать заказы. В книге Серафимы значилось восемь тысяч четыреста двенадцать засовов, но в Архиве стоял один.

— Остальные где? — спросила Вера.

— Заказчик изменил заказ. Попросил один большой замок вместо многих маленьких.

Пуаронов прошёлся по лавке, считая шаги.

— Один ящик. Один замок. Один текст договора. Разные только подписи.

— И имущество, — сказал Эраст. — У кого-то лавка, у кого-то дом, у кого-то право задавать вопросы.

— Приложения разные, — согласился Пуаронов. — Но основной договор один. Его не размножали. Его показывали поверх прозрачных подписей по очереди и снимали отпечаток печати.

Он положил монету под лист и провёл карандашом. Проявился безликий профиль.

— Так можно доказать, что разные подписи были соединены с одним и тем же оригиналом. На каждом договоре должны остаться одинаковые микроскопические дефекты печатной формы.

Вера нашла их: буква «м» в слове «молчание» была надломлена слева, а точка над «й» напоминала крошечный крючок.

— Все копии сделаны с одного договора, — сказала она.

— Который где-то существует, — добавил Пуаронов.

Серафима поставила перед ним старую кассу.

— Курьер оставил это вместо платы за последний засов.

Внутри кассы лежал ключ с безликим профилем.

Он подошёл к двери в задней стене лавки.

За дверью начинался ход в здание Фонда Будущего Согласия.

На пороге висела табличка:

«ВХОДЯ, ВЫ ПОДТВЕРЖДАЕТЕ, ЧТО УЖЕ ВЫШЛИ».

— Удобно, — сказал Тарас. — Можно не заходить.

— Именно это мы и сделаем, — ответил Пуаронов. — Войдём через выход.

Глава сто сорок третья

Подозреваемый по имени Возражений Не Поступило

Выход Фонда охранял привратник по имени Возражений Непоступило Непоступилович. Имя было старинным. Носить его стало трудно только после учреждения Фонда.

— Я не фраза, — заявил он. — Я гражданин.

— Это предстоит установить, — сказал капитан.

— Меня постоянно ставят на документы без разрешения.

Пуаронов заинтересовался.

— Кто ставит?

— Регистратор. Говорит, это служебная необходимость. А потом все думают, будто я где-то не поступил.

— Где вы были в день собрания?

— Поступал на службу.

— Свидетели?

— Отдел кадров. Но он не принял моё заявление, потому что на нём уже было написано моё имя и они решили, что возражений нет.

Скунс понюхал привратника.

— Говорит правду. И пахнет дверью.

— Я работаю у двери.

— Тогда алиби крепкое, — сказал Тарас.

— Запах подтверждает профессию, не алиби, — поправил Пуаронов. — Если человек пахнет рыбой, он может быть рыбаком, поваром или рыбой с удачной маскировкой.

Привратник показал журнал посетителей. За три года в Фонд вошли тысячи людей, но никто не вышел.

— Они там? — спросила Вера.

— Нет. Вышли через вход.

— Почему журнал этого не показывает?

— Потому что вход записывает только входящих.

Пуаронов нашёл последнюю запись. Сегодня утром в здание вошёл Сoglасий Сoglасиевич Безотказный.

— Он сейчас в Большом зале, — сказал капитан.

— Значит, либо вышел через вход, либо в зал пришёл другой Безотказный.

Скунс понюхал запись.

— Чернила свежие. Подпись пахнет воском.

— Подпись регистратора на допросе пахла уксусом, — вспомнила Вера.

Пуаронов отогнул угол страницы. Под подписью лежала восковая плёнка, такая же, как на договорах.

— В журнал поставили перенесённую подпись, чтобы доказать, что Безотказный входил в Фонд. Но зачем создавать ему алиби, о котором никто не спрашивал?

— Чтобы мы спросили, — сказал Эраст.

— Верно. Слишком заметная улика не всегда указывает на виновного. Иногда она указывает на человека, которого хотят обыскать.

Капитан посмотрел на дверь.

— А пока мы обыскиваем его, настоящий хозяин Фонда уничтожает оригинал договора. Из трубы над крышей повалил белый дым.

Пуаронов снял шляпу и достал из неё крошечный пожарный колокол.

— Теперь пусть звонит тот, у которого есть язык.

Глава сто сорок четвёртая

Пуаронов допрашивает подпись

Пожара не было.

В печи Фонда жгли чистую бумагу, чтобы дым выглядел виноватым. Оригинал договора лежал на столе в кабинете управляющего.

Кабинет был пуст.

На кресле сидела только огромная подпись, вырезанная из чёрного дерева.

— Назовитесь, — сказал Пуаронов.

Подпись промолчала.

— Упрямая, — заметил капитан.

— Зато не путается в показаниях.

Пуаронов поставил перед ней лампу, увеличительное стекло и блюдо с молоком.

— Зачем молоко? — спросила Вера.

— Хороший допрос должен тревожить подозреваемого непонятной деталью.

Он изучил деревянный росчерк. На нижней стороне были вырезаны фамилии всех жителей города. Если прижать его к восковой плёнке, нужная подпись отделялась, остальные оставались на месте.

— Вот машина переноса, — сказал он. — Подписи хранили не отдельными листами. Их собрали на одном валике.

Капитан нашёл рукоять. При каждом обороте деревянная подпись прокатывалась по документу.

— Кто мог ею пользоваться?

— Человек, знавший порядок фамилий, — ответил Пуаронов. — Иначе он поставил бы подпись булочника под домом аптекаря.

На стене висел алфавитный реестр. Возле некоторых имён стояли красные точки.

Семён Сомневаев — точка.

Серафима Своевольная — три точки.

Молчан Молчанич — половина точки.

— Метки тех, кто возражал, — сказала Вера.

— Или тех, чьи договоры требуют особого внимания.

Пуаронов взял лупу. Красные точки состояли из засохшего сургуча. Такой сургуч использовал только Совет готовых ответов.

В ящике стола лежали письма Безотказного к неизвестному управляющему. Он докладывал о количестве подписей, жаловался на Серафиму и каждый раз заканчивал одинаково:

«Жду дальнейшего молчания».

— Он исполнитель, — сказал Эраст. — Но адресата нет.

— Адресат есть, — ответил Пуаронов. — Его убрали из текста.

Он подержал письмо над паром от чайника. Между строк проявились вдавленные следы предыдущего листа:

«УВАЖАЕМЫЙ ОТВЕТ ОТВЕТОВИЧ»

Все вспомнили Готовцева, начальника склада готовых ответов.

— Он заранее готовил ответы, — сказала Вера. — А теперь заранее получил согласия.

— Слишком ровно, — сказал Пуаронов. — Удобная должность, удобный мотив, удобное имя в скрытом письме. Менястораживают преступления, которые сами подают шляпу следователю.

Скунс понюхал письмо.

— Бумага пахнет луковым супом.

Тарас оживился.

— Я знал, что молоко пригодится.

Пуаронов капнул молоком на край письма. Проявился второй водяной знак — ложка и перечница.

Бумага была не из кабинета Фонда. Её взяли в городской столовой.

А в столовой реестром посадочных мест заведовал человек, который знал порядок всех фамилий.

Глава сто сорок пятая

Скунс и запах добровольности

Заведующего столовой звали Добровольий Петрович Принудин.

Он встречал гостей с улыбкой, рядом с которой хотелось немедленно позвать адвоката.

— У нас всё добровольно, — сообщил он. — Суп, каша, передача имущества.

— Вы ведёте реестр посадочных мест? — спросил капитан.

— Для удобства. Каждый сидит там, где ему удобнее по нашему расписанию.

В столовой пахло луком, перцем и сладкими духами.

Скунс остановился у шкафа.

— Запах с договоров.

В шкафу стояли флаконы с этикеткой «Аромат добровольности».

— Мы опрыскиваем зал перед важными решениями, — объяснил Принудин. — Людям легче соглашаться, когда согласие приятно пахнет.

— Оно действует? — спросила Вера.

— Нет. Но в отчёте выглядит убедительно.

Пуаронов открыл один флакон. Внутри были апельсиновое масло, ваниль и капля вещества, которым смывали верхний текст с подписных листов.

— Значит, столовая готовила раствор, — сказал капитан.

— Столовая готовит всё, что можно налить в котёл, — ответил заведующий.

Скунс обнюхал его руки.

— Он трогал флаконы. Договоры не трогал.

— А оригинал? — спросил Пуаронов.

Скунс понюхал принесённый договор и снова ладони Принудина.

— Нет.

Добровольий Петрович выдохнул.

— Кто заказывал раствор? — спросил капитан.

— Управляющий Фондом. Прислал рецепт без подписи.

— Как вы поняли, кому отдать?

— Курьер назвал пароль.

— Какой?

— «Возражений не поступило».

Возражений Непоступило Непоступилович, стоявший у двери, застонал.

— Вот опять.

Пуаронов осмотрел кухню. В мусорном ведре лежали обрезки прозрачной бумаги. На одном сохранился отпечаток буквы «м» с надломом.

— Здесь изготавливали пробные договоры.

— Я сдавал кухню после закрытия, — признался Принудин. — По договору аренды.

— Кому?

— Не знаю. Арендатор не пришёл. Значит, помещение считалось принятым автоматически.

— Кто получил ключ?

— Ключ оставляли под перечницей.

Перечница была прибита к столу.

Под ней обнаружилась круглая вмятина, но ключа не было.

Пуаронов попросил всех показать карманы. У Тараса нашлись крошки, у капитана — ордер, у Эраста — карандаш, у Веры — три вопросительных знака, которые она собиралась вернуть детям.

У Согласия Согласиевича обнаружился ключ, пахнувший перцем.

— Подбросили! — сказал он.

Скунс понюхал ключ.

— Его держали в перчатке. Человеческого запаха нет.

— Значит, подбросить мог кто угодно, — сказал капитан.

— Не кто угодно, — возразил Пуаронов. — Только тот, кто заранее знал, что мы устроим обыск. А обыск предложил я.

Все замолчали.

— Вы? — спросил Тарас.

— Я не знал, что предложу его, пока не услышал про ключ.

Пуаронов посмотрел на Книгу.

На новой странице уже была напечатана фраза:

«ПУАРОНОВ ПОПРОСИЛ ВСЕХ ПОКАЗАТЬ КАРМАНЫ».

Чернила высохли раньше, чем он произнёс эти слова.

Глава сто сорок шестая

Срок начавшийся раньше договора

Книга захлопнулась.

— Я не писала этого, — сказала она.

Скунс подтвердил.

— Тогда кто-то снова пользуется её страницами, — сказал Эраст.

Пуаронов не ответил. Он сравнил чернила в Книге с чернилами договоров. Те были похожи цветом, но по-разному отражали свет.

— Фраза появилась не раньше моих слов, — сказал он. — Она появилась раньше, чем мы её заметили. Это разные вещи.

Он поднёс страницу к окну. На обороте была тонкая восковая плёнка. Предсказание перенесли туда заранее вместе с десятками возможных фраз.

— Почему проявилась именно эта? — спросила Вера.

— От тепла ладони. Книга закрыла страницу, воск нагрелся, верхний слой стал прозрачным.

Книга осторожно отодвинулась.

— Меня использовали как грелку.

— Унижение средней тяжести, — оценил капитан.

Пуаронов снял плёнку. Под ней оставались непроступившие варианты:

«ПУАРОНОВ ПОПРОСИЛ ПРОВЕРИТЬ ОБУВЬ».

«ПУАРОНОВ ВНЕЗАПНО ОСМОТРЕЛ ПОТОЛОК».

«ПУАРОНОВ ПОНЯЛ ВСЁ, НО НИКОМУ НЕ СКАЗАЛ».

— Последнее можно печатать почти в любой главе, — заметил Тарас.

Детектив сложил плёнку.

— Нас подталкивают к мысли о преступнике, который знает будущее. Но он знает только привычки следователя и готовит несколько исходов.

Вера тем временем изучала даты договоров.

— Срок передачи имущества начался первого числа. Собрание было третьего. Люди лишились прав за два дня до согласия.

— Техническая ошибка, — сказал Безотказный.

— Техническая ошибка повторилась восемь тысяч раз?

— У нас надёжная техника.

Пуаронов попросил реестр имущества. Все лавки, дома и архивы перешли Фонду первого числа в полночь. Однако один объект был принят накануне: городская башня часов.

— Зачем Фонду башня? — спросил капитан.

— Чтобы устанавливать точное время, — ответил регистратор.

— Или удобное, — сказал Эраст.

Они поднялись на башню. Часовой механизм был переведён вперёд на двое суток. В день собрания городские часы показывали первое число, хотя календари показывали третье.

— Тогда почему договоры датированы третьим? — спросила Вера.

— Потому что преступнику нужны две даты, — сказал Пуаронов. — Для граждан договор ещё не начался. Для Фонда он уже действует. Если кто-то жалуется, ему показывают календарь. Если Фонд забирает имущество, показывает часы.

За циферблатом нашли комнату. В ней стоял стол, набор восковых плёнок и список предполагаемых действий Пуаронова.

Последний пункт гласил:

«ДЕТЕКТИВ ПРИДЁТ К БАШНЕ В 16:00»

Часы показывали без пяти четыре.

— Он опаздывает, — сказал Тарас.

— Нет, — ответил Пуаронов. — Это мы пришли раньше его ловушки.

Глава сто сорок седьмая

Архив отказов

В четыре часа башня заперлась.

Из стен выдвинулись полки с письмами. Мокрые возражения начали падать в топку часового механизма.

Капитан бросился к рычагу, но тот был подписан «ОСТАНОВИТЬ» и ускорил огонь.

— В этом городе надписи надо читать наоборот, — сказал Тарас.

— Нет, — крикнул Пуаронов. — Надо проверять, к чему они относятся.

Табличка «ОСТАНОВИТЬ» была прибита не к рычагу, а к маленькой трубе над ним. Эраст перекрыл трубу. Без воздуха пламя погасло.

Скунс нажал кнопку «НЕТ». Створки топки закрылись.

Они спасли большую часть архива. Несколько писем обуглились по краям, зато теперь пахли достаточно сильно, чтобы Скунс различил их происхождение.

— Эти написаны в домах. Эти — на площади. Эти — в школе. А вот эти все пахнут одним кабинетом.

Он указал на пачку отказов от имени людей, которые, по словам Прасковьи, никогда не возражали.

— Поддельные возражения? — удивилась Вера. — Зачем преступнику подделывать отказ, если он подделывал согласие?

Пуаронов разложил письма по датам.

— Чтобы иметь рычаг. Фонд забирал имущество по молчаливому согласию, а затем показывал владельцу его же якобы поздний отказ. За отзыв отказа требовали плату.

— То есть человека сначала делали согласным, потом несогласным, а потом продавали ему право снова согласиться? — спросил Тарас.

— Очень прибыльная последовательность, если совесть оплачивает вход отдельно.

В реестре рядом с каждым поддельным отказом стояла сумма. Деньги поступали не Фонду, а «Консультационной конторе Последнее Слово».

Владелец конторы — не указан.

Адрес — башня часов.

Подпись — «Уполномоченный».

Пуаронов изучил буквы. Подпись была сделана не чернилами, а копотью из топки.

— Уполномоченный работал здесь, — сказал капитан.

— И стоял у огня, — добавил Скунс. — Его одежда должна пахнуть дымом, воском и мокрой бумагой.

Все посмотрели на Безотказного.

Его серый мундир пах уксусом и пылью, но не дымом.

На Молчане Молчаниче был запах старого дерева.

От Принудина пахло супом.

Из-за часового механизма донёсся кашель.

Капитан отодвинул гирию. В тайной нише сидел Ответ Ответович Готовцев. Его сюртук был покрыт копотью.

— Я могу объяснить, — сказал он.

— Не торопитесь, — попросил Пуаронов. — У вас это профессиональное заболевание.

Глава сто сорок восьмая

Человек который сказал нет

Готовцева отвели в Большой зал. Он требовал заранее узнать вопросы, чтобы подготовить признание без лишних подробностей.

— Вы управляете Фондом? — спросил капитан.

— Нет.

Кнопка в лапах Скунса дрогнула.

Это было первое произнесённое вслух «нет», которое город услышал за три года.

Колокольчики на башнях ответили эхом. В шкафах раскрылись засовы. Несколько готовых решений отменились от неожиданности.

— Осторожнее, — сказал Безотказный. — Слово не зарегистрировано.

— Теперь зарегистрировано, — Прасковья быстро внесла его в реестр.

Пуаронов посмотрел на Готовцева.

— Вы жгли архив?

— Нет.

— Были в комнате за часами?

— Нет.

Скунс понюхал его.

— Первое «нет» правдивое. Второе пахнет страхом.

Готовцев сдался.

— Я вошёл в башню сегодня утром. Получил записку, что там спрятаны ответы, которые пережили машину Одинцова. Я хотел их спасти.

— От кого записка?

— От меня.

— Вы сами себе написали?

— Почерк мой. Содержание — нет.

Пуаронов сравнил записку с журналом склада. Почерк действительно принадлежал Готовцеву, но строки были составлены из вырезанных слов его старых распоряжений и перенесены воском.

— Вас заманили и заперли перед нашим приходом, — сказал он. — Копоть появилась, когда вы пытались выбраться через топку.

— Я почти выбрался.

— Судя по ширине топки, сначала должен был выбраться ваш характер.

Готовцев понизил голос.

— В нише был кто-то ещё. Я не видел лица. Он говорил через часовую трубу.

— Что сказал?

— Что город сам выбрал порядок без вопросов. Что люди благодарны за отсутствие необходимости решать. И что к вечеру все договоры станут окончательными.

— Почему к вечеру?

— Истекает срок последнего возражения.

Вера развернула основной договор. В самом низу мелко значилось:

«Возражение действительно, если доставлено выгодоприобретателю лично до первого удара семнадцатого часа».

— У нас меньше часа, — сказал капитан.

— Кому доставлять? — спросил Эраст.

— Выгодоприобретателю без имени.

Пуаронов положил кнопку «НЕТ» в коробку для вещественных доказательств.

— Тогда найдём человека, который так тщательно отсутствует, что оставил следы в каждом учреждении.

— А если не найдём? — спросила Вера.

— Доставим возражение туда, где он обязан появиться за прибылью.

Глава сто сорок девятая

Выгодоприобретатель без фамилии

Фонд должен был получить город в семнадцать часов.

Передача проходила в Зале окончательных выгод. На сцене стояло пустое кресло с табличкой «ВЫГОДОПРИОБРЕТАТЕЛЬ».

— Он придёт? — спросил капитан.

— Если договор работает, ему незачем приходить, — ответил Безотказный. — Имущество передадут автоматически.

— Значит, выгоду получает кресло? — спросил Тарас.

— Юридически кресло представляет лицо.

— Какое?

— Отсутствующее.

Пуаронов осмотрел сцену. К креслу подходили три трубки. Одна несла документы из архива, вторая — ключи от домов, третья — монеты.

Все три уходили под пол.

— Получатель не появится сверху, — сказал детектив. — Он сидит там, где сходятся выгоды.

Капитан открыл люк. Под залом работала машина. Она сортировала имущество, права и деньги, а затем отправляла их по единственной трубе к старому зданию Совета.

— Совет? — спросила Вера.

Прасковья побледнела.

— В Совете семь человек.

— А договор говорит об одном выгодоприобретателе, — сказал Эраст.

Пуаронов снял с трубы накладку. Под ней обнаружились семь тонких каналов, соединённых общей оболочкой.

— Один получатель снаружи, семь внутри. Хорошая маскировка для тех, кто любит единогласие.

Семь советников собрались в зале. Все отрицали участие. Скунс обошёл их и остановился перед пустым восьмым стулом.

— Здесь сидел человек. Недавно. Пахнет сургучом, мокрой бумагой и часовой копотью.

— В Совете семь мест, — сказала Прасковья.

— Стульев восемь, — заметил Тарас.

Восьмой стул считался местом Общей Воли. На заседаниях он оставался пустым, а его молчание засчитывали как решающий голос.

Пуаронов перевернул стул. Под сиденьем находились ремни, свежие крошки воска и карман с ключом от кухни.

— Выгодоприобретатель сидел здесь, но не во время заседаний, — сказал он. — Он носил стул как костюм.

Тарас представил человека, идущего по городу в кресле, и уважительно присвистнул.

— Поэтому свидетели запоминали пустое кресло, — поняла Вера. — Лицо было закрыто спинкой.

— А нити от колокольчиков крепились к ножкам, — добавил Эраст.

Скунс втянул воздух.

— Запах уходит в коридор вопросов.

Там они нашли следы четырёх ножек. Они вели к кабинету директора Зиновия Безвопросовича Очевидцева.

Кабинет был открыт.

Директор исчез.

На столе стоял будильник, заведённый на семнадцать часов.

Глава сто пятидесятая

Механизм молчаливого согласия

До семнадцати часов оставалось двадцать минут.

Пуаронов собрал всех в машинном зале. Там сходились трубы вопросов, договоров, денег и колокольных нитей.

— Директор Очевидцев подчинился поддельному приказу в прошлом деле, — сказал капитан. — Теперь выясняется, что он управлял Фондом.

— Выясняется только, что след кресла ведёт к его кабинету, — ответил Пуаронов. — След заканчивается там, где его хотели показать.

— Но директор исчез.

— Исчезновение бывает бегством. Бывает похищением. А бывает служебным совещанием с плохой вывеской.

Он показал будильник. На задней крышке сохранилась бумажная пыль из Архива отказов. На стрелке — жир от столовой. Под звонком — волокно серого мундира Безотказного.

— Будильник побывал в трёх местах. Его передавали по цепочке. Каждый исполнитель делал свой участок и думал, что служит другому.

Безотказный регистрировал молчание.

Принудин готовил смывающий раствор и реестр мест.

Готовцев хранил готовые фразы, из которых составляли письма.

Молчан Молчанич свидетельствовал о сигналах, которых не мог слышать.

Советники получали по одному каналу выгоды и считали, что остальные каналы пусты.

— Кто связал их? — спросила Вера.

Пуаронов указал на Определитель модель один. Машина стояла в центре зала, соединённая с договорным валиком.

— После удаления вопросов аппарат искал единственный подходящий ответ. Но его можно использовать наоборот: взять один ответ и подобрать к нему любые подписи, даты и свидетельства.

На панели горела фраза:

«ВСЕ СОГЛАСНЫ»

— Машина не создала замысел, — продолжил Пуаронов. — Ей задали итог. Затем она устранила всё, что ему противоречило: вопросы отправила в трубы, отказы — в архив, даты разделила между часами и календарём, настоящие подписи отделила от настоящего смысла.

— Кто задал итог? — спросил капитан.

Пуаронов нажал кнопку «НЕТ».

Панель задрожала. Фраза «ВСЕ СОГЛАСНЫ» исчезла. Под ней проступил исходный запрос:

«КАК ДОКАЗАТЬ, ЧТО ГОРОД НЕ НУЖДАЕТСЯ В АВТОРЕ?»

Все посмотрели на Книгу.

Она раскрылась сама.

— Я этого не писала.

— Зато тот, кто написал, знал страх Книги, — сказал Эраст. — Страх закончиться.

Из трубы донёсся голос Эпилогия Константиновича:

— Я уже признался в прошлом деле! Нельзя обвинять меня дважды подряд, это литературно лениво!

Капитан открыл трубу. Внутри был только граммофон.

— Запись, — сказал он.

— И ещё одна удобная вина, — добавил Пуаронов.

Детектив снял раструб. На игле застрял длинный седой волос.

Эпилогий был бородат. Но волос оказался не человеческим.

Скунс понюхал его.

— Бумага.

Кто-то сделал себе бороду из страниц.

Глава сто пятьдесят первая

Развязка с кнопкой Нет

В семнадцать часов будильник зазвонил.

Дверь машинного зала закрылась. Трубы загудели. Подписи поползли к основному договору, ключи — к пустому креслу, монеты — под пол.

Из коридора вошёл человек в длинной бумажной бороде и плаще из старых протоколов. Он вёз перед собой восьмой стул, скрывая лицо за спинкой.

Капитан сорвал плащ.

Под ним оказался архивариус Книги — Закладий Романович Полестов. Всё это время он жил между непрочитанными страницами и следил, чтобы ни одна история не менялась без отметки в каталоге.

— Вы? — спросила Книга.

— Я спасал тебя, — ответил Полестов. — Мир без автора должен доказать, что умеет продолжаться сам. Я дал ему единый договор, единый ответ и единую волю.

— Свою, — сказала Вера.

— Общую. Никто не возразил вовремя.

Пуаронов поднял кнопку «НЕТ».

— Возражение доставлено выгодоприобретателю лично до первого удара семнадцатого часа.

— Удар уже был.

— Звон был. Удара не было.

Детектив показал будильник. Его молоточек не касался чашки: между ними застрял кусочек бумаги.

— Вы снова приняли звук за действие. Будильник звенел от спрятанного колокольчика под столом. Первый удар часового молотка ещё не произошёл.

Полестов бросился к механизму.

Скунс нажал кнопку.

Раздалось короткое, ясное:

— НЕТ.

Слово прошло по трубам. Восковые плёнки отделились от договоров. Под ними открылись старые надписи: получение стула, участие в празднике, возврат перьев. Чужой текст остался без подписей.

Ключи остановились. Монеты посыпались обратно. Семь советников получили каждый свою же плату и немедленно начали спорить, кому она не принадлежит.

— Почему именно вы? — спросил капитан у Полестова.

Пуаронов ответил за него.

— Он имел доступ к страницам Книги и страхам её героев. Знал, какие действия я могу выбрать, поэтому подготовил восковые предсказания. Он вёл каталог жителей, значит, знал порядок подписей. Он мог брать бумагу из столовой, сургуч Совета и записи Готовцева, не вызывая подозрений: архивариус собирает документы. Следы кресла привели к директору, потому что Полестов хранил там старые протоколы. Бумажная борода позволяла говорить голосом Эпилогия через граммофон и оставила волокно на игле.

— А выгодой был весь город? — спросила Вера.

— Нет, — сказал Полестов. — Возможность написать его будущее без автора.

— Вы хотели стать автором.

— Я хотел стать окончательной редакцией.

Пуаронов снял со шляпы пылинку.

— Окончательные редакции редко ходят в плащах из черновиков.

Часовой молоток качнулся.

Капитан поймал его ладонью за мгновение до удара.

— Возражение принято, — сказал он.

Глава сто пятьдесят вторая

Договор расторгнут вопросом

Утром жители собрались в Большом зале.

На этот раз колокольчику вернули язык. Рядом поставили второй колокольчик, барабан, свисток и Тараса с кастрюлей на случай, если кто-то опять перепутает сигнал с тишиной.

Пуаронов объяснил дело без тайных терминов.

— Подписи были настоящими, но люди ставили их под другими фразами. Это доказывают смытые надписи, прозрачные плёнки и единый валик.

Он поднял письмо Серафимы.

— Возражения существовали и поступали в указанную дверь. Их намеренно направляли в закрытый архив. Следовательно, молчания не было.

Он показал часы и календарь.

— Срок начинался до собрания только потому, что Фонд пользовался двумя разными датами. Один и тот же договор не может выбирать удобное время отдельно для каждой стороны.

Наконец он поставил на стол кнопку «НЕТ».

— Главное: настоящая подпись подтверждает движение пера. Она не доказывает, какой текст видел человек, понимал ли его и мог ли отказаться. Эти вещи проверяются отдельно.

Согласий Согласиевич Безотказный поднял руку.

— Я выполнял инструкции Полестова.

— Вы видели письма в Архиве отказов? — спросил капитан.

— Видел.

— Знали, что колокольчик без языка?

— Знал.

— Тогда вы не ошиблись. Вы помогали.

Безотказный опустил руку и впервые не нашёл прилагательного, способного заменить поступок.

Полестова передали капитану. Совет обязали вернуть имущество, деньги и все права. Отдел неполученных сообщений переименовали в Отдел сообщений, которые придётся прочитать.

Молчану Молчаничу выдали слуховой рожок, но запретили свидетельствовать о звуках, которых он не различает.

Возражений Непоступило Непоступилович сменил имя на Возражений Поступило Возраженович и сразу пожалел: теперь его звали на каждое заседание.

Серафиме вернули лавку и предложили должность хранителя городских отказов.

— С правом отказаться? — спросила она.

— Обязательно.

— Тогда отказываюсь.

Прасковья торжественно зарегистрировала первый добровольный отказ.

Книга раскрылась перед Пуароновым.

— Вы спасли город от чужой окончательной редакции.

— Не окончательной, — сказал он. — Плохие договоры любят это слово, потому что боятся следующего вопроса.

— Какого?

Пуаронов указал на последний неподписанный лист.

На нём проступило:

«КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО, ЕСЛИ ЕГО НИКТО НЕ ВИДЕЛ?»

В тот же миг дверь зала распахнулась. На пороге стоял судебный пристав с пустой стеклянной шкатулкой.

— Прошу всех оставаться на местах, — объявил он. — Из Главного суда похищено главное доказательство.

— Что было в шкатулке? — спросила Вера.

— Никто не знает. Его нельзя было видеть до заседания.

— Тогда откуда известно, что оно исчезло? — спросил Эраст.

Пристав растерялся.

Пуаронов улыбнулся и достал из шляпы складной свидетельский постамент.

— Прекрасно. Наконец-то кража, в которой сначала придётся доказать существование украденного.

Скунс понюхал пустую шкатулку.

— Пахнет правдой. И сыром.

Тарас проверил карманы.

— Сыра у меня нет.

Капитан посмотрел на него.

— Я ещё ничего не спрашивал.

Книга перевернула страницу.

Над ней возник заголовок:

«ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ. СУД, В КОТОРОМ ИСЧЕЗЛО ДОКАЗАТЕЛЬСТВО».

На этот раз все успели возразить.

И именно поэтому отправились в суд.

Часть девятая

Глава сто пятьдесят третья

Пустая шкатулка даёт показания

Главный суд стоял посреди площади и выглядел так, будто его построили из возражений, которые однажды сложили слишком ровно.

Над входом висели весы. Левая чаша держала камень с надписью «ФАКТ», правая — перо с надписью «МНЕНИЕ». Камень почему-то находился выше пера.

— Весы сломаны? — спросила Вера.

— Нет, — ответил пристав. — Они беспристрастны. Поэтому не обязаны показывать одно и то же всем.

Пуаронов записал это в книжечку «Объяснения, после которых хочется проверить замок».

В Зале предварительной окончательности их ждал судья Фемидий Весович Равновесов. На глазах у него было две повязки.

— Зачем две? — спросил Тарас.

— Одна могла подсматривать, — строго сказал судья.

Перед ним стояла пустая стеклянная шкатулка. Крышку обвивала алая нить, скреплённая круглой сургучной печатью. Печать была цела.

— Шкатулку доставили из Хранилища несомненных вещей, — сообщил пристав. — По дороге её не открывали. В восемь часов поставили на судейский стол. В девять выяснилось, что она пуста.

— Кто выяснил? — спросил Пуаронов.

— Все.

— Как?

— Посмотрели.

— А до девяти?

— Смотреть было запрещено.

Пуаронов обошёл стол. На бархатном дне шкатулки виднелось прямоугольное углубление. На стекле изнутри сохранилась тонкая кайма тумана, словно там недавно лежало что-то холодное.

Скунс принялся.

— Стекло. Сургуч. Мокрая шерсть пристава. И сыр.

— Это клевета, — сказал Тарас. — Шерсть у меня сухая.

Капитан потребовал опись. Секретарь суда Протокол Протоколович Дословцев принёс толстую папку и прочёл:

— «Принята запечатанная шкатулка с главным доказательством внутри. Масса — четыре килограмма двести граммов. Печать без повреждений. Содержимое не осматривалось».

— Кто взвешивал? — спросила Вера.

Дословцев перевернул страницу.

— Хранилище.

— А суд?

— Суд доверяет Хранилищу.

— Тогда откуда в судебной описи точная масса? — спросил Эраст.

— Переписали из накладной.

Пуаронов попросил весы. Шкатулка потянула на четыре килограмма двести граммов. Пристав просиял.

— Видите? Всё совпадает.

— Это доказывает только одно, — сказал Пуаронов. — Сейчас пустая шкатулка весит ровно столько, сколько раньше весила шкатулка с доказательством.

— Значит, доказательство ничего не весило? — предположил Тарас.

— Или запись никогда не была результатом взвешивания.

Судья снял верхнюю повязку, но оставил нижнюю.

— Господин Пуаронов, суд должен решить, было ли похищено доказательство, которого суд не видел.

— Тогда прошу начать с единственного свидетеля, находившегося с ним всё время.

Он указал на шкатулку.

— Но она не умеет говорить, — заметил Дословцев.

— Тем лучше. Её показания ещё никто не успел переписать.

Глава сто пятьдесят четвёртая

Судья который не видел дела

Фемидий Весович объявил предварительное заседание открытым и тут же ударил молотком по пустой чернильнице.

— Молоток пропал? — спросил капитан.

— Нет. Его существование пока оспаривается.

Дословцев внёс в протокол: «Суд применил молоток условно».

Пуаронов попросил назвать дело, для которого предназначалось главное доказательство.

В зале наступила тишина. Она была плотная, судебная и явно получала жалование.

— Название засекречено до предъявления доказательства, — сказал судья.

— Кто обвиняемый?

— Засекречен.

— В чём обвинение?

— Это станет ясно после изучения доказательства.

— Которое исчезло.

— Именно поэтому дело очень серьёзное.

Тарас поднял руку.

— А если оно найдётся и окажется чайником?

— Тогда, — сказал Дословцев, — суд установит, кому было выгодно кипячение.

Пуаронов попросил журнал Хранилища. Запись о выдаче занимала целую страницу, но предмет назывался только «Единица ГД-1».

— ГД означает «главное доказательство»? — спросила Вера.

— Или «глиняная дудка», — сказал Тарас. — Не торопитесь с обвинением музыкантов.

В журнале значились четыре человека: хранитель Опись Описевич Наличин, упаковщица Налицо Отсутствиевна Пустынская, пристав Доставий Петрович Цепочкин и секретарь Дословцев.

Каждый поставил подпись под одной фразой: «Принял без осмотра».

— Прекрасная цепочка, — сказал Эраст. — Никто ничего не видел, зато все уверены, что передали именно это.

— Цепочка хранения нужна не для того, чтобы люди передавали доверие, — пояснил Пуаронов. — Она должна показывать, где находился предмет, кто им владел и что с ним происходило. Здесь передавали закрытую коробку и одну и ту же уверенность.

Судья нахмурился под повязкой.

— Вы сомневаетесь в официальной уверенности?

— Разумеется. Неофициальная обычно дешевле.

Капитан проверил двери. Из зала вели два выхода: главный, где дежурил пристав, и служебный, запёртый изнутри. Окна не открывались. В дымоход могла пролезть только очень убеждённая селёдка.

Шкатулка всё время стояла на столе. Красная нить была продета через четыре стеклянных ушка так, что снять крышку, не разрезав её, казалось невозможно.

Пуаронов измерил нить складной линейкой.

— Метр девяносто три.

— В накладной два метра, — заметила Вера.

— Семь сантиметров украли? — оживился капитан.

— Пока только потратили. Узел и печать тоже требуют длины.

Скунс снова понюхал крышку и чихнул.

На внутренней стороне стекла проступил мутный прямоугольник. Он находился не на дне, а над ним.

— След сверху, — сказала Вера.

Пуаронов улыбнулся.

— Судья не видел дела. Зато дело, кажется, всё утро висит перед судьёй.

Глава сто пятьдесят пятая

Опись до вскрытия

Опись Описьевич Наличин прибыл в сопровождении двух помощников и собственной описи.

В ней значилось:

«Один хранитель, состояние удовлетворительное. Два помощника, состояние спорное. Один портфель, содержимое служебное. Три пуговицы видимы, четвёртая предполагается».

— Вы составляете опись всего? — спросила Вера.

— Только того, что существует, — ответил Наличин. — А существует только то, что внесено в опись.

Скунс посмотрел на себя. В описи его не было. Он подошёл к Наличину и выразительно поднял хвост.

— Допишите животное, — быстро велел хранитель.

Дословцев записал: «В зал внесено дополнительное существование».

Наличин рассказал, что накануне вечером получил Единицу ГД-1 из Архива исправленных преступлений. Предмет лежал в чёрном футляре. Хранитель не имел права открывать его, поэтому взвесил футляр вместе со шкатулкой.

— Какая была масса? — спросил Пуаронов.

— Четыре килограмма двести граммов.

— На каких весах?

— На Весах несомненности.

Их принесли. На одной чаше стояла латунная табличка «4 кг 200 г», прикрученная к коромыслу.

— Они всегда показывают одно значение? — спросил Эраст.

— Главное доказательство не должно менять вес от чужого мнения, — гордо сказал Наличин.

— Поэтому вы прикрутили результат заранее, — заключила Вера.

— Мы устранили колебания.

Пуаронов заглянул в журнал. Все предметы за последние семь лет весили четыре килограмма двести граммов. Даже письмо, ключ и один весьма худой подозреваемый.

— Масса ничего не доказывает, — сказал капитан.

— Доказывает, — возразил Пуаронов. — Что её никто не измерял.

Он спросил, когда была составлена опись содержимого.

— Вчера в шесть вечера.

— А футляр прибыл?

— В шесть двадцать.

Наличин слегка побледнел.

— Мы подготовили документ, чтобы не задерживать существование предмета.

— Что именно вы написали до его прибытия?

Хранитель прочёл: «Принят предмет прямоугольной формы, прозрачный, холодный, с отметкой в левом углу».

В зале зашевелились.

— Значит, вы знали, что внутри, — сказал капитан.

— Я знал описание.

— От кого?

Наличин показал записку без подписи. Её доставили по судебной трубе.

Пуаронов поднёс бумагу к свету. В левом верхнем углу виднелась жирная точка.

— Сыр, — сообщил Скунс.

Тарас отодвинулся от стола.

— Я не пишу анонимок. У меня почерк узнаваемый.

— Какой? — спросил капитан.

— Неразборчивый.

Пуаронов положил записку рядом с описью. В обоих текстах стояла странная фраза: «отметка в левом углу».

— Прямоугольник имеет четыре угла, — сказал он. — Левым он становится только для того, кто уже решил, какой стороной предмет лежит. Автор записки видел Единицу ГД-1 или её точный рисунок.

— Значит, доказательство существовало, — сказала Вера.

— Пока мы доказали существование описания. Бумага умеет лгать даже раньше события.

Глава сто пятьдесят шестая

Сыр как алиби

Судебную столовую закрыли на следствие. Тарас воспринял это как личное обвинение.

Заведовал столовой Безукоризн Савельевич Корочкин, человек круглый, гладкий и покрытый тонкой мучной пылью, словно его недавно вынули из булки.

— Вчера подавали сыр? — спросил капитан.

— Суд не интересуется пищей, — ответил Корочкин. — Только вещественными добавками к заседанию.

— Сыр был?

— Был «молочный объект выдержанного характера».

Скунс проверил кладовую. Запах на шкатулке совпадал с большим кругом сыра, лежавшим на верхней полке.

— Кто брал? — спросила Вера.

Корочкин открыл журнал. Вчера выдали два ломтика судье, один секретарю и целый круг в Хранилище.

— Зачем хранителю круг сыра?

— Для опечатывания.

Наличин объяснил, что сургуч закончился. Сыр был достаточно твёрдым, круглым и официально жёлтым. На нём оттиснули пробную печать, чтобы проверить штамп.

— А потом? — спросил Пуаронов.

— Вернули.

— Целым?

— За вычетом государственной необходимости.

Тарас нашёл на круге круглую выемку от печати. Рядом отсутствовал узкий ломтик.

— Вот! — воскликнул капитан. — Кто-то ел сыр у доказательства и перенёс запах.

— Или доказательство лежало на сыре, — сказала Вера.

— Или сыр лежал на доказательстве, — добавил Эраст.

— Или все трое состояли в служебных отношениях, — закончил Пуаронов.

Он попросил Тараса показать содержимое карманов. Тот выложил верёвку, ложку, деревянную уточку, квитанцию за сапоги и маленький кусочек корки.

Капитан поднял корку двумя пальцами.

— А говорили, сыра нет.

— Это не сыр. Это его граница.

Скунс понюхал корку и отвернулся.

— Другой. Козий. С луком. Преступно вкусный, но невиновный.

Пуаронов осмотрел пробную печать на сыре. Оттиск имел крошечную царапину в виде молнии. На сургуче шкатулки царапины не было.

— Печати ставили разными штампами, — заметил Эраст.

Наличин вспотел.

— У суда один официальный штамп.

— Тогда сургучную печать поставили раньше, чем вы проверили официальный штамп на сыре, — сказал Пуаронов. — Или её поставили копией.

Под полкой нашли деревянный кружок с зеркальным гербом суда. Самодельный штамп пах сыром, маслом и железом.

Капитан приготовил наручники.

— Хранитель подделал печать.

— Слишком быстро, — остановил его Пуаронов. — Наличин не стал бы проверять настоящий штамп после того, как уже применил поддельный. Пробу делал тот, кто хотел сравнить копию с оригиналом.

Он перевернул деревянный кружок. На обороте была выжжена буква «Д».

Дословцев незаметно закрыл свой портфель.

Глава сто пятьдесят седьмая

Цепочка хранения с разорванным звеном

Пристав Доставий Петрович Цепочкин носил через плечо настоящую цепь. На каждом звене было выгравировано название помещения.

— Хранилище, коридор, экипаж, лестница, зал, — прочитал Эраст.

— Цепочка хранения, — гордо объяснил пристав.

— А люди на ней где? — спросила Вера.

— Люди могут ошибаться. Железо надёжнее.

Пуаронов попросил Цепочкина повторить вчерашний путь. Пристав взял пустую шкатулку, прижал её к груди и повёл всех из зала вниз.

На повороте лестницы шкатулка звякнула.

Все остановились.

— Сейчас она пустая, — сказал капитан. — Что звякнуло?

Цепочкин покраснел и достал из нагрудного кармана ключи.

— Вот что.

— Вчера ключи тоже были там?

— Всегда.

— Тогда свидетель, слышавший звон, мог слышать ваши ключи, а не предмет, — сказал Пуаронов.

У выхода из Хранилища дежурила старушка Слуховия Акустиковна Перезвонова. В журнале она записала: «Шкатулка покинула помещение с характерным стеклянным звоном».

— Как звучало? — спросил Пуаронов.

Перезвонова закрыла глаза и точно воспроизвела звон связки ключей.

Пристав снял цепь и сел на неё.

Дальше выяснилось, что в экипаже шкатулку держал не Цепочкин. Он поставил её в закрытый ящик под сиденьем, а сам сел сверху.

— Кто мог открыть ящик? — спросил капитан.

— Только я. Ключ был у меня.

— В нагрудном кармане?

— Да.

— Который вы повесили на крючок, когда вас укачало, — прочёл Дословцев из протокола.

Пристав мрачно посмотрел на секретаря.

— Вы обещали записать «проявил доверие дороге».

На внутренней стенке экипажа Пуаронов нашёл след красного сургуча. Он находился выше ящика, возле крючка.

— Здесь держали печать? — спросила Вера.

— Или шкатулку переворачивали, — сказал Эраст.

Пуаронов поставил её на бок. Сургучная печать точно совпала со следом.

— Зачем переворачивать запечатанную шкатулку? — спросил капитан.

Пуаронов провёл пальцем по крышке. Между двумя слоями стекла что-то скользнуло почти беззвучно.

— Чтобы переместить содержимое, не открывая её.

Судья снял вторую повязку.

— Вы утверждаете, что доказательство всё ещё в шкатулке?

— Я утверждаю, что у шкатулки больше одного места, которое можно назвать «внутри».

Глава сто пятьдесят восьмая

Свидетель под присягой мебели

На допрос вызвали экипаж.

Судья возразил, что экипаж не может принести присягу.

— Зато он не умеет бояться увольнения, — сказал Пуаронов.

Экипаж в зал не поместился, поэтому внесли сиденье, ящик и левую дверцу. Правая дверца потребовала отдельной повестки.

Пуаронов поставил ящик на свидетельский постамент.

На крышке ящика были четыре вмятины от ножек шкатулки. Три глубокие, одна едва заметная.

— Она стояла неровно, — сказала Вера.

— Или одна ножка стала короче, — ответил Эраст.

Осмотрели шкатулку. Все ножки были одинаковы, но под правой задней обнаружилась нажимная пластинка.

Когда Пуаронов надавил на неё, между слоями стеклянной крышки открылся узкий паз.

Тарас заглянул туда.

— Пусто.

— Осторожнее, — сказал капитан. — Это главное доказательство пустоты.

Пластинка работала только при определённом наклоне. Если шкатулку ставили ровно, паз закрывался. Если переворачивали на бок и прижимали печать к стенке экипажа, внутренний лоток скользил из дна в крышку.

— Значит, предмет спрятался наверху, — сказала Вера.

— Тогда почему его там нет сейчас? — спросил судья.

Пуаронов снял крышку после того, как судья официально разрешил нарушить целую печать. Между слоями стекла лежала только прозрачная тонкая пластина размером с ладонь.

Её не замечали, потому что она была прозрачной, а края точно совпадали с рамой.

В левом углу виднелась маленькая белая отметка.

— Единица ГД-1, — выдохнул Наличин.

Капитан нахмурился.

— Значит, кражи не было.

— Не торопитесь, — сказал Пуаронов. — Мы нашли предмет, подходящий под описание. Теперь надо доказать, что это то самое доказательство, а не прозрачная замена.

Скунс понюхал пластину.

— Сыр. Холод. Старые чернила. И ещё что-то знакомое.

Книга сама раскрылась. На одной из прежних страниц проступила трещина, похожая на белую отметку на пластине.

Эраст поднёс пластину к тексту. Через неё буквы раздвоились. Один слой показывал написанное, второй — слабую скрытую строку под ним.

Под фразой «главное доказательство исчезло» стояло:

«СУД ДОЛЖЕН ПРИЗНАТЬ ЦЕПОЧКУ НЕДОСТОВЕРНОЙ».

— Пластина читает скрытые команды Книги, — сказала Вера.

— Вот почему она главная, — понял капитан. — Она доказывает, что кто-то заранее написал исход дела.

Дословцев захлопнул портфель и направился к двери.

Дверь оказалась правой створкой экипажа и потребовала повестку.

Глава сто пятьдесят девятая

Доказательство существования доказательства

Дословцева вернули за секретарский стол. Он заявил, что просто хотел подышать коридором.

— Коридор находится снаружи, — заметил капитан.

— Именно поэтому я к нему и шёл.

Пуаронов не стал обвинять секретаря. Вместо этого он разложил на столе пять предметов: прозрачную пластину, опись, сырную печать, кусок бархата и стакан воды.

— Чтобы доказать существование вещи, которой никто не видел, нельзя полагаться на одну запись, — сказал он. — Запись могли придумать. Нужны следы, возникшие по разным причинам.

Он показал углубление в бархате.

— Первый след: прямоугольный предмет лежал на дне достаточно долго, чтобы прижать ворс.

Он подышал на стекло. Вокруг пластины выступила кайма.

— Второй: предмет был холоднее шкатулки и оставил границу конденсата.

Скунс ткнул носом в пластину.

— Третий: её клали рядом с сыром, когда делали пробную печать.

Эраст раскрыл Книгу.

— Четвёртый: она показывает нижний слой текста, который без неё не виден.

Вера добавила:

— И пятый: белая отметка в левом углу совпадает с описанием, присланным до упаковки.

— Пятый пока опасен, — сказал Пуаронов. — Автор записки мог описывать заранее приготовленную подмену.

Он опустил пластину в стакан воды. На поверхности выступили тонкие серебряные линии. Они образовали отпечаток надломленной буквы «м» и крючковой точки над «й».

Такие же дефекты были на основном договоре Полестова.

— Это матрица, которой печатали договоры, — сказал капитан.

— Часть матрицы, — уточнил Эраст. — На ней сохранился след одного абзаца.

Через пластину они прочли зеркальный текст:

«Передача всех будущих решений владельцу окончательной редакции».

В зале стало тихо уже без жалованья.

— Полестова задержали, — сказала Вера. — Кому понадобилось прятать улику против него?

— Тому, кто не хотел оправдать Полестова, — ответил Пуаронов. — Если бы пластину просто украли, подозрение пало бы на его сообщников. Но её спрятали так, чтобы суд объявил всю цепочку хранения ненадёжной. Тогда любое следующее доказательство тоже можно отвергнуть.

— Кому это выгодно? — спросил судья.

Пуаронов посмотрел на секретарский портфель с буквой «Д».

— Тому, кто продаёт уверенность после того, как уничтожает доверие.

Глава сто шестидесятая

Кража из запертой витрины

Чтобы понять механизм, Пуаронов велел снова запечатать шкатулку.

Наличин отказался.

— Печать уже признана ненадёжной.

— Прекрасно. Значит, второй раз она не испортит репутацию.

Настоящий штамп суда поставили на свежий сургуч. Царапина-молния отпечаталась отчётливо. Пуаронов положил пластину на бархат, закрыл крышку и продел нить через ушки.

— Теперь содержимое видно, — сказал судья.

— Поэтому все отвернутся.

Тарас отвернулся первым и сразу попытался посмотреть отражение в медной пуговице капитана.

Цепочкин взял шкатулку, повторил путь и поставил её в экипажный ящик. На повороте он повесил ключи на крючок. Пуаронов сел на место возницы и качнул кузов.

Шкатулка опрокинулась на бок. Печать упёрлась в сургучный след на стенке. Нажимная пластинка вошла внутрь. Лоток скользнул в крышку.

Когда все снова посмотрели, дно было пусто.

— Фокус, — сказал Тарас.

— Механизм, — поправила Вера.

— Фокус — это механизм, которому аплодируют до объяснения, — заметил Пуаронов. Он перевернул шкатулку в другую сторону. Лоток не вернулся.

— Значит, кто-то должен был освободить защёлку, — сказал капитан.

Пуаронов провёл вдоль стеклянного ушка магнитной стрелкой. Она дрогнула.

Внутри рамки находился железный штифт. Снаружи его можно было оттянуть сильным магнитом, не касаясь печати.

— У кого был магнит? — спросил судья.

У Цепочкина имелась только цепь. У Наличина — ключи. У Пустынской — ножницы и напёрсток. У Дословцева — застёжка портфеля.

Пуаронов поднёс застёжку к шкатулке. Штифт щёлкнул.

— Обычная застёжка, — сказал Дословцев. — Магниты притягивают железо. Это не преступление.

— Верно. Но ваша застёжка притягивает только правой стороной. Внутри спрятан направленный магнит.

Дословцев пожал плечами.

— Я мог случайно пройти рядом.

— В зале шкатулка уже была пустой на вид, — напомнила Вера. — Лоток поднялся в экипаже.

— А секретарь ехал другим экипажем, — добавил капитан.

Дословцев улыбнулся.

— Следовательно, я не мог применить магнит.

Пуаронов согласился.

— Именно. И это первый разумный довод, который вы сегодня внесли в протокол.

Улыбка секретаря стала осторожнее.

— Значит, я свободен?

— Нет. Значит, у вас был помощник. Или магнит применили раньше, чем мы думали.

Глава сто шестьдесят первая

Эксперт по отсутствующим предметам

Налицо Отсутствиевна Пустынская назвала себя экспертом высшей категории по отсутствующим предметам.

— Если предмет есть, — объяснила она, — им занимается обычный эксперт. Ко мне обращаются, когда платить уже почти не за что.

Она упаковала пластину накануне. По её словам, предмет принесли в чёрном футляре. Открывать футляр запрещалось, но упаковщица обязана была проверить его форму, температуру и отсутствие видимых повреждений.

— Как проверяют видимые повреждения, не глядя? — спросил Тарас.

— По инструкции.

— А инструкция смотрит?

— Она утверждена.

Пуаронов попросил повторить упаковку. Пустынская надела перчатки, открыла пустой футляр и стала двигаться очень точно: вынула воображаемую пластину, положила на бархат, закрыла шкатулку, дважды провела ладонью по крышке.

При втором движении её напёрсток коснулся правого ушка.

Штифт щёлкнул.

— Напёрсток магнитный, — сказала Вера.

Пустынская сняла его. Внутри блестел тонкий магнит.

— Он нужен, чтобы собирать иголки.

— В Хранилище есть иголки? — спросил капитан.

— Теперь ни одной. Я хорошо работаю.

Дословцев облегчённо выдохнул.

Пуаронов это заметил.

— Кто дал вам напёрсток?

— Секретарь. Мой потерялся утром.

— Когда?

— До упаковки. Я написала служебную записку.

Дословцев открыл папку. Записка лежала на месте и была зарегистрирована часом позже упаковки.

— Ошибка часов, — сказал он.

— После прошлого дела мы сверили все часы в городе, — напомнил Эраст.

— Тогда ошибка записки.

Пуаронов осмотрел напёрсток. На его внутренней стороне пристала зелёная нитка. Такая же торчала из подкладки секретарского портфеля.

— Вы принесли инструмент, который открывает скрытый лоток, — сказал капитан Дословцеву. — Пустынская случайно привела его в действие.

— Значит, это она спрятала доказательство.

— Спрятала, не зная, что делает, — ответил Пуаронов. — Но вы должны были знать устройство шкатулки. Иначе магнитный напёрсток был бы бесполезен.

— Я мог прочесть чертёж.

— Где?

— В деле.

Судья наклонился вперёд.

— Дело засекречено. Доступ есть только у судьи.

Дословцев посмотрел на обе повязки, лежавшие перед Фемидием Весовичем.

— Тогда, возможно, судья читал недостаточно беспристрастно.

Глава сто шестьдесят вторая

Заседание без обвиняемого

Судья Равновесов немедленно объявил себя временно подозреваемым и пересел со своего кресла на скамью обвиняемых.

— Кто теперь ведёт заседание? — спросила Вера.

— Я, пока не начну задавать себе наводящие вопросы.

— Вы уже начали, — заметил Эраст.

Судья объявил отвод самому себе, не принял его и подал жалобу на отказ.

Пуаронов вынул из шляпы маленького деревянного судью. Тот умел кивать, но не выносил решений без монетки.

— Для порядка хватит капитана, — сказала Прасковья. — А решения пока не нужны.

Она поставила посреди стола кнопку «НЕТ». Суд сразу стал осторожнее.

Равновесов признал, что читал чертёж шкатулки месяц назад. Её изготовили специально для тайных доказательств: скрытый лоток позволял судье увидеть предмет только после снятия печати и поворота ключа.

— Но магнита в чертеже не было, — сказал он. — Штифт должен открываться серебряным ключом.

Ключ хранился у судьи на шее. Он показал его. Конец ключа входил в стеклянное ушко и отодвигал тот же штифт.

— Значит, кто-то обнаружил, что ключ можно заменить магнитом, — сказала Вера.

— Кто видел чертёж кроме вас? — спросил капитан.

— Мастер-стекольщик и секретарь, который переписывал заказ.

Дословцев поднялся.

— Я переписываю всё. Это моя работа, а не признание.

— Ваша работа дала знание механизма, — сказал Пуаронов. — Напёрсток дал средство. Но мотива всё ещё нет.

— Как это нет? — удивился Тарас. — Он подозрительно произносит слово «переписываю».

— Подозрительный глагол не заменяет выгоду.

Дословцев потребовал предъявить обвиняемого.

— В деле о пропавшем доказательстве обвиняемого пока нет, — ответил капитан.

— Тогда заседание незаконно.

— Это проверка обстоятельств, — сказал судья со скамьи.

— В протоколе написано «судебное разбирательство».

Все посмотрели на раскрытую книгу Дословцева. Вверху страницы действительно стояли эти слова. Ниже уже было записано:

«Суд признаёт цепочку хранения нарушенной, доказательство недопустимым, а все вытекающие материалы — несуществующими».

Строка заканчивалась точкой, хотя никто такого решения не произносил.

— Вы написали приговор заранее, — сказал капитан.

— Черновик.

— Тогда почему чернила сухие? — спросил Пуаронов.

Глава сто шестьдесят третья

Протокол написанный до вопроса

Дословцев утверждал, что хороший секретарь заранее знает, к чему придёт суд.

— Иначе заседания затягиваются, — объяснил он. — Люди начинают говорить то, чего нет в заготовке.

Пуаронов перелистал протокол. Там были записаны будущие реплики всех присутствующих.

Капитану предстояло трижды сказать «закон есть закон», Вере — заметить противоречие, Эрасту — поправить определение, Тарасу — съесть улику.

— Возражаю, — сказал Тарас. — Я ещё ни одной не съел.

Дословцев показал следующую строку: «Тарас отрицает привычное».

— Это нечестно.

— «Тарас возмущается точностью протокола», — прочёл секретарь.

Тарас закрыл рот обеими руками.

Дословцев перевернул страницу.

— «Тарас молчит, чем подтверждает отсутствие возражений».

Скунс нажал кнопку «НЕТ».

Чернила на будущих строках дрогнули.

Пуаронов положил рядом Книгу и прозрачную пластину. Под видимым протоколом обнаружился второй слой:

«После исключения матрицы единственным достоверным источником станет заверенная судебная копия».

— Кто заверяет копии? — спросила Вера.

Дословцев молчал.

Прасковья нашла на стене преискурант:

«Копия простая — две монеты. Копия заверенная — десять. Копия, признанная единственным источником истины, — половина спорного имущества».

— Вот выгода, — сказал капитан.

— Больше, — возразил Эраст. — Если оригинальные доказательства признают ненадёжными, секретарь получает право определять содержание всех дел по своим копиям.

Пуаронов кивнул.

— Полестов хотел стать окончательной редакцией будущего. Дословцев решил стать заверенной копией прошлого. Они спорили не о правде, а о том, кто будет её печатать.

Дословцев усмехнулся.

— Красиво. Но вы всё ещё не доказали, что я изготовил магнитный напёрсток, подменил печать или написал анонимную записку.

— А это и не обязательно для каждого действия, — сказал Пуаронов. — Преступление могло быть распределено между людьми, не понимавшими общего плана. Пустынская применила магнит. Наличин принял заранее составленную опись. Цепочкин перевернул шкатулку в экипаже. Каждый выполнил обычную процедуру. Вы расставили процедуры так, чтобы они сложились в исчезновение.

— Предположение.

— Пока да.

Пуаронов вырвал из своей книжечки чистый лист.

— Поэтому сейчас мы зададим вопрос, которого нет в вашем протоколе.

Он написал несколько слов, сложил лист и передал судье.
Равновесов прочёл, удивился и спрятал лист под повязку.
Дословцев впервые за всё заседание не знал, что будет сказано дальше.

Глава сто шестьдесят четвёртая

Пуаронов вызывает пустоту

— Суд вызывает свидетеля, которого нет, — объявил Равновесов.

— Имя? — спросил Дословцев, готовя перо.

— Пропущенное слово.

В зал внесли опись Хранилища, накладную пристава и судебный протокол. Пуаронов положил три документа рядом.

В первом было написано: «Принят предмет прямоугольной формы».

Во втором: «Принята запечатанная шкатулка».

В третьем: «Получено главное доказательство».

— Где исчез предмет? — спросила Вера.

— Между первым и вторым документом, — ответил Эраст. — Накладная подтверждает шкатулку, но не её содержимое.

— А третий снова добавляет содержимое без проверки, — сказал капитан.

Пуаронов указал на пустое место перед словом «шкатулка» в накладной.

— Здесь раньше было «содержащая предмет». Волокна бумаги примяты, чернила соскоблены.

Дословцев пожал плечами.

— Кто угодно мог убрать слова.

— Убравший использовал секретарский нож с треугольным сколом.

Нож Дословцева оказался цел.

— Ошибка, господин сыщик.

— Это не ваш нож, — согласился Пуаронов.

Он попросил Наличина показать инструмент для исправления описей. У хранителя был нож с треугольным сколом.

Наличин рухнул на стул.

— Секретарь сказал, что формулировка лишняя. Шкатулка уже запечатана, значит, содержимое подразумевается.

— Когда сказал?

— После отправки. Он прислал распоряжение по трубе.

Распоряжение сохранилось. Подписи не было, зато внизу стояла буква «Д».

— Дословцев, — сказал капитан.

— Дежурный, — ответил секретарь. — Или доставка. Или дыня.

— На деревянном штампе тоже «Д», — напомнила Вера.

— Дерево.

Тарас уважительно покачал головой.

— С таким запасом слов он мог бы оправдать алфавит.

Пуаронов вызвал вторую пустоту: промежуток времени между шестью десятью и шестью двадцатью. По журналу футляр покинул Архив в шесть десять, а в Хранилище прибыл через десять минут. Дорога занимала две минуты.

— Восемь минут никто не описал, — сказал он. — Где был предмет?

Цепочкин вспомнил, что его остановили у судебной столовой. Секретарь попросил передать срочную папку и подержал футляр, пока пристав расписывался.

— Я не открывал футляр, — сказал Дословцев.

— Не требовалось. Вам нужно было приложить пластину к сырной печати и оставить запах, который позже укажет на столовую.

— Зачем мне оставлять улику против себя?

— Запах вёл не к вам. Он вёл к Тарасу, если тот признается в сыре, или к Корочкину, если не признается.

Тарас обиделся.

— Я признаюсь в сыре только при наличии сыра.

Глава сто шестьдесят пятая

Тарас и презумпция сыра

Тарас потребовал отдельного заседания по вопросу своей гастрономической невиновности.

— Презумпция невиновности означает, что обвинение доказывает вину, — сказал капитан.

— А презумпция сыра?

— Что сыр считается несъеденным, пока не доказано обратное, — предложила Вера.

— Прекрасный закон.

Пуаронов попросил принести оставшийся круг из столовой. На нём сохранился не только оттиск печати, но и тонкий прямоугольный след.

Пластину приложили к сыру. Она совпала по ширине, но была на два пальца короче следа.

— Подмена, — сказал капитан. — К сыру прикладывали другую пластину.

— Или след продолжился от предмета, лежавшего рядом, — заметил Эраст.

Пуаронов осмотрел след через лупу. В длинной части сыр был гладким, в короткой — покрытым мелкими параллельными бороздками.

На прозрачной пластине имелись те же бороздки от печатной формы.

— Пластину положили сюда, — сказал он. — А рядом лежал секретарский нож. Его лезвие продолжило прямоугольник.

Нож Дословцева подошёл по длине и ширине.

— Мой нож мог оказаться в столовой отдельно от меня.

— Мог, — согласился Пуаронов. — Поэтому посмотрим, что он резал.

На лезвии обнаружились сургуч, древесная пыль и крошечная крупинка сыра.

— Он вырезал деревянный штамп, — сказала Вера.

— И обрезал пробный оттиск, — добавил капитан.

Дословцев всё ещё держался.

— Нож служебный. Им пользуется весь суд.

Тарас взял нож и попытался отрезать ломтик.

— Лезвие заточено только с левой стороны.

— И что? — спросил Дословцев.

— След на сыре тоже скошен слева, — сказал Тарас. — Кто резал, держал нож гербом вверх. Иначе скос был бы справа.

Вера улынулась.

— Хорошее наблюдение.

Тарас выпрямился.

— Я много лет исследую сыр с разных сторон.

Пуаронов записал вывод на доске:

«Штамп вырезали служебным ножом Дословцева. Нож лежал рядом с пластиной. Человек, державший футляр восемь минут, имел возможность сделать и то и другое».

— Возможность не равна вине, — сказал судья.

— Именно, — ответил Пуаронов. — Теперь нужна ошибка, которую мог совершить только автор плана.

Он попросил Дословцева продолжить протокол с того места, где тот остановился.

Секретарь обмакнул перо и написал: «После обнаружения матрицы в крышке...»

Пуаронов поднял руку.

— Мы при всех называли предмет пластиной. Слово «матрица» появилось только после того, как Эраст прочёл отпечаток. Но в вашем заранее написанном решении оно стоит на предыдущей странице.

Глава сто шестьдесят шестая

Кому выгодно сомнение

Дословцев положил перо.

— Я догадался, что пластина является матрицей.

— Когда? — спросил капитан.

— Сейчас.

— А написал вчера.

— Я заранее догадался сейчас.

Судья Равновесов вздохнул.

— Даже для суда это слишком.

Пуаронов не спешил. Он попросил принести книги учёта заверенных копий. За последний месяц Дословцев оформил двести семьдесят соглашений: если оригинал утрачен, повреждён или признан недопустимым, его судебная копия становится единственной версией.

Среди них были договоры Полестова, приказы Совета готовых ответов и список владельцев городских вопросов.

— Вы готовились присвоить не одно дело, — сказала Вера. — Вы хотели заменить копиями весь архив.

— Копии аккуратнее оригиналов, — ответил Дословцев. — В оригиналах люди ошибаются, возражают, меняют мнение. В копии всё остаётся на месте.

— Особенно владелец, — сказал Эраст.

Пуаронов построил на столе цепочку событий.

Сначала Дословцев изучил чертёж шкатулки и обнаружил, что штифт реагирует на магнит.

Затем изготовил копию печати и проверил её на сыре. В это же время он подержал футляр, приложил матрицу к сыру и получил её точный запах.

Пустынской он дал магнитный напёрсток. Упаковщица закрыла скрытый лоток, сама того не зная.

Наличину велел убрать из накладной слова о содержимом. Цепочкину не сообщил о нажимной ножке. В экипаже шкатулка перевернулась, лоток ушёл в крышку, и доказательство стало невидимым.

Утром Дословцев подготовил решение о нарушенной цепочке хранения. После него все оригиналы, связанные с матрицей, теряли силу, а его заверенные копии получали её.

— Но зачем поддельная печать? — спросила Прасковья. — Настоящая осталась цела.

— Запасной план, — ответила Вера. — Если лоток не сработает, он мог заменить содержимое и снова запечатать шкатулку.

— Тогда на новой печати не было бы царапины, — добавил Тарас. — Потому и проверял копию на сыре.

Пуаронов кивнул.

— План имел два пути, но одну цель: создать сомнение, которое невозможно устранить обычной процедурой.

— Сомнение полезно, — сказал судья. — Оно защищает невиновного.

— Полезно честное сомнение, выросшее из неполных фактов. Дословцев изготовил сомнение как поддельную печать и собирался продавать средство от него.

Скунс подошёл к секретарю.

— От вас пахнет сыром слабее, чем от шкатулки. Но сильнее, чем от человека, который просто обедал.

— Это не доказательство.

— Верно, — сказал Пуаронов. — Это последнее совпадение после цепочки доказанных действий. Приговор нельзя строить на запахе. Зато запах помогает выбрать карман.

Капитан проверил внутренний карман Дословцева. Там лежал маленький магнит в зелёной ткани и семь сантиметров красной нити.

— Нить от шкатулки? — спросил он.

Пуаронов приложил её к обрезанному концу. Волокна совпали.

— Вот почему в накладной было два метра, а на шкатулке осталось метр девяносто три. Он отрезал кусок для пробного опечатывания.

Глава сто шестьдесят седьмая

Вещь которую никто не крал

Капитан защёлкнул наручники на запястьях Дословцева.

Секретарь посмотрел на них с профессиональным интересом.

— Формулировка обвинения?

— Покушение на уничтожение доверия к доказательствам, вмешательство в цепочку хранения, изготовление поддельной печати и очень утомительное ведение протокола.

— Последнее не предусмотрено законом.

— Пора предусмотреть, — сказал судья.

Дословцев поднял подбородок.

— Но я ничего не украл. Матрица осталась в шкатулке.

— Поэтому обвинения в краже не будет, — ответил Пуаронов.

Капитан удивился.

— Он устроил исчезновение главного доказательства.

— Устроил видимость исчезновения. Закон должен называть поступок точно, даже если преступник ему неприятен.

Судья одобрительно надел одну повязку. Вторую оставил на столе для особо сложных случаев.

Пуаронов объяснил дело ещё раз, коротко и по порядку.

Матрица существовала: на бархате остался её след, на стекле — кайма конденсата, на сыре — отпечаток, а сама пластина читала скрытый слой Книги.

Цепочка хранения была неполной: Хранилище описало предмет, пристав принял только шкатулку, суд снова назвал её содержимое, ничего не проверяя.

Механизм не нарушал печать: нажимная ножка открывала путь в двойную крышку, магнит освобождал штифт, а наклон перемещал лоток.

Знание, средство и выгода сошлись у Дословцева: он переписывал чертёж, выдал магнитный напёрсток, изготовил штамп своим ножом, заранее написал решение и собирался сделать собственные копии единственной истиной.

Его выдала не одна эффектная улика. Каждая улика закрывала отдельный вопрос.

— А сыр? — спросил Тарас.

— Сыр показал место пробной печати и связал нож, штамп и пластину.

— Значит, сыр участвовал в раскрытии?

— Как свидетель.

Тарас торжественно снял шапку.

— Прошу не уничтожать свидетеля после суда.

Корочкин возразил, что свидетель числится собственностью столовой.

Скунс возразил против слова «собственность».

Прасковья зарегистрировала оба возражения и отправила их правильному адресату. После предыдущего дела она делала это с некоторым наслаждением.

Фемидий Весович постановил вернуть матрицу в Хранилище, но только после составления новой цепочки: каждый получатель обязан был проверить печать, массу, описание и личность передающего.

— А если нельзя видеть содержимое? — спросил Цепочкин.

— Тогда проверяйте признаки, которые можно наблюдать, — сказал Пуаронов. — Тайна предмета не отменяет точности передачи.

Дословцев потребовал копию постановления.

— Простую или заверенную? — спросил судья.

Секретарь ничего не ответил.

Дословцев внёс бы это в протокол как согласие, но перо у него уже забрали.

Глава сто шестьдесят восьмая

Приговор пустой шкатулке

Главный суд впервые рассматривал дело, в котором вещь признали невиновной.

Шкатулку поставили на скамью подсудимых. Она выглядела прозрачной, хрупкой и совершенно не раскаивалась.

— Обвинение утверждало, что шкатулка пуста, — начал Равновесов. — Следствие установило, что она полна скрытых отделений, чужих предположений и одного главного доказательства.

— А ещё отпечатков пальцев, — добавил капитан.

— Их суд вернёт владельцам по описи.

Приговор Дословцеву решили не поручать Дословцеву. Прасковья записывала только произнесённое и оставляла широкие поля для возражений.

Наличина отстранили от Весов несомненности. Настоящие весы показали, что шкатулка с матрицей тяжелее пустой на двести восемьдесят граммов.

— Почему никто не заметил? — спросила Вера.

— Потому что все смотрели на прикрученную табличку, — ответил Эраст.

Пустынской разрешили продолжить работу, но магнитный напёрсток заменили обычным. Она немедленно нашла в Хранилище сто семь иголок, которые раньше считались отсутствующими.

Цепочкин снял железную цепь с плеча и завёл журнал людей. Первой строкой написал: «Передал я». Второй: «Приняла Пустынская». Третьей: «Оба посмотрели друг на друга».

— Последнее обязательно? — спросил капитан.

— После этого дела — да.

Судья распорядился снять с фасада сломанные весы. Когда их открутили, из стены выпал небольшой конверт.

На нём было написано:

«Вскрыть после вынесения приговора по делу о матрице».

— Опять заранее, — сказала Вера.

Пуаронов проверил печать. Она была настоящей и очень старой.

Внутри лежала тюремная ведомость. В ней значился один заключённый без имени. Его вина была заперта в камере номер семь, а сам заключённый — в камере номер восемь.

Сегодня утром камера восемь осталась запертой изнутри, заключённый исчез, а вина по-прежнему сидела в соседней камере и требовала адвоката.

Тарас перечитал ведомость.

— Если человек сбежал, а вина осталась, он теперь невиновен?

— Нет, — сказал капитан.

— Если вина сидит, а человек гуляет, кто отбывает наказание? — спросила Вера.

Судья снова потянулся за второй повязкой.

Скунс понюхал конверт.

— Камень, ржавчина, дождь. И свобода.

— Свобода пахнет? — удивился Эраст.

— Когда долго была заперта.

Книга перелистнула сразу несколько страниц, словно торопилась первой добраться до тюрьмы.

На чистом листе появились слова:

«ЧАСТЬ ДЕСЯТАЯ. ТЮРЬМА, ИЗ КОТОРОЙ СБЕЖАЛА НЕВИНОВНОСТЬ».

— В ведомости сбежал заключённый, — заметил капитан.

Буквы исправились:

«ТЮРЬМА, ИЗ КОТОРОЙ СБЕЖАЛА ВИНА».

— Вина осталась в камере, — сказал Эраст.

Книга сердито зачеркнула заголовок и написала третий:

«ТЮРЬМА, КОТОРАЯ САМА НЕ ЗНАЕТ, КТО ИЗ НЕЁ СБЕЖАЛ».

Пуаронов надел шляпу.

— Наконец честная формулировка.

Тарас завернул судебный сыр в копию повестки.

— Свидетеля берём?

— Берём, — решил капитан. — Но допросишь его только после ужина.

Они вышли из суда. За спиной шкатулка тихо щёлкнула и вернула скрытый лоток на дно.

Теперь она знала правду о себе.

И впервые никто не попросил заверенную копию.

Часть десятая

Тюрьма, которая сама не знает, кто из неё сбежал

Глава сто шестьдесят девятая

Тюрьма с двумя списками

Тюрьма стояла на холме, потому что все здания, из которых трудно выйти, любят смотреть сверху на тех, кто ещё может.

У неё было четыре стены, пять башен и девять ворот. Пятый башенный начальник объяснил, что лишняя башня нужна для наблюдения за остальными четырьмя, а девять ворот — чтобы надёжнее учитывать, через какие восемь никто не выходит.

Над главными воротами висела надпись:

«ЗДЕСЬ КАЖДЫЙ НАХОДИТСЯ НА СВОЁМ МЕСТЕ».

Под ней мелом было дописано:

«КРОМЕ ОТВЕТСТВЕННОГО»

Начальник тюрьмы Безвыходий Аркадьевич Замкнутов встретил их во дворе. Он был широк в плечах, узок во взглядах и носил на поясе столько ключей, что при каждом шаге звучал как металлический дождь.

— Прошу не называть происшествие побегом, — сказал он вместо приветствия. — По нашим сведениям, побега не было.

— А заключённый исчез? — спросил капитан.

— Исчез.

— Из запертой камеры?

— Из запертой.

— И за стенами его нет?

— Не обнаружен.

— Тогда как вы называете происшествие?

Замкнутов достал бумагу.

— Временное отсутствие лица при полном наличии срока.

— Очень удобно, — сказал Эраст. — Особенно лицу.

Во дворе их ждали главный надзиратель Ключ Ключевич Замков и начальник тюремной регистрации Срок Срокович Недосиделов. Замков был сух, прям и постоянно проверял чужие карманы глазами. Недосиделов был круглый, мягкий и держал под мышкой две огромные книги.

— Почему две? — сразу спросил Пуаронов.

Регистратор прижал книги к себе.

— В синей записаны люди. В красной — приговоры.

— Разве одному человеку не соответствует один приговор?

Все трое тюремных служащих посмотрели на него так, словно детектив предложил поселить суп вместе с тарелкой.

— Человек может заболеть, умереть, быть переведён, потерять имя или приобрести второе, — объяснил Недосиделов. — Приговор при этом обязан находиться на месте.

— А приговор может уйти раньше человека? — спросила Вера.

— Только при помиловании.

— Человек раньше приговора?

— Только при побеге.

— А имя раньше обоих?

Недосиделов кашлянул.

— Для этого у нас нет отдельной инструкции.

Скунс обошёл регистратора и понюхал синюю книгу.

— От неё пахнет мокрой шерстью.

— Переплёт телячий.

— Телята не носят тюремную форму.

Недосиделов спрятал книгу за красную.

Замкнутов повёл их в административный корпус. На стенах висели таблицы: сколько заключённых принято, сколько выпущено, сколько сидит, сколько должно сидеть и сколько, по мнению казначейства, сидело бы дешевле стоя.

Главная таблица сообщала:

«ПОБЕГОВ ЗА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ — НОЛЬ».

Под нолём блестела свежая краска.

— Красили сегодня? — спросила Прасковья.

— Обновляем достижения каждое утро, — ответил начальник.

— Даже если число не меняется?

— Особенно если не меняется.

Пуаронов остановился перед двумя досками. На одной мелом были написаны номера камер и фамилии. На другой — номера дел и сроки.

У камеры восемь фамилии не было. Вместо неё значилось: «ИМЯРЕК». Рядом висела пустая латунная рамка с двумя свежими царапинами.

В списке приговоров напротив дела номер восемь стояло: «Десять лет. Осталось семь лет, четыре месяца, двенадцать дней».

— Когда поступил Имярек? — спросил Пуаронов.

Недосиделов раскрыл синюю книгу.

— Три года, семь месяцев и восемнадцать дней назад.

— Тогда арифметика верна.

— У нас всё верно, — сказал Замкнутов. — Кроме отсутствующего.

Тарас заглянул в красную книгу.

— А почему срок сегодня уменьшился дважды?

На полях стояли две одинаковые чёрточки. Одна была проведена чёрными чернилами, другая — синими.

Недосиделов быстро перевернул страницу.

— Служебная особенность.

— Особенности обычно не прячут, — заметил Пуаронов. — Прячут объяснения.

Он достал маленькую записную книжку с надписью «Первое впечатление». Открыл, прочитал чистую страницу и убрал обратно.

— Что вы записали? — спросил капитан.

— Ничего. Первое впечатление слишком любит быть последним. Я предпочитаю оставить ему мало места.

Ключ Ключевич протянул связку.

— Камера восемь опечатана. Замок не повреждён. Внутренний засов задвинут. Окно уже головы. Стены толщиной в три локтя. Подкопа нет.

— Кто видел заключённого последним?

— Я, — сказал Замков. — Вчера в девять вечера. Передал ужин через кормушку. В десять проверил дверь. В шесть утра пришёл на обход. Засов был закрыт, камера пуста.

— А кто видел его первым после исчезновения? — спросил Тарас.

Надзиратель нахмурился.

— Никто.

— Значит, последнее свидетельство сильнее первого.

— Какое первое?

— Что его нет.

Пуаронов серьёзно посмотрел на мальчика.

— Формулировка ужасная. Наблюдение правильное.

Он повернулся к начальнику.

— Сначала покажите нам внешний периметр. Если человек покинул тюрьму, он должен был пересечь границу. Если не пересёк, исчезло что-то другое.

— Что может исчезнуть вместо человека? — спросил Замкнутов.

Скунс снова понюхал синюю книгу.

— Пока что его имя.

Глава сто семидесятая

Камера, запертая изнутри

До камеры восемь вели три решётки, два поворота и коридор, который пах всеми супами, когда-либо поданными в плохом настроении.

Замков отпирал двери по очереди. Каждый ключ он называл по имени.

— Степан. Акакий. Младший Порфирий. Запасной Акакий.

— Почему ключи имеют имена, а заключённый нет? — спросила Вера.

— Ключи не меняются местами без приказа.

Камера восемь была закрыта большим наружным замком. За узким оконцем в двери виднелся конец внутреннего засова, вошедший в каменную скобу.

Замков снял наружный замок, но дверь не открылась.

— Видите? Изнутри.

— Вижу положение засова, — сказал Пуаронов. — Кто его задвинул, пока не вижу.

Над дверью была кормушка — прямоугольная заслонка, через которую передавали еду. Её нижний край блестел от свежей потёртости. В левом углу застряло синее шерстяное волокно.

Пуаронов не коснулся его. Попросил Прасковью снять волокно щипцами и положить в конверт.

— Форма надзирателей синяя? — спросил он.

— Синяя, — ответил капитан.

Замков расправил рукав.

— Половина тюрьмы синяя.

— Поэтому волокно ничего не доказывает само по себе.

— Тогда зачем взяли?

— Чтобы оно не успело начать доказывать лишнее.

Засов пришлось отодвигать длинным железным крюком через смотровое окно. На это ушло пять минут, два служащих и одно распоряжение начальника, которое только мешало.

Внутри стояли койка, стол, ведро, табурет и тарелка. Решётчатое окно выходило во внутренний двор. Между прутьями проходила ладонь Тараса, но только после того, как он снял с неё украденную у суда булочку.

Капитан осмотрел камень под окном.

— Следов верёвки нет. Прутья целы.

Вера проверила пол.

— Пыль у стен непрерывная. Подкопа не было.

Эраст постучал по кладке. Стены отвечали глухо, кроме участка за койкой. Там ответ был чуть выше.

— Пустота? — спросил он.

— Или соседняя камера ближе, чем кажется, — сказал Пуаронов.

Койка крепилась к стене на тяжёлых петлях и могла подниматься. Когда капитан поднял её, обнаружилась неглубокая ниша. В нише помещались одеяло, два сапога и худой человек, если человек очень хотел помочь измерению.

На камне осталась дуга свежей смазки.

— Тайник, — сказал Замкнутов.

— Скорее место для уборки койки, — возразил Замков. — Так устроены все камеры этого крыла.

Пуаронов лёг в нишу.

Он сложил руки на груди, закрыл глаза и сказал:

— Если кто-нибудь спросит, я проверяю версию, а не отдыхаю.

Тарас опустил койку. Детектив исчез.

— Удобно? — спросил мальчик.

— Для алиби тесно. Для человека достаточно.

Снаружи койка выглядела обычно. Но нижняя ножка при опускании надавливала на тонкий металлический рычаг у пола. Вера нажала его пальцем. За дверью щёлкнул засов.

Замков побледнел.

— Это невозможно.

— Уже случилось, — глухо ответил Пуаронов из-за койки. — Невозможность опоздала.

Койку подняли. Он выбрался, стряхивая известь со шляпы.

Рычаг соединялся со скрытой тягой, проходившей внутри стены к дверному засову. Когда койка опускалась до конца, засов уходил вправо и запирал дверь. Когда её поднимали, пружина должна была вернуть его влево.

Но пружина была перехвачена тонкой проволокой.

— Значит, заключённый мог выйти, затем кто-то опустил койку и дверь закрылась? — спросил капитан.

— Дверь закрывается наружу, а койка находится внутри, — напомнила Вера.

— Тогда он спрятался за койкой, дождался осмотра и ушёл потом.

— Через что?

Капитан посмотрел на дверь, окно, пол и стены. Они не предложили ему ничего.

Пуаронов осмотрел проволоку. Она была обмотана зелёной бумагой.

— Койка объясняет запертый изнутри засов, но не исчезновение. Это две задачи. Не будем насильно превращать их в одну.

На столе стояла тарелка, вытертая хлебом почти до блеска. Рядом лежала рыбья косточка.

— Что было на ужин? — спросил Эраст.

— Каша, — ответил Замков.

— С рыбой?

— Без рыбы.

Тарас достал судебный сыр.

— Может, свидетель опознает родственника?

— У сыра нет костей, — сказала Прасковья.

— Поэтому он так долго не признаётся.

Пуаронов завернул косточку отдельно.

— Когда забрали тарелку?

— Сегодня утром, после обнаружения исчезновения.

— Кто?

— Дежурный раздатчик.

— Значит, после девяти вечера в камере ели не только тюремный ужин. Найдите кухонные ведомости и раздатчика. А пока покажите соседнюю камеру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.